

История Средних веков

Сергей Александрович Нефедов

Посвящается другу

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для многих читателей эта книга не требует особого предисловия – ее можно читать просто как "роман истории". Это действительно увлекательный роман, особенность которого заключается в том, что он написан по "учебной программе". Эта программа значительно шире программы обычной школы, и по этой книге могут заниматься учащиеся гуманитарных лицеев и студенты институтов – те, для которых история не является основной специальностью. Для любителей истории книга С. А. Нефедова представляет собой настоящий клад – они могут найти здесь много нового и интересного – не только факты, но и концепцию, помогающую понять историю. Современные российские учебники обычно лишь пересказывают события и мало что объясняют; *эта книга объясняет историю* .

Конечно, историю можно объяснять, лишь опираясь на мощную и хорошо разработанную теорию исторического процесса. Автор не пишет о происхождении используемой им концепции, и именно это обстоятельство побудило меня написать это краткое предисловие. Основа этой книги – концепция знаменитой французской школы "Анналов", и в частности, так называемая теория "вековых тенденций" (или "демографических циклов"). В основе концепции "Анналов" лежит объяснение исторических событий через посредство демографических, экономических и экологических закономерностей. Эта теория разработана в трудах знаменитых ученых, таких, как Фернан Бродель, Эрнест Лабрусс, Франсуа Симиан, Пьер Шоню; в ее создание внесли свой вклад известные европейские и американские историки Майкл Постан, Вильгельм Абель, Курт Хеллинер, Карло Киполла, Рондо Камерон. В своих основных чертах эта концепция сформировалась достаточно давно, почти полвека назад; она получила название "La Nouvelle Histoire" – "новая историческая наука".

"Очень нелегко переубедить историков и особенно преподавателей общественных наук, упорно желающих понимать под историей то, чем она была вчера, – писал Фернан Бродель. – А между тем, новая историческая наука уже существует, непрерывно совершенствуясь и видоизменяясь..." С тех пор как были написаны эти слова, прошло больше сорока лет, и концепция "новой исторической науки" стала классикой западной историографии; она вошла в учебники и энциклопедии. У школы "Анналов" появились "родственники" в других странах – "новая научная история" в Англии и "новая экономическая история" или "клиометрия" в Америке. Поскольку демографические и экономические закономерности описываются математическими уравнениями, то американские "клиометристы" предприняли попытку выразить исторические процессы с помощью математических моделей. Простейшая из используемых ими моделей – это логистическое уравнение, о котором говорится в приложении к этой книге.

Конечно, учебник, написанный с позиций западной историографии, может вызвать естественные вопросы у российского читателя. Долгий период изоляции от мировой исторической науки не прошел даром, и теперь у нас, как когда-то во Франции, "очень нелегко переубедить историков и особенно преподавателей общественных наук, упорно желающих понимать под историей то, чем она была вчера". Но времена меняются, и постепенно приходит новое понимание окружающего нас мира. Будем надеяться, что книга С. А. Нефедова внесет свой вклад в это новое видение исторической реальности.

Академик Российской Академии Наук,
директор Института истории и археологии
УрО РАН
В. В. Алексеев

Пролог Гибель древнего мира

*Смотри, сколь внезапно смерть
осенила весь мир...*
Ориденций .

Древний мир остался в памяти поколений как созвездие чудесных легенд, повествующих о богах и героях, о Вавилонской башне, об Александре Великом, об Иисусе Христе. Легенды рассказывали о мудрецах, постигших тайны природы, об удивительных машинах Архимеда, о колоссальных статуях, у ног которых проплывали корабли – и люди новой эпохи с удивлением взирали на остатки Великого Прошлого: на застывшие в веках пирамиды, на беломраморные колонны Парфенона и на огромные амфитеатры, на аренах которых варвары строили свои деревни и сеяли пшеницу.

Катастрофа, погубившая цивилизацию Древнего Мира, была вызвана новым ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМ ОТКРЫТИЕМ кочевников – изобретением стремени. Стремя сделало всадника устойчивым в седле и позволило использовать копье и саблю. Привстав в стременах, всадник обрушивал на римского легионера или китайского пехотинца удар, в который вкладывал всю массу своего тела. Металлический овал на боку лошади породил страшную Волну, принесшую гибель цивилизации и оборвавшую ход всемирной истории.

Угроза, исходившая из Великой Степи, уже давно ощущалась на Востоке и Западе. "На границе... стоят огромные полчища кочевников, угрожающие нам обоим, – писал сирийскому царю правитель Бактрии Евтидем, – и если только варвары перейдут границу, то страна, наверное, будет завоевана ими". Бактрийские цари воздвигли для защиты от кочевников стену длиной в 250 километров – об этой стене рассказывал великий поэт Навои; он писал, что ее построил Александр Македонский ("Искандер Двурогий"), чтобы спасти мир от нашествия диких народов – "Тога и Магога". Цивилизация защищалась, как могла, Империи перегораживали стенами равнины Европы и Азии. Но стены в тысячи ли было трудно охранять по всей их длине; они спасали от набегов родовых ополчений, но не могли защитить от Орды. Спасением цивилизации была родовая и племенная рознь кочевников, вечная и всеобщая война в Степи – баранта. Баранта давала выход демографическому давлению; прекращение же баранты и объединение племен означало подготовку к нашествию на окружающий мир: демографическая энергия Орды выливалась во всепокрушающую Волну.

Иляты, "люди меча", – так называли кочевников на Востоке. "У них считается счастливым тот, кто выпускает дух в сражении, – писал римский историк Аммиан Марцеллин, – а стариков и умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как выродков и трусов. Они ничем так не хвастаются, как убиением какого-либо человека, и в виде славных трофеев навешивают на своих коней кожи, содранные с голов убитых". Они поклонялись мечу, "по варварскому обычаю втыкали в землю обнаженный меч и поклонялись ему, как Марсу". Война была способом существования Орды, каждый кочевник проходил жестокий естественный отбор в десятках поколений. В то время как кочевники совершенствовались в искусстве войны, привыкшие к мирной жизни крестьяне-земледельцы постепенно утрачивали качества воинов. Христианское, буддийское, конфуцианское воспитание прививало им покорность,

терпеливость и дружелюбие к окружающим. Когда этих крестьян посылали в бой, то они гибли при первом же ударе Орды; как говорит монгольское "Сокровенное сказание", "кости трещали словно сухие сучья".

Победы "людей меча" над огромными армиями империй объяснялись не только их силой, выносливостью и дикой яростью, с которой они бросались в бой. Иляты были подлинными кентаврами, они были неотделимы от своих лошадей. "Приросшие к своим выносливым, но безобразным на вид лошаде́нкам, они исполняют на них все обычные свои дела, – свидетельствует римский историк, – на них каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продает, ест и пьет, и, пригнувшись к узкой шее своей скотины, погружается в глубокий сон..." Это единение с конем удесятряло силы человека – притом, что, невзрачные на вид, кони гуннов принадлежали к лучшим породам мира. Великая Степь была родиной дикой лошади, она издавна славилась самыми сильными и самыми выносливыми породами. Это были полудикие "монголки" и "небесные кони" Ферганы – именно эти знаменитые лошади обеспечили победу Орды. "Северные войска потому одерживают победы, – говорил китайский император Ай-цзун, – что опираются на силу северных коней". Этих коней нельзя было разводить вне Степи: в другом климате они давали слабое и болезненное потомство. В средневековой Европе настоящий боевой конь стоил в шесть раз дороже слабых крестьянских лошадок.

История кентавров прошла через несколько стадий – несколько своеобразных мутаций, с каждой из которых человек и лошадь все теснее соединялись друг с другом. Каждая мутация по существу порождала новый подвид, новую разновидность Homo Sapiens, обладавшую новыми возможностями в искусстве выживания и войны с окружающим миром. Первой такой мутацией было изобретение колесницы древними ариями, второй – освоение всадничества скифами. Каждая мутация-открытие порождала Волну: обладатели Нового Оружия объединяли степные племена и лавиной обрушивались на окружавшие их земледельческие народы.

В конце III века до н. э. гунны совершили новое фундаментальное открытие: они создали мощный составной лук из кости и дерева. Гуннская Волна покати́лась с востока на запад; спасаясь от гуннов, юэджи прорвались в Индию, сарматы – в Европу, а саки – в Иран. Смешавшись с парфянами, саки создали здесь новую рыцарскую державу, новое "арийское государство", в котором рыцари-завоеватели господствовали над порабо́щёнными туземцами. В 53 году до н.э. эта первая рыцарская армия встретилась под Каррами с легионами римского полководца Марка Красса. По словам Плутарха, парфяне "предстали перед неприятелем пламени подобные – сами в шлемах и латах из маргианской, ослепительно сверкавшей стали, кони же их в латах медных и железных". Это была тяжёлая конница "неранимых" на огромных, "подобных слонам", "небесных конях"; она была вооружена копьями четырехметровой длины и предназначалась для последней, сокрушительной атаки. Тактика парфян была традиционной для Великой Степи – это была та самая "наука побеждать", которая тысячу лет спустя приносила победы полководцам Чингисхана. Сражение начиналось с окружения неподвижной пехоты противника и атак конных лучников, которые проносились вдоль строя, непрерывно стреляя из гуннских луков. Этот обстрел мог продолжаться несколько суток – до тех пор, пока у противника не кончались стрелы, продовольствие, и его воины не падали от изнеможения; когда этот момент наступал, в атаку шла лавина железных рыцарей с длинными копьями. Бежавших врагов преследовали и убивали несколько дней после сражения; пленных не брали.

После битвы при Каррах кочевники вновь погрузились в междуусобицы, и цивилизация получила передышку на три столетия. В середине III века сарматы, скифы и готы нанесли новый мощный удар по Римской Империи; Европа на четверть века стала полем грандиозных сражений, но Империя выстояла. Император Галлиен провел военную реформу и создал римскую тяжелую кавалерию, которая отбросила варваров. Однако нашествие готы-сарматов было лишь предвестием катастрофы. В конце III века далеко на востоке, в Корее, были изобретены седло и стремя; это фундаментальное открытие сделало

степную конницу непобедимой. Открытие породило чудовищный взрыв: новая кавалерия кочевников обрушилась на Китай, выжигая древние города и вырезая миллионы крестьян. В начале IV века Волна докатилась до Средней Азии и сбила с кочевий живших здесь гуннов; огромная Орда поднялась и, наводя ужас на окружающие народы, хлынула в Европу. "Все они отличались плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь чудовищным и страшным видом, что можно было принять их за двуногих зверей, – писал римский историк. – Они сокрушали все, что попадает на пути". Пораженные ужасом германские племена хлынули на запад, к границам Империи; укрепления римского Лимеса были опрокинуты, разбитые легионы отступили к Константинополю, и Европа стала добычей варваров. Посреди Европы, в Паннонии, появился новый кочевой очаг, островок Великой Степи, откуда гунны совершали ежегодные набеги, опустошая окружающие страны вплоть до берегов океана.

Несмотря на весь ужас, который они наводили на Европу, гунны не были непобедимы, они не имели стремян и седел. В 451 году объединенные германские племена сумели остановить орду Аттилы на Каталаунских полях. После смерти знаменитого завоевателя восстали все покоренные племена, и гунны были вынуждены отступить в причерноморские степи. Отсюда они продолжали свои набеги на Балканы.

Гунны отступили, но Великая Степь продолжала извергать из своего чрева все новые орды кочевников. В 420-х годах границы Ирана атаковали эфталиты, в конце V века они прорвались в Индию и обратили в развалины города Империи Гупт. В степях Раджпутаны образовался еще один кочевой очаг, откуда воинственные варвары совершали набеги на долину Ганга. В 480-х годах эфталиты вторглись в Иран. "Эти люди, потомки Ярости, убивали сотни, тысячи, десятки тысяч раз, – свидетельствует рукопись "Бахман-Яшт". – Ворвались знамена и штандарты бесчисленной армии этих демонов с всклокоченными волосами. Они вошли в созданные Ахурамаздой земли моего Ирана, их отряды шли широким фронтом – враждебные тюрки и красные хионы, знамена которых приспущены". Иран стал вассалом эфталитов и полвека платил им тяжелую дань.

В конце V века в Европу бежали из Средней Азии орды уйгур, за ними в середине VI века последовали авары, и, наконец, на границах Степи появились те страшные враги, от которых спасались бегством племена и народы, новые владыки степного мира – тюрки. Тюрки разгромили эфталитов и ворвались в Иран, но в битве при Герате в 589 году были остановлены рыцарской армией новой Персидской Империи. Персы сумели к этому времени провести военную реформу, и их страна избежала участи Индии и Китая.

В Европе в это время господствовали авары, они восстановили кочевой очаг в Паннонии и опустошали набегами земли от Босфора до Рейна. Авары были одним из тюркских племен, потерпевшим поражение в междоусобной борьбе; они владели оружием тюрков – саблей и стрелами – и демонстрировали это оружие всем европейским народам. Римская армия спешно перевооружалась по аварскому образцу; это позволило ей отстоять Константинополь, но Балканы были заняты подчиненными аварам славянскими племенами. Часть славян была обращена аварами в рабов. "Си же Обри воеваху на Словенах, – говорит "Повесть временных лет", – и примучища Дулебы, суцая Словены, и насилье творяху жёнам Дулебским: аще поехати будяше Оборину, не дадеше въпряги ни коня, ни вола, но ведяше въпряги 3 ли, 4 ли, 5 ли жён в телегу и повести Обрена, и тако мучаху Дулебы". Центром господства аваров был их огромный лагерь на Дунае, "Хринг"; окруженный девятью кольцами рвов и валов, он хранил сокровища, награбленные по всей Европе. 250 лет авары оставались грозой западного мира, их вождь Баян вошел в историю, как достойный предшественник Чингисхана.

Кровавый путь Волны был отмечен не только разрушенными городами и опустевшими деревнями. Волна принесла с собой ГЛОБАЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАВНОВЕСИЯ. Тысячи разлагавшихся трупов стали питательной средой для неведомых и губительных бактерий; на мир обрушились страшные эпидемии. Чума 541 года прошла всю Евразию, убивая тех, кто ещё сопротивлялся Волне. В Константинополе погибла половина

населения; VI век стал временем демографической катастрофы, опустошившей некогда многолюдные города и села. "Смотри, сколь внезапно смерть осенила весь мир...– писал епископ Ориденций. – Те, кто сумели устоять перед силой, пали от голода... В городах и деревнях, вдоль дорог и на перекрестках, здесь и там – повсюду смерть, страдания, пожарища, руины и скорбь. Лишь дым остался от Галлии, сгоревшей во всеобщем пожаре". "Время вернулось к тиши, царившей до сотворения человека, – свидетельствует итальянский хронист, – ни голоса в полях, ни свиста пастуха. Поля превратились в кладбища, а дома людей – в логовища диких зверей". На обширных пространствах Европы люди вернулись к жизни первобытных времён; города обратились в огромные поля руин, и лишь кое-где в развалинах обитали нищие крестьяне, сеявшие пшеницу среди лежавших на земле колонн. Были забыты многие ремесла, науки и искусства, и только прятавшиеся в лесах монахи хранили в своих монастырях древние книги, которые немногие из них могли прочесть по складам. Правда, на востоке Европы еще сопротивлялся врагам осажденный со всех сторон оплот цивилизации и культуры, Константинополь. Год за годом орды варваров, авар и славян, устремлялись на штурм огромных каменных бастионов, некогда возведенных гордыми цезарями. В 626 году императору Ираклию удалось отбросить авар – но вслед за ними на поле боя явились новые неожиданные враги, арабы. Аравийская степь мирно дремала уже много столетий, и императоры не ждали опасности с юга. Между тем, южная степь почти ничем не отличалась от северной – там тоже жили "люди меча", поклонявшиеся богу войны. Им не хватало только вождя, который объединил бы их ради завоевания мира.

В VII веке этот вождь появился – его звали Мухаммед.

Глава I История Халифата

Неужели же, каждый раз, когда к вам приходит посланник с тем, чего ваши души не желают, вы превозносите? Одних вы объявляете лжецами, других убиваете.
Коран. 2,81.

ЖИЗНЬ МУХАММЕДА

М ухаммед был сыном небогатого торговца из Мекки – торгового городка на караванной дороге вдоль берега Красного моря. Он рано лишился родителей и воспитывался у родственников; терпел нужду, пас овец местных богачей, а когда подрос, стал погонщиком верблюдов и вместе с караванщиками мерял ногами пустыню с севера на юг и с юга на север. Населявшие пустыню арабские племена постоянно сражались между собой за скудные пастбища и нападали на караваны; вокруг царил вечная война, и Мухаммед своими глазами видел, как

Война, словно хищный зверь, выходит на промысел,
Добычу почуявши, её сторожит в кустах.

Эти стихи, передававшие суть человеческого бытия, были начертаны золотом в мекканском храме Каабе, где стояли идола 360 племенных богов. Мекканцы, которые хотели торговать со всеми, отвели каждому богу место возле своего главного идола,

"Аль-илаха", Аллаха. "Аллах", "илах", "эль", "бэл" означало просто "бог"; это был тот самый древний бог, которому поклонялись вавилоняне, евреи и многие другие народы Востока – а потом стали поклоняться и христиане.

Несмотря на свое соседство под сводами Каабы, 360 племенных богов не желали жить в мире. Когда начиналась война, они в повозках, под балдахинами, сопровождали свои племена на поле боя. Вокруг идолов – а некоторые из них были просто большими камнями – под грохот барабанов танцевали племенные шаманы; они впадали в экстаз и с пеной на губах выкрикивали рифмованные заклатья и пророчества. Иногда эти страшные заклатья пугали врагов и обращали их в бегство – но чаще исход боя решала отчаянная смелость кочевников-бедуинов, которые знали, что отступить некуда, что либо победа в сражении, либо смерть: от меча или голода – все равно. В этих яростных схватках среди степей нередко сражались не только мужчины, но и женщины, а после боя победители вырезали у погибших храбрецов сердце и печень – чтобы, съев их, обрести еще большее мужество.

Мухаммед много лет ходил по пустыне с караванами, познавал жизнь городов и кочевий, знакомился с верой других народов, иудеев и христиан. В 24 года он приглянулся богатой вдове Хадидже, которой было уже под 40 – и женился на ней, стал степенным купцом и больше десяти лет торговал кожами на базаре в Мекке. Однако благополучие не принесло Мухаммеду душевного покоя, он проводил время в беседах со своим уверовавшим в Христа родственником Варакой и в одиночестве бродил по пустыне в окрестностях города. Затем, в 40-летнем возрасте его стали посещать видения; подобно степным шаманам, он стал внезапно впадать в транс и с трясущимися руками, с пеной на губах выкрикивать рифмованные заклатья. Мухаммед говорил, что он – новый пророк Аллаха, посланный в мир вслед за Исой ибн Мариам (Иисусом, сыном Марии), чтобы возвестить о скором Страшном Суде и обратить людей к богу:

Когда сотрясется земля своим сотрясением,
И изведает земля свою тяжесть,
И скажет человек: «Что с ней?»
В тот день выйдут люди толпами, чтобы им
Показаны были их деяния,
И тот, кто сделал хотя бы пылинку добра, увидит ее.
И тот, кто сделал хотя бы пылинку зла, увидит ее.

Мухаммед выкрикивал заклатья с неотразимой силой страсти и веры – и люди стали прислушиваться к нему; десятки людей приходили в его дом, чтобы молиться Аллаху – это были первые "мусульмане", "предавшие себя богу". Мусульмане принадлежали к разным родам, но жили, как братья, помогая во всем друг другу: ведь пророк учил, что "все люди – братья по отцу и матери, Адаму и Еве". В основном к Мухаммеду шли бедняки и молодежь – богатые и знатные не воспринимали пророка всерьез. Когда однажды Мухаммед созвал жителей Мекки и со склона холма объявил им, что является посланником Аллаха, его богатый родич Абу Лахаб закричал: "Чтоб ты провалился! И ради этого ты нас сюда созвал?!" Вероятно, после этого случая Мухаммед стал, подражая Христу, обличать богатых и знатных:

Видал ли ты того, кто веру считает ложью?
Это ведь тот, кто отгоняет сироту,
И не хочет накормить бедного...
Горе всякому хулителю,
Который собрал богатство и приготовил его!
Думает он, что богатство увековечит его,
Так нет же! Будет ввергнут он в «сокрушилище»!

Эти проповеди приводили в ярость мекканскую знать; Мухаммеду и его родне был объявлен бойкот: мекканцы отказались иметь с ними какие-либо дела, продавать и покупать их товары. Пророка спасла лишь родовая солидарность: его родичи – даже те, кто ему не верил, – поддержали Мухаммеда; они переселились в дом родового старейшины Абу Талиба и терпеливо переносили голод и вражду окружающих. Через два года бойкот был снят, однако вскоре начались новые испытания: умер покровительствовавший пророку старый Абу Талиб, и старейшиной стал Абу Лахаб; Мухаммед лишился поддержки рода и остался один. В обществе, состоявшем из родов и племён, одиночка был беззащитен; пророка осыпали бранью и забрасывали камнями; он был готов бежать на край света, и поверившие ему мусульмане десятками уезжали в Эфиопию. Спасение пришло неожиданно, в обличье посланцев из оазиса Ясриб, севернее Мекки. Жители Ясриба были доведены до отчаяния бесконечными племенными войнами и обрадовались, узнав, что появился пророк, провозглашающий, что все люди – братья, – неважно, какого они рода и племени. Они пригласили Мухаммеда в Ясриб и согласились присягнуть Аллаху – с тем, чтобы его пророк принёс им мир. В 622 году Мухаммед вместе со своими последователями переселился в Ясриб – это переселение, "хиджра", впоследствии стало начальной датой мусульманского летосчисления.

Переселение в Ясриб было отмечено праздником массового братания и основания первой мусульманской общины – общины, в которой все должны быть братьями, независимо от происхождения. Это была община, где все были равны друг другу, и все были одинаково бедными: когда дочь пророка Фатима вышла замуж за его воспитанника Али (сына Абу Талиба), у них была лишь кожаная подстилка, на одном конце которой они спали, а на другом Фатима месила лепёшки. Ясриб был бедным оазисом; так же, как по всей Аравии, там не хватало полей и пастбищ, и именно эта нехватка вызывала постоянные войны. Теперь войны в оазисе прекратились, но людей нужно было кормить – и Мухаммеду ничего не оставалось, кроме как обратить войну вовне. Во главе своих мусульман он стал грабить те самые караваны, с которыми когда-то ходил по степям и пустыням. Мекканцы выслали против нападавших большое войско, и, чтобы воодушевить своих ратников перед битвой при Бадре, Мухаммед пообещал, что каждый, кто будет убит в сражении, войдёт в рай. По преданию, "один из воинов, Омейр ибн Алхумам, который в это время ел финики, воскликнул: "Так, так! Значит между мной и раем находится только смерть от руки этих людей?" Он бросил прочь финики, схватил свой меч и сражался до тех пор, пока не был убит".

Готовность пойти на смерть принесла мусульманам победу, а победа укрепила их веру. Сила оружия и слава побед побуждали новые и новые племена присягать на верность Аллаху и присоединяться к ополчению мусульман. В 630 году сдалась враждебная Мекка; Мухаммед вошёл в Каабу и приказал низвергнуть идолов – но когда воины стали смывать стенные росписи, пророк заслонил своими ладонями изображение Мадонны с младенцем Христом. Мухаммед чистосердечно считал, что его вера – та же, что вера христиан и иудеев, но те не признавали его за пророка, а иногда и насмехались над ним: ведь Мухаммед был неграмотен и плохо знал Библию. В конце концов, Мухаммед оставил попытки убедить их и стал говорить, что каждому народу ниспослан свой пророк; он ввёл свои обычаи, приказал склоняться при молитве в сторону Каабы и поститься в месяц рамазан. Он запретил пить вино и играть в азартные игры, но дозволил многоженство, и сам имел девять жён; самой любимой из них была Аиша, которую он взял в дом 9-летним ребёнком. Предание говорит, что, ревнуя Аишу, пророк заставил её – и всех женщин – носить чадру. Но он чувствовал, что стареет – он всегда сознавал, что является простым смертным. Зимой 632 года он выехал из Ясриба (который теперь называли "городом пророка", Мединой) в прощальное паломничество в Мекку. Возле Каабы он обратился к народу: "Эй, люди! Слушайте мою речь! Я ведь не знаю, может быть, я не встречу вас больше никогда!" Он говорил, что все мусульмане – братья и должны помогать друг другу, что нельзя давать в долг под проценты, что надо забыть о старых счётах и кровной мести. Он много раз повторял, что все люди –

братья и должны любить друг друга. Потом он вернулся в Мекку и через полгода тихо скончался в кругу своей семьи. Он никогда не претендовал на сверхъестественные способности и чудеса – он знал, что умрёт.

ИСТОРИЯ ХАЛИФАТА

А если они обратились и выполнили молитву и дали очищение – то они братья ваши...

Коран,9,11.

После смерти Мухаммеда собравшаяся толпа верующих избрала «халифом», «заместителем пророка», его старого сподвижника Абу Бекра. Благочестивому Абу Бекру было уже за 60; когда-то он был богатым купцом и растратил всё своё состояние, помогая верующим, а теперь, став «халифом», по-прежнему торговал одеждой на базаре и сам пас своих овец. События происходили сами собой – помимо воли халифа и помимо человеческой воли. Прекращение войн в степи вызвало необходимость вывода демографического давления вовне; если раньше арабы убивали «лишних людей» в схватках за пастбища, то теперь им ничего не оставалось, как искать новые пастбища и добычу за пределами Аравии. Ислам стал их знаменем, а военные походы превратились в «священную войну» против «неверных», «джихад». Пророк обещал погибшим за веру райские наслаждения – и тысячи верующих шли в бой в надежде попасть на небо. «Я иду к тебе с людьми, которые так же любят смерть, как вы любите жизнь», – писал персидскому наместнику знаменитый полководец Халид ибн Валид.

Вскоре после смерти Мухаммеда Арабская Волна выплеснулась за пределы Аравии и обрушилась на города римлян и персов. Одетые в броню персидские рыцари с презрением относились к нищим пастухам из пустыни: они не понимали, что значит "любить смерть". В декабре 636 года 40-тысячное рыцарское войско встретилось с мусульманами на равнине Кадисии; это была битва, каких ещё не знала история: она продолжалась днём и ночью четверо суток; арабы тысячами жертвовали собой, и, в конце концов, рыцари не выдержали. Нищие пастухи одержали победу и завладели богатствами персидской столицы – они никогда не видели драгоценностей и не знали, что с ними делать; многие из них продавали свою добычу крестьянам за пару овец. Мусульмане старались не трогать мирное население: Абу Бекр призывал их не убивать детей, стариков и женщин, не сжигать пальм и не резать скот. Жители осажденных городов могли заключить с завоевателями договор и стать "покровительствуемыми", "зиммиями", они могли сохранить свою веру и свои обычаи, выплачивая мусульманам налоги и пользуясь их военной защитой. Арабы честно выполняли эти договоры и однажды, не сумев защитить "покровительствуемых" жителей Дамаска, вернули им собранные налоги. Принимавшие ислам – будь они даже рабами – включались в мусульманское братство и делили с арабами всё, что даровала им судьба. "А тем, кто примет ислам, – то же, что и нам, – обещали арабы жителям Сирии, – на них те же обязанности, что и на нас".

Быть мусульманином в то время означало быть воином и участвовать в "священной войне". Завоеватели жили в огромных палаточных лагерях, откуда ежегодно уходили в походы – всё дальше на запад и на восток. К середине VII века были завоёваны Персия, Сирия и Египет; поделив взятую на поле боя добычу, нищие бедуины одели кольчуги и сели на породистых коней; они приводили в свои палатки рабов и наложниц – а затем халиф разрешил им строить дома, оговорив, что "жилище мусульманина должно быть скромным, не более трёх комнат". Палаточные лагеря превратились в города; эти города завоевателей – Фустат, Куфа, Басра – делились на кварталы, принадлежавшие разным родам и племенам; в центре располагалась площадь для общей молитвы по пятницам, потом она была обведена

галереей и превратилась в мечеть.

Все завоеванные земли и подати с населявших их народов считались общей собственностью мусульманской общины; мешки с золотом и серебром везли в Мекку, и халиф делил деньги между верующими – особо одаряя заслуженных воинов, их вдов и сирот. Абу Бекр не оставлял себе ничего – после его смерти в каморке, где он хранил деньги, не нашли ни одной монетки; всё его достояние составляли поношенная одежда и старый верблюд. Однако полководцы и наместники провинций постепенно поддались духу наживы; они строили дворцы, заводили гаремы и копили золото. Когда новый халиф Омар (634-644) посетил завоёванный Иерусалим, они выехали ему навстречу в роскошных, усыпанных драгоценностями одеждах. Омар был взбешён, он слез со своего верблюда, поднял с дороги камень и бросил его во встречавших. "Встречать меня в такой одежде! – кричал Омар. – Ишь, отъелись за два года! Быстро же совратило вас чревоугодие!"

Омар считал бедность добродетелью, сам спал на ступенях мечети и безжалостно отбирал у наместников собранные ими богатства. Однако его преемник Осман (644-656) "отпустил поводья правления" и позволил новой знати запустить руки в казну, он построил себе богатый дом и раздавал своим родичам-омейядам земли и должности. Омейяды принадлежали к тем богатым и знатым, которые когда-то преследовали пророка – и их возвышение возмущало верующих. "Мы участвуем в одних и тех же походах, так почему же те живут в изобилии, а мы остаёмся в нищете?" – говорил арабский поэт. В 656 году Осман был убит возмущёнными паломниками, и халифом был избран воспитанник и зять пророка, Али. Знать не признала этого избрания, и наместник Сирии, Омейяд Муавия, выступил со своим войском против Али. Али не хотел, чтобы мусульмане убивали мусульман и вступил в переговоры с Муавией; это оттолкнуло от него страстных приверженцев исламского равенства, "хариджитов", и они провозгласили своего халифа; началась война всех со всеми. В конце концов, в 661 году Али был убит кинжалом хариджита, и власть захватил Муавия, основавший династию Омейядов.

Убийства, войны, столкновения партий – все эти события были проявлением СОЦИАЛЬНОГО СИНТЕЗА, процесса перенимания завоевателями традиций покорённых народов. Новая мусульманская знать перенимала роскошь и высокомерие персидских вельмож – и это вызывало яростное сопротивление сторонников исламских традиций. Вместе с роскошью дворцов перенимался персидский абсолютизм; халифы стали самодержавными монархами и приблизили к себе чиновников-персов, проводивших переписи и собиравших старые, сохранившиеся со времен Сассанидов налоги. Земля считалась государственной и давалась в пользование крестьянам. Налог на землю назывался "харадж", а подушная подать, которой были обложены немусульмане, – "джизья"; мусульмане платили только "десятину", "закят", шедшую на нужды благотворительности. Поначалу арабы с радостью приветствовали новообращённых-"мавали" и принимали их в свою общину – но при Омейядах традиции исламского братства были забыты, и арабы превратились в заносчивое военное сословие, старавшееся не допустить в свою среду новообращённых. "Мавали" уже не освобождались от основного налога, "хараджа"; их считали второсортными мусульманами, и, в отличие от арабов, они не получали содержания из казны; они не могли жениться на арабских женщинах и стояли в мечети позади арабов. Еще хуже приходилось немусульманам-зиммиям, которые составляли большую часть населения, и за счёт которых кормились обитатели быстро разрастающихся городов-лагерей. В начале VIII века размеры податей удвоились, крестьяне были обязаны носить свинцовые бирки – "удостоверения" об уплате налога; неплательщиков поливали кипящим маслом. Между тем, со времён завоевания страна лежала в развалинах, население не составляло и половины от прежних времён, а ирригационные системы в низовьях Евфрата так и не были восстановлены, и обширные районы превратились в пустыню. Мечта о мусульманском братстве оказалась призраком, быстро отступившим перед реальностью: перед высокомерием новой знати и царившей повсюду несправедливостью. Новые халифы забыли о словах пророка:

Горе всякому хулителю,
Который собрал богатство и приготовил его!

Они отвернулись от идеалов ислама и жестоко расправлялись с теми, кто осмеливался напомнить о них, с хариджитами и со сторонниками Али, шиитами. После смерти Муавии в 680 году шииты снова восстали; их предводитель Хусейн, сын Али и внук пророка, во главе своего отряда принял неравный бой и погиб в битве при Кербеле – он стал народным героем и мучеником, отдавшим жизнь за правое дело. Омейяды не боялись пролить кровь мусульман – после взятия Куфы было истреблено 11 тысяч восставших. Но шииты продолжали борьбу; они сплотились вокруг потомков пророка и выдвигали из этого рода своих вождей, "имамов". Шиитские агитаторы ходили по деревням и обращали в свою веру крестьян – к середине VIII века большая часть зиммиев приняла этот "народный ислам", сохранивший традиции равенства и братства. В 748 году усыновлённый семьёй пророка молодой раб Абу Муслим поднял на восстание крестьян восточного Ирана; вслед за этим восстали шииты и мавали по всей стране. Войска Омейядов были разгромлены, и один из шиитских вождей, Саффах, был провозглашён новым халифом.

Саффах был потомком Аббаса, дяди пророка Мухаммеда; ему было суждено стать основателем новой династии Аббасидов. Новые халифы признали, что "все мусульмане – братья" и уравнили в правах мавали и арабов. Но они обманули крестьян и не снизили налогов; Абу Муслим был предательски убит, и многие крестьяне отвернулись от новой династии. Они называли себя "хуррамитами", "красными", носили красные одежды и выступали под красными знамёнами. В 816 году они провозгласили новым пророком юношу Бабека и 20 лет сражались с Аббасидами. Армии Халифата были разбиты, халиф Мамун (813-833) был вынужден объявить о снижении налогов и прекращении выдач арабам; потомки завоевателей окончательно лишились положения привилегированного военного сословия. Красные хуррамиты, в конце концов, потерпели поражение, но их восстание нанесло Халифату смертельный удар; огромное государство распалось, наместники захватили власть в провинциях, и к концу IX века на месте Мировой Империи появился десяток враждебных султанатов.

Началась новая страница истории.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

*Мир сияет, блестит, как кувшин золотой.
Он пленил, опьянил нас своей красотой.
Жаль, что конь под седлом и всегда наготове,
Чтобы смертных умчать безвозвратной тропой.*

Омар Хайям .

Первые века мусульманского завоевания были временем разрухи, голода и чумы. Многие города Востока опустели, великолепный Ктесифон лежал в руинах, Александрия подверглась жестокому разгрому; вместе с половиной города арабы сожгли и знаменитую библиотеку: халиф Омар заявил, что раз есть Коран, то нет нужды в других книгах. Греческая учёность была забыта, овладевшие половиной мира варвары правили, не слезая со своих коней, и лишь заповеди ислама отчасти сдерживали их грубость и алчность. В то время, как арабская знать изменила заветам пророка, покорённые народы сделали их своим знаменем и, принимая ислам, требовали равных прав – ведь пророк говорил, что все верующие – братья. Объединившись с истинно верующими шиитами, новообращённые одержали победу и разрушили созданный завоевателями Халифат. Овладев в середине X века Египтом, шииты провозгласили здесь своего халифа, уменьшили налоги и навели справедливый порядок в управлении. Так же, как во времена фараонов, каждый крестьянин был обеспечен наделом, а писцы ходили по полям, предписывая, что и когда сеять – а затем

забирали государеву часть урожая. К чиновникам были приставлены комиссары-"даи", следившие за соблюдением справедливости; эти поклявшиеся в верности святым идеалам агитаторы и комиссары были опорой новой власти. Центром их обучения была огромная мечеть ал-Азхар в Каире, в разных уголках которой читали проповеди десятки учёных улемов; тысячи даи расходились отсюда по всему мусульманскому миру, чтобы поднимать людей на борьбу за справедливость.

Багдадские халифы ожесточённо сражались с постоянно восстававшими шиитами и сумели отстоять свою власть в Двуречье. Опорой халифов было новое войско – гвардия гулямов: они тысячами покупали мальчиков-рабов, воспитывали их в казармах и затем вручали им в руки оружие. Гулямов набирали из самых воинственных и жестоких племён, среди них было много африканских берберов и прикаспийских горцев-дейлемитов, но в основном это были выходцы из Великой Степи, тюрки. Поначалу халифам удавалось поддерживать среди гулямов военную дисциплину, но затем солдаты почувствовали свою силу и в середине X века захватили власть. Халифы по-прежнему жили в своём огромном дворце и оставались духовными владыками мусульман, но реальная власть принадлежала теперь вождю дейлемских гулямов Адуд ад-Доуле. Адуд считал себя восстановителем персидской империи, он принял титул шаханшаха и подражал "справедливым государям" VI века. Новый шаханшах восстановил дисциплину среди гулямов, снизил налоги, навёл порядок в управлении и покровительствовал окружающим его учёным и поэтам; он вошёл в историю как образец идеального правителя того времени.

Первые века Халифата были временем голода, но бедствия, преследовавшие людей, были вызваны не отсутствием плодородных земель, а непосильными податями, которыми завоеватели обременяли крестьян. Это было искусственное Сжатие, которое вызывало постоянные восстания – и, в конечном счёте, взорвало великий Халифат. Восстания и революции привели к власти справедливых государей, которые уменьшили подати и покончили со злоупотреблениями налоговых сборщиков. Численность населения стала быстро расти, деревни снова стали многочисленными и многолюдными, были восстановлены старые каналы, а от предгорий в засушливые степи потянулись кяризы – подземные водостоки длиной в "несколько дней пути". Стала ощущаться нехватка земли, крестьяне уходили в города и пополняли ряды ремесленников, снова зашумели многолюдные базары, где торговцы зычными голосами расхваливали свой товар. Ремесленники выделяли прекрасные ковры и белоснежные льняные полотна, медную посуду и сабли дамасской стали. Мусульмане научились у индусов прясть хлопок, а у китайцев – выделять бумагу, были снова освоены секреты производства стекла и шёлка. Торговые караваны уходили всё дальше на запад и на восток; была открыта дорога через пустыню в северные страны, в Булгар на берегу Волги, где мусульманские купцы покупали у русов меха и рабынь. В VIII веке персидские капитаны снова нашли морской путь в Индию и Китай, и по этой дороге стали плавать корабли Синдбада-морехода и его товарищей из Сирафа, Басры и Ормуза. Эти большие корабли были сделаны, как в давние времена, без единого гвоздя, но они вмещали сотни людей и могли находиться в плавании месяцами; связь с родиной поддерживали с помощью почтовых голубей. Другая дорога в Китай вела через пустыни Центральной Азии – это был Великий Шёлковый путь, вновь открытый для движения караванов. Крупнейшим городом на Шёлковом пути был знаменитый своими базарами и караван-сараями Нишапур; главные улицы и площади Нишапура были заставлены лавками и перекрыты высокими кирпичными сводами; говорили, что в Нишапуре больше миллиона жителей.

Мусульманские города мало отличались от древних городов Востока – те же стиснутые между глиняными заборами улицы; редкие калитки, а за ними – внутренние дворики с выходящими на них комнатами. Правда, в окнах появились цветные стёкла, а подвалы стали использоваться для жилья: в них устраивали фонтанчики и наслаждались прохладой среди летней жары. Мебели в домах почти не было: её заменяли многочисленные ковры, создававшие атмосферу уюта. За обедом мужчины возлежали на коврах, облокотясь на подушки, несмотря на запрещение пророка, пили вино, и по обычаю, перенятому у греков,

соревновались друг с другом в сложении стихов. Поэты писали о радостях жизни, о женщинах и вине:

Лунным ясным сияньем весь мир озарён,
Миг лови – радуй сердце, будь пьян и влюблён,
Мы уйдём – станем прахом, нас мир позабудет,
А луна, как всегда, озарит небосклон.

Положенные на музыку, стихи исполнялись рабынями-певицами; правда, по обычаю певицы не могли показаться на глаза гостям и пели из-за ширмы. На пирах не было гетер, которые ублажали гостей ласками, – но зато мужчины всю предавались азартным играм. Они играли в шахматы и в нарды, а любимым спортивным развлечением было конное поло – игра в мяч верхом на лошади. Особым удовольствием считались позаимствованные у римлян бани.

По пятницам верующие собирались в мечети на общую молитву. Поначалу мечеть была большой площадью, окружённой галереей и портиками; потом часть площади стали перекрывать сводом, державшимся на сотнях тонких колонн. В начале VIII века нанятые халифом греческие мастера построили в Иерусалиме, на скале, где некогда стоял Великий Храм, великолепную мечеть Куббат ас-Сахра, "Купол скалы". С этого времени мечети стали украшать куполами, а затем возле них появились высокие минареты, с которых глашатаи-муэдзины призывали верующих к молитве. Мечеть стала центром общественной жизни, судьи-"кади" разбирали здесь дела верующих, дети слушали своих учителей, здесь можно было переночевать, а беднякам в мечети раздавали деньги и пищу. Пророк призывал богатых людей жертвовать на нужды общины, и из этих пожертвований складывались "вакфы" – дома и земли, доходы с которых шли на милостыню. На эти средства содержались также медресе, духовные школы, где изучали мусульманское богословие и право. Многие месяцы и годы студенты медресе учили наизусть Коран – священную книгу мусульман, собрание изречений Мухаммеда, записанных после его смерти сподвижниками.

Коран означает "чтение" или просто "книга", в нём чередуются проповеди и страстные стихотворные пророчества, и с давних времён его читали, как стихотворение, нараспев. Долгое время эта "книга" оставалась единственной книгой мусульман, потом появилась светская литература, стали записываться столетиями передававшиеся изустно поэмы, появились придворные поэты. В начале IX века халиф Мамун под впечатлением легенд об александрийском Мусее создал в Багдаде "Дом науки" с обсерваторией и большой библиотекой; здесь были собраны поэты, учёные и толмачи, которые переводили греческие книги. Рассказывают, что халиф платил за переводы столько золота, сколько весила книга; были переведены сотни рукописей, присланных из Константинополя или найденных в сирийских монастырях; мусульманский мир познакомился с трудами Платона, Аристотеля, Евклида. Из манускриптов Клавдия Птолемея мусульмане узнали о шарообразности земли, научились определять широту и долготу и рисовать карты. Сочинения Гиппократы стали основой для "Канона врачебной науки" знаменитого врача и философа Ибн Сины; Ибн Хайан положил начало арабской алхимии и астрологии. Особенно усердно работали арабские астрономы – их главной задачей было научиться определять, в какой стороне находится Мекка – именно в эту сторону должны были склоняться правоверные при молитве. Решением этой проблемы занимался знаменитый астроном ал-Хорезми, известный европейским переводчикам как Алгорисмус – от его имени происходит слово "алгоритм". Ал-Хорезми позаимствовал у индийцев десятичные цифры, которые потом попали от арабов в Европу и которые европейцы называют арабскими. Мудрецы искали эликсир жизни и философский камень, позволявший превращать ртуть в золото; халифов и султанов окружало множество астрологов, богословов, придворных поэтов и историков. Ат-Табари написал грандиозный исторический свод "История пророков и царей", а ал-Масуди создал обширную историко-географическую энциклопедию. В X веке наступило время расцвета

поэзии – не только арабской, но и персидской; после долгого господства арабов возродился персидский литературный язык, и великий поэт Фирдоуси создал своё бессмертное творение "Шахнаме":

Судьбою дан бессмертия удел
Величью слов и благородству дел.
Всё пыль и прах. Идут за днями дни,
Но труд и слово вечности сродни.

Поэма Фирдоуси была поэтическим памятником героям иранской истории, справедливым царям и благородным рыцарям, пророкам и народным вождям. По легенде, султан Махмуд Газневи обещал заплатить по золотому динару за каждое слово этой поэмы, но не сдержал обещания и расплатился серебром; это возмутило гордого поэта, и он роздал нагруженных серебром верблюдов погонщикам каравана. После этого Фирдоуси пришлось спасаться от султанского гнева; он бежал и до самой смерти жил в нищете, скитаясь по городам и деревням.

X век был временем расцвета поэзии, искусства, наук, ремёсел – и в основе этого расцвета лежало повышение демографического давления; именно демографическое давление гнало "лишних людей" из деревень в города и заставляло их соревноваться друг с другом в ремёслах, именно конкуренция побуждала торговые караваны искать новые далёкие пути. Нужда заставляла младших сыновей знати учиться грамоте и вникать в богословские споры, становиться юристами или врачами. Это была эпоха Возрождения после долгого господства кочевников – время возрождения деревень, городов, искусств и наук. Нашествие арабов было не столь разрушительным, как нашествие германцев, и Возрождение пришло на Ближний Восток на три столетия раньше, нежели в Европу. В то время, как в Европе варвары ещё продолжали сражаться среди развалин, на Востоке снова выросли огромные города, и паломники с Запада с удивлением смотрели на многолюдье базаров и на поднимающиеся к небу купола мечетей. Сказки "Тысячи и одной ночи" донесли до нас образ этого мира: роскошь Багдада, огромные дворцы, залы которых усыпаны лепестками роз, озёра, в которых переливалась ртуть. Сказки рассказывали о богатствах халифов, о садах, в которых росли деревья с позолоченными стволами и о гуриях, танцевавших среди этих деревьев. Об этом мире роскоши, любви и вина писал знаменитый поэт тех времён, Омар Хайям – он был астрономом и астрологом, предсказывавшим судьбы людей, и знание этих судеб подмешивало к его стихам лёгкий привкус грусти:

Мир сияет, блестит, как кувшин золотой
Он пленил, опьянил нас своей красотой.
Жаль, что конь под седлом и всегда наготове,
Чтобы смертных умчать безвозвратной тропой.

ЗАВОЕВАНИЕ ИНДИИ

*Махмуд был справедливым государем,
любил науку, с чистой верой,
воителем...*

Низам ал-Мульк.

В то время, как в великолепной столице ислама, Багдаде, правили халифы и шаханшахи, мусульманский Восток признавал власть великого султана Махмуда из Газни. Султан или «властитель» Махмуд владел землями от Каспийского моря до заснеженных хребтов Гиндукуша: он правил железной рукой и вошёл в историю, как знаменитый воин, остановивший нашествие кочевых тюрок и завоевавший долину Инда. Силой, дарившей

Махмуду победы, была многочисленная и прекрасно вооружённая гвардия тюркских рабов-гулямов. Эти воины с юношеского возраста воспитывались в палатках и привыкали к суровой дисциплине; первые годы они не имели права сесть на коня и прислуживали бывалым солдатам – а потом год от года поднимались по службе, получая чистокровных лошадей и украшенное серебром оружие. Гулямы всю жизнь обитали в палатках, они не имели ни семьи, ни рабов, ни поместий – их гордостью были боевые раны, позолоченные пояса и то смешанное со страхом почтение, с которым перед ними склонялись крестьяне и горожане. Гулямы не могли жить без войны – и каждый год султан под трубные звуки карнаев выезжал из ворот беломраморной столицы во главе своей гвардии; жители выходили на стены, чтобы посмотреть на это великолепное зрелище – на роскошные доспехи воинов, на благородных скакунов, и на ту выправку, с которой каждая сотня-"хайль" подчинялась командам своего «баши».

Армия султана держала путь на юг – через стиснутый горами Хайберский проход в долину Инда, в страну джунглей и многоводных рек, населённую племенами язычников. Хайберское ущелье было дорогой для многих завоевателей; когда-то давно по нему прошёл Александр Македонский, а позже, в VI веке – кочевые племена белых гуннов. Белые гунны, или эфталиты, страшной волной прошли по Северной Индии, обратили в пепел города и деревни и поделили страну между своими родами и племенами. Вожди кочевников, "раджи", вместе со своими "сыновьями", "раджпутами", поработили часть местных крестьян и заставили остальных платить дань. Раджи воздвигли могучие замки и постоянно воевали друг с другом; раджпуты были смелыми и жестокими воинами, предпочитавшими смерть в сражении плену и рабству – в безнадёжной ситуации они убивали своих жён и детей, а потом одевали шафрановые одежды и выходили на последний бой. Жена воина, узнав о гибели мужа, должна была сжечь себя на костре; после смерти раджи на костёр восходили десятки его жён – этот обычай назывался "джаухар".

В 1000 году войска султана Махмуда впервые прорвались в долину Инда через Хайберский проход; они шли под знамёнами "газавата", "войны за веру", с намерением искоренить язычников или обратить их в ислам. Раджпуты оказали яростное сопротивление, но их князья враждовали между собой и не могли сопротивляться вышколенной гвардии гулямов. Потерпев поражение, раджа Джаяпала сжёг себя на костре – так поступали и многие простые воины. Завоевание долины Инда продолжалось четверть века; с каждым годом армия Махмуда продвигалась всё дальше на юг – и каждый год возвращалась в Газни с огромной добычей и десятками тысяч рабов. Фанатичные воины ислама с ожесточением разрушали индийские храмы и ниспровергали идолов, грабили монастыри и убивали буддийских монахов. В 1025 году войско султана, наконец, вышло к морскому побережью близ города Сомнатха, где на узком неприступном мысу располагался один из главных храмов Индии. После кровопролитного штурма султан во главе своих гулямов ворвался в огромный храм и в ярости принялся избивать железной палицей голову священного идола. Внезапно голова отломилась и на пол посыпались спрятанные внутри сокровища – топазы, рубины и изумруды величиной с куриное яйцо. Найденных в храме драгоценностей было так много, что для перевозки не хватило верблюдов; обломки идола по распоряжению Махмуда были отправлены в Мекку.

Так же как Александр Великий, Махмуд Газневи был просвещённым завоевателем, и в походах его сопровождала целая свита учёных – крупнейшим из них был знаменитый астроном и философ ал-Бируни. Бируни измерял широту и устанавливал местонахождение завоёванных городов, изучал язык, беседовал с учёными брахманами и переводил индийские книги. Он составил обширный трактат "Индия", в котором описал законы, обычаи, религию доселе незнакомой мусульманам страны, её природу и животный мир. Эта книга стала неоценимым пособием для назначенных Махмудом наместников завоёванных земель. После смерти великого султана они оказались в тяжёлом положении: на севере началось новое наступление кочевых тюрков, и преемникам Махмуда долгое время было не до Индии. Затем в Газни сменилась династия, и к власти пришли султаны из рода Гури; им удалось

воссоздать гвардию гулямов и продолжить завоевания великого Махмуда. В 1192 году султан Мухаммед Гури одержал решающую победу над раджпутами и закрепился на берегах Ганга; вернувшись в Газни, он назначил своим наместником в крепости Дели эмира гулямов Кутб-ад-дина Айбека. Когда в 1206 году Мухаммед погиб от руки убийц, Кутб-ад-дин провозгласил себя султаном Дели – так родилось первое мусульманское государство в Индии. Это было необычное государство, потому что его хозяевами были воины-рабы, "гулямы"; его первый султан был гулямом и его преемниками становились эмиры гулямов, прошедшие всю школу солдатской выучки – от юноши, чистившего лошадей и поддерживавшего стремя, до "хайль-баши" с золотым поясом. Дели был городом-лагерем, куда гвардия гулямов возвращалась к началу сезона дождей и откуда она каждый год уходила в походы. Вместе с гулямами на войну отправлялись служившие султану тюркские и афганские кочевники: многие кочевые племена и роды переселились в Индию в поисках добычи и пастбищ; их вожди, эмиры и малики, получали право на сбор налогов с выделенных им деревень – так называемые "икта". Позже "икта" стали получать офицеры гулямов и рядовые воины; дисциплина ослабла, и "сорок маликов" временами воевали между собой, пытаясь посадить на трон угодного им султана.

Самыми могущественными султанами Дели были Шамс-ад-дин Илтутмыш (1211-36) и Гияс-ад-дин Балбан (1246-87). Преемник Айбека, Илтутмыш завоевал долину Ганга и в ознаменование победы ислама построил грандиозный минарет Кутб-минар, облицованную мрамором и украшенную резьбой башню высотой в 72 метра. Это была самая высокая колонна, построенная людьми древности и средневековья, и с её высоты муэдзин должен был созывать на молитву миллионы новообращённых – чтобы они пришли поклониться победоносному Аллаху. Но оказалось, что голос самого зычного глашатая не долетает с небес до земли и беспомощно теряется среди облаков – поэтому муэдзины редко поднимались на вершину Кутб-минара. Лишь иногда золотой павильон на вершине посещали наместники Аллаха, султаны Дели; в окружении нарядной свиты они молча смотрели на свою страну, на бесконечную зелёную равнину, реки и леса: большая часть Индии ещё была покрыта лесами. В те времена Индия была окраиной обетованного мира, там не было больших городов и высокой культуры, которая появляется вместе с перенаселением и Сжатием. Джунгли подступали вплотную к окраинам Дели, и лишь кое-где на равнине виднелись расчищенные участки пашен и маленькие деревни – история индийского средневековья была ещё впереди.

ПЕРЕД КАТАСТРОФЕЙ

*Жизнь – не крики веселья, а горестный стон,
Наши дни – слабый отблеск великих времён,
Все деяния нашего мрачного мира -
Лишь мгновенье, обман, наважденье и сон.*

Омар Хайям.

Теперь нам нужно вернуться в центральные области мусульманского мира – туда, где шумели многолюдные города, где поэты писали стихи и искусные ремесленники возводили дворцы, подобные луне и солнцу. Всё это – дворцы, искусства, торговля – всё это было порождено Сжатием, но то была лишь одна сторона действительности – потому что другой стороной были голод, нищета, прокажённые в лохмотьях. В середине X века Сжатие привело к голоду, который возвращался через каждые три-четыре года; города были переполнены бродягами и нищими, которые, в конце концов, объединились и стали среди бела дня отнимать имущество у богатых. Современники описывают этих бродяг, «айяров», как разбойников в дырявых шароварах, вооружённых крюком на длинной верёвке – но сами айяры, считали себя «благородными рыцарями», отнимающими у богатых, чтобы раздавать

бедным – ведь пророк говорил, что все богатства принадлежат богу, то есть общине верующих. Халифы и султаны тоже ссылались на этот принцип и после смерти богатого сановника или купца без долгих слов забирали его имущество в казну. В годы голода правители раздавали эти деньги беднякам – но, конечно, они не могли накормить всех голодных.

Сжатие нарастало, голод приходил всё чаще, и смерть становилась владычицей городов и стран. В 1011 году голод обезлюдил некогда богатый Нишапур, а в 1060-х годах его костлявая рука унесла в могилу половину населения Египта. Мусульманский мир жил в ожидании катастрофы, конца света, когда посланный Мухаммедом новый пророк Махди восстановит справедливость и воздаст людям по их заслугам. По дорогам бродили нищие дервиши, святые люди, приблизившиеся к богу, они проповедовали бедность, любовь и терпение; они призывали отказаться от мирской суеты и обратиться к Аллаху. Многодневными молениями дервиши доводили себя до экстаза и с пеной у рта, дрожа всем телом, выкрикивали заклатья. Сотни людей верили дервишам и следовали за ними, они называли дервишей святыми шейхами, а себя – их учениками, "мюридами". Вера давала утешение, но не могла спасти от несчастий; дервиши брели по дорогам и вели за собой людей – но не знали, куда идут. Повсюду свирепствовали голод и мор, умирающие лежали на обочинах, и всё, что могли люди – это молиться богу.

Жизнь – не крики веселья, а горестный стон,
Наши дни – слабый отблеск великих времён,
Все деяния нашего мрачного мира -
Лишь мгновенье, обман, наважденье и сон.

Сжатие было символом Судьбы, проявлением тех могущественных процессов, которые описываются дифференциальными уравнениями и не зависят от человеческой воли. Уравнения говорили, что со временем перенаселение приведёт к катастрофе – к голоду, мору и восстаниям бедноты. Однако неизбежность не всегда выглядит одинаково; порой действительность оказывается сложнее и описывается не одним уравнением. Рядом с земледельческими странами Востока простиралась Великая Степь, где протекали те же процессы – но намного более интенсивно. После Великого Исхода в начале средних веков Степь быстро наполнилась новыми поколениями; там снова кипели войны за пастбища, и оттуда в любой момент могла выплеснуться новая сокрушительная Волна.

Роковой момент наступил в 1040 году. Обитатели среднеазиатских степей, тюрки, объединились вокруг Тогрул-бека из рода Сельджука и в кровавой битве при Данденакане разгромили армию газнийского султана Масуда. Воодушевлённая победой конница тюрков хлынула на запад; в 1055 году Тогрул-бек вступил в Багдад, в 1071 году тюрки разбили византийцев и заняли Малую Азию, в середине XII века они овладели Египтом. Степные варвары снова стали хозяевами Ближнего Востока; оказавшие сопротивление города и сёла подверглись жестокому разграблению – но всё же цивилизации на этот раз удалось избежать катастрофы. Тюрки уже давно приняли веру Пророка, и Тогрул-бек стремился не допустить резни мусульман; он повсюду выказывал уважение кади и с почтением принял корону из рук багдадского халифа. Тогрул-бек был провозглашён "султаном Востока и Запада" и выразил готовность править по законам ислама. Его преемник Алп-Арслан (1063-72) сделал своим первым министром, "визирем", персидского сановника Абу Али Хасана Туси, получившего впоследствии титул Низам ал-Мульк, "Порядок государства".

Низам ал-Мульк старался примирить победителей и побеждённых, и, по мере возможности, поддерживал справедливость; он оставил после себя знаменитую "Книгу о правлении", "Сийасет-наме", ставшую источником мудрости для властителей Востока. "Государям надлежит блюсти божье благоволение, – писал Низам ал-Мульк, – а благоволение господина заключается в милостях, оказываемых людям и СПРАВЕДЛИВОСТИ, распространяемой среди них". Великий визирь писал о том, что земля должна принадлежать

государству и даваться крестьянам в пользование, что налог должен быть умеренным и собираться без насилия, что нужно помогать обедневшим крестьянам и неусыпно следить за чиновниками – дабы они не притесняли простой народ. Нужно постоянно проводить переписи, кадастры и проверки; необходимо повсюду иметь шпионов-осведомителей, дабы государь знал о всём – "даже если кто за 500 фарсангов отсюда несправедливо отнял торбу сена", – и "дабы люди знали, что государь – неусыпен".

Низам ал-Мульк старался приручить хищных кочевников и, в рамках СОЦИАЛЬНОГО СИНТЕЗА, превратить их в военное сословие Империи. Однако ему не удалось смирить аппетиты завоевателей; тюркское войско на своих сходках грозно требовало раздела добычи и предоставления каждому воину "икта" – права собирать часть податей с выделенных ему деревень. Икта существовали и раньше, но они были подконтрольны казне, и чиновники, так же, как и на других землях, переписывали в этих владениях крестьянские дворы и собирали с них налоги – правда, налоги устанавливались меньше обычных, так, чтобы дать возможность владельцу икта взять свою, строго ограниченную долю. Низам ал-Мульк был вынужден раздать 46 тысяч икта, но, как не увещевал он воинов, они сразу же принялись грабить крестьян. Они называли сельчан «райатами», «скотом на пастбище», выколачивали налоги плетью и насиловали женщин.

Начались крестьянские восстания. Снова подняли голову шииты, и посылаемые из Каира агитаторы-даи ходили по деревням, возбуждая народ. В 1090 году отряд повстанцев во главе с даи Хасаном ибн Саббахом овладел крепостью Аламут в прикаспийских горах. Плохо вооружённые повстанцы не могли сражаться с тюрками в открытом поле и единственное, что оставалось отчаявшимся крестьянам – это индивидуальный террор. Хасан ибн Саббах посылал из Аламута "жертвующих собой", "фидаев", со спрятанными под одеждой длинными ножами, и эти фидаи месяцами и годами караулили тюркских вождей. Если "жертвующие собой" убивали врага и оставались в живых, то по возвращении в Аламут в их честь устраивались семидневные празднества, крепость расцветивалась огнями, и на площадях устанавливали пиршественные столы. Погибшим фидаям было уготовано место в раю, и, чтобы показать им, что такое рай, в укромной долине был создан великолепный сад с позолоченными дворцами и фонтанами, бьющими вином. Никто не знал о существовании этого сада; юношей, которых готовили в фидаи, усыпляли гашишем и сонными приносили туда; они думали, что оказались в раю и принимали ласкавших их девушек за райских гурий. Потом их снова усыпляли, относили обратно и клали на то же место; они верили, что всё, произошедшее с ними – сон, и были готовы отдать жизнь, чтобы снова попасть в рай. За употребление гашиша фидаев впоследствии стали называть "гашашинами" или "асассинами"; это слово вошло в европейские языки как синоним убийцы.

В 1092 году фидаи убили великого визиря Низам ал-Мулька; в этом же году умер, вероятно от яда, султан Мелик-шах (1072-92). Тюркские племена окончательно вышли из подчинения властям и, сражаясь под знамёнами разных султанов, принялись грабить города и разорять страну. Междоусобные войны продолжались больше столетия, и лишь в начале XIII века шах Хорезма Мухаммед снова объединил восточный Иран. Многие надеялись, что время смут осталось позади, но оказалось, что эти несчастья были лишь прелюдией катастрофы, масштабы которой заставили содрогнуться человечество. Давление в Великой Степи всё повышалось и там, в её глубине, гудел вулкан, готовившийся излить на мир потоки лавы. Сквозь блики пламени и клубы дыма оттуда доносился шум сражений, и окружающие народы шёпотом передавали друг другу страшное имя воцарившегося там Владыки Преисподней.

Его звали Чингисханом.

МОНГОЛЬСКИЙ СМЕРЧ

*И я взглянул, и вот конь бледный
и на нём всадник, которому имя*

смерть, и ад следовал за ним...

Апокалипсис, XI.8.

Мирным людям, живущим в городах и деревнях, трудно понять жизнь степей, где человек неотделим от коня и сабли, где лошадей украшают попонами из человеческой кожи, а к сёдлам подвешивают черепа убитых врагов. В степи надо успеть убить первым – иначе первым убьют тебя; там кипит вечная война между родами и племенами, и жизнь человека подобна мимолётному облачку в голубом небе. В степи нужно каждый день тренироваться в умении убивать: монголы с трёх лет приучали детей к луку, постепенно увеличивая его размеры. Их лук был не такой, как у скифов и гуннов, это была сложная машина убийства, склеенная из кости и дерева разных пород; стрела из этого лука за сто метров пробивала любой доспех, и день появления этих луков предвещал гибель многим народам и государствам. Монгольский лук, «саадак», был Фундаментальным Открытием, породившим Волну, сокрушившую цивилизацию средних веков – и Чингисхан дал этой Волне своё имя.

В те времена, когда Чингис ещё не был ханом, его звали Темучжин; он был сыном вождя монголов Есугей-багатура. При Есугее монголы были одним из многих степных племён, и, кроме монголов, в степи кочевали татары, меркиты, керейты, найманы – все эти племена говорили на одном языке, и иногда их без разбора называли татарами или монголами. Как часто бывало в степи, Есугей силой отнял будущую мать Темучжина, Оэлун, у её жениха и силой сделал её своей женой. Предание говорит, что когда Темучжин родился, он держал в ладони сгусток крови – знак своей кровавой судьбы. Через несколько лет Есугей был отравлен врагами монголов – татарами; монголы избрали себе новых вождей и, откочевав, оставили Оэлун одну с маленькими детьми. Темучжин и его братья бедствовали, голодали, рыли в степи коренья – но даже в беде не могли ужиться между собой, и юный Темучжин застрелил из лука своего сводного брата Бектера. Потом ему пришлось спастись от монголов, которые вернулись, чтобы его убить; он чудом уцелел, спрятавшись в речной заводи, – так, скрываясь от погонь и кочуя по степи с маленьким аилом, он дожил до совершеннолетия.

Когда-то давно Есугей нашёл маленькому Темучжину невесту, девочку Борте, и договорился с её родителями. Темучжин женился на Борте, но не смог защитить свою жену – на его стойбище напали меркиты, и Борте стала добычей победителей, которые сделали с ней всё, что хотели. Темучжин бежал к одному из степных вождей, Тоорил-хану, когда-то бывшему другом Есугея; Тоорил враждовал с меркитами и договорился с новым вождём монголов, Чжамухой, напасть на них – так что Темучжин отвоевал свою Борте и, став побратимом Чжамухи, сумел через какое-то время привлечь к себе часть монголов.

Он стал ханом и стал мстить татарам, меркитам и всему окружающему миру. "Высшее наслаждение для мужчины, – говорил он, – победить своих врагов, гнать их перед собой, отнять у них все, видеть лица их близких в слезах, сжимать в объятиях их дочерей и жен". В общем, это были обычные степные войны, после которых пленных варили в котлах, или "равняли к оси телеги", как Темучжин поступил с татарами, – и женщин, и малых детей, всех убивали, а беременным вспарывали животы. "Небо звёздное, бывало поворачивалось, – вот какая распря шла всенародная, – говорит монгольское сказание. – На постель тут не ложились, мать широкая земля содрогалась – вот какая распря шла всеязычная". Темучжину удалось одолеть других ханов, и в 1206 году он был провозглашён "Великим ханом" – Чингисханом. "Когда он направил на путь истинный народы, обитавшие за войлочными стенами, – говорит сказание, – то в год Барса собрался курултай у истоков реки Онон. Здесь воздвигли девятибунчужное белое знамя и нарекли ханом Чингис-хана". Чингисхан разделил все племена на десятки, сотни и тысячи и провозгласил законы, которые за малейшую провинность карали смертью. Враждовавшие ранее племена превратились в единую могучую Орду, готовую обрушиться на окружающий мир. Кочевники не могли жить без войны, нехватка пастбищ побуждала их добывать пропитание мечом, и тишина, внезапно воцарившаяся в степи, могла быть лишь тишиной перед взрывом.

В 1211 году на Северный Китай обрушился первый удар Волны. "Везде были видны следы страшного опустошения, – писал современник, – кости убитых составляли целые горы: почва была рыхлой от человеческого жира, гниение трупов вызывало болезни". Северный Китай превратился в пустыню. В 1220 году монголы обрушились на Среднюю Азию, всё сопротивлявшееся подвергалось "всеобщей резне" ("катл-и амм"). Это был обычай монголов, воевавших в земледельческой стране так же, как они воевали в Степи. "Чингисхан отдал приказ, – писал Рашид-ад-дин, – чтобы убивали всякое живое существо из любого рода людей и любой породы скотины, диких животных и птиц, не брали ни одного пленного и никакой добычи". По свидетельству источников, в окрестностях Герата было истреблено полтора миллиона жителей; в Нишапуре "не осталось ни одной стоящей стены".

Правитель Средней Азии хорезмшах Мухаммед, преследуемый монголами, бежал на запад, и, не выдержав душевных потрясений, вскоре умер. Большинство городов подверглось "всеобщей резне"; когда жители Бухары в ужасе отказались от сопротивления, они были выведены за городские стены и поделены между варварами. Монголы связали мужчин и тут же, на глазах у них, изнасиловали женщин. Имам Рукн-ад-дин с сыном, не выдержав этого зрелища, бросились на варваров и были зарублены; затем было зарезано 30 тысяч мужчин, а город разрушен до основания, "как будто его вчера и не было". "Мало кто спасся, вследствие чего та страна совершенно обезлюдела", – свидетельствует летописец. Монгольские всадники, как демоны смерти, носились по равнине, покрытой пепелищами и ковром из трупов; это выглядело, как исполнение пророчества о конце света: "И я взглянул, и вот конь бледный, и на нём всадник, которому имя смерть, и ад следовал за ним..."

Среди этой пляски смерти Чингисхан внезапно задумался о своей собственной жизни: ему было уже под семьдесят. Он вызвал из Китая знаменитого монаха и мудреца Чан Чуня, о котором говорили, что он знает секрет бессмертия. Чан Чунь проехал многие тысячи километров по дорогам, заваленным гниющими трупами, и покорно склонился перед "владыкой человечества".

– Святой муж! – сказал Чингисхан. – Ты пришёл издалека, какое у тебя есть лекарство для вечной жизни, чтобы снабдить меня им?

– Есть средства хранить свою жизнь, – откровенно ответил седой монах. – Но нет лекарства бессмертия.

Чингисхан угрюмо кивнул и отпустил монаха. Он понял, что ему надо торопиться; он ещё не отомстил всем своим врагам. Прервав поход на запад, он двинулся на тангутов, обитавших в Западном Китае. Тангуты "зарывались в землю и камни, чтобы укрыться от мечей и стрел, но спаслись лишь один-два человека из ста. Белые кости покрыли степь". В августе 1227 года Чингисхан умер, наказав своим сыновьям и внукам продолжить завоевание мира. Монголы завоевали Северный Китай, Корею, русские земли и в 1256 году вновь вторглись в Иран. В январе 1258 года Орда подошла к столице мусульманского мира, Багдаду. Багдад был самым большим городом на земле, и кочевники с удивлением взирали на могучие крепостные стены и возвышающиеся над ними купола мечетей. 4 февраля монголы пошли на штурм, овладели стенами и несколько дней стояли на них, оглядывая сверху замерший от ужаса город. 10 февраля началась "всеобщая резня". Халиф Мустасим, пытаясь откупиться, открыл все тайники с драгоценностями, и богатства Востока были свалены в горы вокруг ханской ставки. Мустасиму не удалось спасти свою жизнь, вместе со всем своим родом он был затоптан копытами коней. Резня продолжалась пять дней, большая часть Багдада сгорела, и мало кто остался в живых. "Горы трупов дыбились на улицах и базарах, дожди мочили их, а кони топтали копытами..." "С тех пор как бог сотворил Адама, до настоящего времени мир не видел подобного испытания, – свидетельствует арабский летописец Ибн-ал-Асир. – Может быть, люди не увидят подобного до скончания мира, исключая разве Гога и Магога. Даже антихрист пощадит тех, кто ему подчинится, и погубит только тех, кто будет ему сопротивляться. А эти не щадили никого..." Долины Передней Азии превратились в пустыню; песок заносил развалины городов и высохшие каналы. История снова вернулась к своему началу.

ИСКАНДЕР САНИ

*И вот я до конца дошёл счастливо
О древних подвигах рассказ правдивый.*
Фирдоуси. Шахнамэ.

В те дни, когда на объятый пламенем равнине Ирана свирепствовал монгольский смерч, бесконечный поток беженцев двигался через Хайберский проход на юг – в Индию. Казалось, вся Азия смешалась в этих объятых ужасом толпах: крестьяне, несшие на себе нехитрый скарб, купцы-караванщики со своими верблюдами, израненные воины разбитых армий, целые племена кочевников, тюрок и афганцев. Они стремились уйти от погони как можно дальше на юг – за Инд, к Дели – последней крепости мусульманского мира. Угрюмый султан Дели Гийас-ад-дин Балбан встречал беженцев, давал крестьянам землю, купцам – работу, а воинов зачислял в свои полки. Сыновья султана каждый год выходили с этими полками на Инд, чтобы отразить прорывавшиеся вслед за беглецами монгольские отряды. Долина Инда была огромным полем боя, где последние солдаты цивилизации пытались остановить затопившую полмира кровавую Волну. В рядах мусульманских войск сражался отважный воин и великий поэт Амир Хосров, оставивший для потомков описание своих врагов: «Упорные и яростные в бою они прикрывают свои поистине стальные тела одеждами из хлопка. Над их пламенеющими лицами возвышались шапки из шерсти и казалось, что шерсть загорится от этого огня... От них исходило зловоние, худшее, чем от гниющих трупов... Своими безобразными зубами они пожирала свиней и собак... Они пили воду из сточных канав и ели траву...»

Перелом в долгой битве наступил в правление султана Ала-ад-дина (1296-1316), знаменитого полководца, которого считали равным Александру Македонскому и назвали Александром Вторым – Искандером Сани. Чтобы отразить нашествие, Ала-ад-дин ввел железную дисциплину и мобилизовал все средства страны. У воинов были отняты их икта; они были постоянно готовы к походу и проводили время в тренировках и на смотрах. Эмирам тысяч и сотен запрещалось пить вино, устраивать пиры и развлечения; им было запрещено даже общаться между собой – помимо непосредственного начальства. Для содержания армии крестьяне должны были отдавать половину урожая; государство взяло на себя снабжение Дели, превратившегося в огромный военный лагерь; все цены и нормы снабжения устанавливались лично султаном; в обширных государственных мастерских 17 тысяч ремесленников ковали мечи и шлемы. Вероятно, оружейники султана уже умели отливать пушки – эти новые орудия войны, изобретенные мусульманами в XII веке. Именно пушкам было суждено через два столетия остановить натиск кочевых орд и переломить ход истории – но первые пушки были слишком тяжелыми, неуклюжими и использовались лишь при осадах городов.

В 1299 году огромная монгольская армия двинулась в глубь Индии и подошла к Дели; у стен столицы произошла грандиозная битва; монголы потерпели поражение и отступили на север – но через несколько лет вернулись. На протяжении четырёх лет вокруг Дели бушевали сражения, в которых участвовали сотни тысяч железных всадников; в 1306 году мусульмане, наконец, одержали решающую победу; ожесточение победителей было таково, что они бросили под ноги боевых слонов тысячи пленённых варваров. После этого разгрома монголы сто лет не решались вторгаться в Индию.

Разгромив страшных врагов, победоносная армия ислама приступила к покорению Южной Индии. Юг был загадочной страной тропических лесов и многоводных рек; на побережьях тёплых морей там возвышались удивительные города с многоэтажными деревянными домами и огромными, украшенными тысячами скульптур, каменными храмами. Эти города были храмовыми общинами, очень похожими на древние общины Двуречья: храмы были центрами городской жизни, они владели обширными землями и вели

торговлю, а жрецы были именитыми гражданами города, которым принадлежал решающий голос в народном собрании. На юге Индии жил древний народ дравидов, а в храмах поклонялись старинным индусским божествам – Шиве, Индре, Вишну. Дравиды не могли противостоять непобедимой коннице Ала-ад-дина, и богатства индусских храмов стали главной добычей мусульман в их южных походах. В 1311 году воины султана достигли крайней оконечности полуострова и разграбили знаменитый Золотой Храм в Чидамбараме – символ древней культуры дравидов.

Ала-ад-дин отразил страшное монгольское нашествие, покорил десятки дотоле неведомых племён, городов и царств – и решил увековечить своё могущество строительством минарета, который был бы выше, чем знаменитый Кутб-минар. Смерть помешала султану завершить своё грандиозное начинание: по-видимому, Ала-ад-дин был отравлен своими эмирами, тяготившимися дисциплиной, установленной суровым воином. С его смертью вернулись прежние порядки, эмиры стали получать икта, а на базаре снова воцарилась свобода торговли. Султан Мухаммад-шах (1325-51) ещё пытался поддерживать дисциплину среди эмиров, но при Фируз-шахе (1351-88), "эмиры и малики стали падишахами, каждый на свой собственный страх и риск". Огромный султанат распался на части – и тотчас же с севера снова нахлынули монголы. Новую всеокрущающую Орду вёл эмир Тимур, "железный хромец", стремившийся превзойти жестокостью Чингисхана. В 1398 году орда овладела Дели; "сделанные из голов индийцев башни достигали огромной высоты, а тела их стали пищей для диких зверей и птиц". В конечном счёте, Индию постигла та же судьба, что и другие страны Востока; равнина покрылась пепелищами городов, трупы лежали на улицах и дорогах, и поля медленно зарастали кустарником. Страшное монгольское нашествие стало рубежом двух эпох: там, позади, было средневековье, эпоха сказок "Тысячи и одной ночи", эпоха Фирдоуси и Омара Хайяма. Что было впереди, в то время никто не знал, и некому было спрашивать: после ухода Тимура на развалинах Дели "даже птица не пошевелила крылом".

Глава II История Нового Рима

*И рассвирепели язычники, и пришёл
гнев твой, и время судить мёртвых...*
Откровение Иоанна Богослова, 11, 18.

ПОСЛЕДНЯЯ КРЕПОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Теперь нам нужно вернуться к началу средних веков, когда вырвавшаяся из аравийских пустынь арабская конница опрокинула границы тысячелетней Римской Империи и достигла берегов Босфора. На том берегу пролива возвышались могучие стены и золотые купола Константинополя – города, который называли Новым Римом. Пока у арабов не было флота, Константинополь был неприступен – но арабы построили флот, согнали десятки тысяч крестьян на финикийские верфи и спустили на воду сотни быстроходных галер. Воины ислама сражались на море с той же неукротимой яростью, что и на суше; они отчаянно бросались на abordаж и после жестоких схваток на палубах овладевали вражескими судами. Начиная с 664 года, арабы четырнадцать лет беспрестанно атаковали Константинополь с суши и моря; защитники города уже потеряли надежду – но Господь даровал спасение. Мастер Киллиник из Сирии сумел заново открыть «греческий огонь» – страшную самовоспламеняющуюся жидкость, которой когда-то в древние времена был сожжён флот Антония и Клеопатры. Были построены огненосные корабли, дромоны, выплёскивавшие из медных труб струи огня, и в 678 году арабы в ужасе бежали от стен Константинополя. Они ещё раз собрались с силами, и в 717 году огромная армия снова

осадила Новый Рим. Арабы окружили город земляным валом и поставили против крепостных башен громадные осадные машины; почти две тысячи галер вошли в Босфор, чтобы атаковать гавань. Но навстречу арабскому флоту снова вышли огненосные дромоны; множество галер было сожжено, и штурм не удался. Потом пришла зима, осаждавшие голодали и ели человечину; прибывший весной флот был снова сожжён «греческим огнём», и, в конце концов, мусульмане отступили.

Последняя крепость цивилизации устояла перед напором варваров. Старый Рим давно лежал в развалинах; в руины обратились столицы некогда могущественных империй Ирана, Индии, Китая; повсюду виднелись сожжённые деревни и опустелые поля – но Константинополь выстоял. После тяжёлых осад в городе осталась лишь малая часть прежнего населения; многие кварталы опустели, на улицах рос бурьян; был разрушен акведук, по которому поступала вода. Однако уцелевшие жители по-прежнему с гордостью называли себя римлянами, а свою страну – Римской империей* – и, как в старые времена, императоры праздновали триумфы и устраивали на ипподроме состязания колесниц. Вокруг чудом сохранившегося города, по обе стороны Босфора, лежала опалённая нашествиями равнина; кое-где в землянках обитали уцелевшие местные жители и беглецы, принесённые нашествиями из других стран – славяне, армяне, германцы, сирийцы. Константинопольские чиновники пытались наладить управление и разделили страну на области-фемы; разорённая страна не могла содержать регулярную армию, и крестьяне защищали себя сами: в каждой феме было своё ополчение. В деревне тогда не было ни помещиков, ни ростовщиков, бедствия уравнили всех, богатых и бедных; повсюду лежали заброшенные поля, и каждый мог пахать, сколько хочет. Крестьяне, имевшие лошадей, считались воинами-стратигами и сражались в ополчении, а остальные складывались, чтобы снарядить конника. В огне войны уцелели только сильные, те, кто умел сражаться; греки и варвары, перемешавшись, образовали новый народ, который говорил по-гречески, но сохранял свободолюбие и мужество варваров. Крестьяне-воины не хотели платить налоги, и государство уже не руководило, как прежде, жизнью общества; Римская империя оставалась Империей лишь по названию; подданные были предоставлены сами себе, и каждый свободный должен был сам заботиться о своем пропитании и своей защите – так же, как в варварских королевствах Европы.

Полуварварские ополчения областей-фем не хотели подчиняться Константинополю; бывало, что они поднимали мятежи, врываются в город и садили своих вождей на императорский трон. Эти крестьянские императоры были грубыми воинами, почти варварами; нуждаясь в деньгах, они грабили монастыри и снимали золотые оклады с икон. "Они были исполнены невежества и полной безграмотности, отчего и происходят все беды, – писал хронист Феофан. – Книги сжигали, священные сосуды и святые храмы оскверняли..." Монахов избивали, монастыри превращали в казармы и конюшни; был сожжён Константинопольский университет – последняя высшая школа, где ещё теплился огонь знания. Все это делалось под предлогом борьбы с идолами: "Бог – это дух, – говорили те, кто оправдывал гонения, – он непознаваем и неопишуем, поэтому иконы – это идолы, покрытые золотом, и золото нужно употребить на нужды войны." Вся жизнь императоров VIII века проходила в войнах с арабами и болгарами – тюркским племенем, подчинившим придунайских славян. Знаменитый защитник Константинополя Лев III Исавр (717-741) в 740 году одержал большую победу при Акроине и прервал долгую череду арабских набегов; теперь крестьяне смогли восстанавливать деревни и спокойно пахать свои поля. Понемногу оживала торговля, и снова строились провинциальные города – жизнь возвращалась на пепелища и руины.

Константинополь был последней крепостью цивилизации, где в библиотеках монастырей хранились поэмы Гомера, труды Аристотеля и старинные трактаты об управлении государством. Публичные школы давно исчезли, и лишь монахи и потомственные чиновники передавали из поколения в поколение древние знания. В 802 году сановники неожиданно захватили власть и провозгласили императором начальника

налогового ведомства Никифора. Новый император заявил, что никто из его предшественников не умел по-настоящему управлять государственным кораблем и не заботился о благе государства. Он предпринял попытку восстановления Империи – попытку воссоздания мощного государства с его системой государственного регулирования. Он провёл военную реформу, выделил стратиотов в особое сословие и во время походов стал платить им жалование – для этого пришлось увеличить налоги на остальных крестьян. Были конфискованы многие поместья богатых и знатных; как во времена Юстиниана и Диоклетиана, государство пыталось всё контролировать и распределять. Так же, как Юстиниан, Никифор стремился восстановить былые границы Империи; он подчинил многие славянские племена, но, в конце концов, был окружён болгарами в горной теснине среди Балкан. "Только крылья могут спасти нас!" – воскликнул император, увидев болгарских лучников на склонах гор. Никифор погиб в битве, и болгарский хан Крум сделал из его черепа чашу для пиров.

Смерть императора означала неудачу реформ, и всё вернулось на круги своя. Между тем, со времён арабского опустошения прошло уже больше столетия, деревни понемногу восстанавливались, снова стала ощущаться нехватка земли, появились богатые и бедные. Командиры отрядов ополчения, "комиты" и "динаты", приводили из походов рабов и создавали поместья; они содержали вооружённых слуг и всячески притесняли окрестных крестьян, отбирая у них землю. Новые распри между бедными и богатыми заставили вспомнить об учении Христа – не о том учении, что проповедовали в церквях, а об истинных словах Божьих. Во времена одичания и безграмотности Новый Завет стал редкостью, и простые люди не знали о том, что говорилось в священной книге. По легенде, проезжий дьякон подарил старцу Константину, жившему в одном малоазиатском городке, Новый Завет с посланиями апостола Павла. "Кто не работает, тот да не ест!" – писал апостол Павел, и эти простые слова заставили старца Константина оставить свою тихую жизнь; он взял посох и до конца своих дней бродил по деревням и погостам, показывая крестьянам Новый Завет и повторяя: "Кто не работает, тот да не ест!" Число последователей Константина, "павликиан", быстро увеличивалось; как и во времена Христа, верующие стали объединяться в общины: "Все верующие были вместе и продавали имение и всякую собственность, и разделяли всем смотря по нужде каждого". Так же как во времена Христа, их преследовали и распинали на крестах; Константин был схвачен, и каратели, угрожая смертью, пытались заставить его учеников бросать в старика камни. Так же, как в священной истории, среди учеников нашёлся один предатель, и Константин стал новым святым мучеником за веру. Власти пытались искоренить веру, и распинали павликиан на деревьях; по преданию, было распято сто тысяч истинно верующих. Отчаяние вселило в павликиан ярость, они восстали и разгромили войска карателей, а потом огнём и мечом прошли по Малой Азии, убивая всех, кого они считали отступниками. В 868 году они взяли Эфес и, разграбив город, обратили в конюшню знаменитый Эфесский собор. Император Василий I был вынужден вступить в переговоры с восставшими, и этот год стал поворотным пунктом в судьбе Нового Рима.

ГРЕЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Эта страна обширна и изобилует всякими плодами, так что ни одна страна не сравнится богатством с ней. Её жители живут спокойно и счастливо.

Вениамин Тудельский .

В асильий I был крестьянином из Македонии, босиком пришедшим в Константинополь в поисках заработка. Он служил разным господам и прославился своей силой и удачью; ему посчастливилось на глазах императора одолеть богатыря-болгарина, и он был приближен ко двору, став соучастником царских утех. Василий породнился со знатью и стал мастером придворных интриг – и в один прекрасный день император сделал его соправителем, а через

год Василий послал воинов, чтобы убить императора. Всё это происходило в разгар восстания павликиан, и Василий пытался договориться с восставшими – но не смог; война продолжалась ещё пять лет. Василий обещал крестьянам всё, что угодно, он запретил взимание процента с долгов и уменьшил налоги. В конце концов, он одолел павликиан, но был вынужден принять многие их требования и остался в памяти поколений как защитник бедных от богатых. Правление Василия ознаменовало собой восстановление Империи: государство снова стало регулировать отношения между гражданами в целях установления справедливости. Василий вернул к жизни законы: он переиздал законы Юстиниана и снова вывесил их в церквях. Он претворил в жизнь многое из того, что пытался сделать Никифор, и создал сильную армию из одетых в кольчуги всадников-стратиотов.

Будучи неграмотным крестьянином, Василий с почтением относился к учёным монахам и не жалел золота для возрождения греческой учености. В середине IX века под началом епископа Льва Математика в Магнавском дворце была вновь открыта высшая школа – началось возрождение древних наук и искусств. Преподаватели Магнавской школы стали собирать хранившиеся в монастырях старинные книги; знаменитый грамматик Фотий составил сборник с краткими пересказами 280 античных рукописей. За свою учёность Фотий удостоился сана патриарха, и император Василий поручил ему воспитание своего сына Льва, прозванного впоследствии Философом. Лев Философ (886-912) и его сын Константин VII были просвещёнными государями, искавшими в древних книгах образцы мудрого управления. Они собрали огромную библиотеку и участвовали в создании обширных компиляций по законоведению, истории и агрономии. Греки снова познакомились с Платоном, Аристотелем, Евклидом и снова узнали о шарообразности Земли. При дворе снова цитировали Гомера и Еврипида и ставили античные трагедии. Впрочем, древний язык трагедий был непонятен простому народу, и театр так и не возродился; крестьяне предпочитали слушать рассказы бродячих монахов о жизни святых, об их добродетельных поступках и страданиях за веру.

Жизнь текла своим чередом, деревни становились всё более многолюдными и многочисленными, нехватка земли постепенно обострялась, голодные годы приходили всё чаще, начиналось новое Сжатие. В 928 году разразился "Великий Голод", когда крестьяне отдавали свою землю за мешок зерна; голодающие умирали на дорогах, а помещики-динаты поспешно скупали крестьянские земли и округляли свои поместья. Император Роман I потребовал у динатов вернуть землю крестьянам, и они затаили недовольство. Заговоры деревенских господ представляли большую опасность: динаты были командирами стратиотского ополчения и имели отряды из вооружённых слуг. В 963 году знаменитый полководец Никифор Фока поднял мятеж, овладел престолом и отменил указ Романа. Чтобы придать законность своей власти, он женился на вдовствующей императрице Феофано, по словам хронистов, самой красивой и коварной женщине того времени, дочери владельца корчмы, сумевшей очаровать одного за другим трёх императоров. В 969 году Феофано помогла своему любовнику, полководцу Иоанну Цемисхию, убить Никифора и стать новым правителем. После смерти Цемисхия власть перешла к сыну Феофано Василию II (976-1025), который возобновил конфискации земель у динатов и разгромил два мятежа военной знати.

Василий II покорил болгар и прославился победами над арабами, его правление было временем процветания и величия обновлённой Римской империи. Как в давние времена, праздновались великолепные триумфы и победоносные легионы шли за колесницей императора; на празднествах устраивались цирковые представления, и десятки колесниц мчались по ипподрому под рёв стотысячной толпы. Константинополь превратился в столицу полумира, и варвары, франки и русы, с удивлением взирали на позолоченные крыши Большого Дворца и сияющую громаду Святой Софии. В городе было полмиллиона жителей, мощёные улицы и многоэтажные дома, верхние этажи которых почти смыкались над головой. Многочисленные ремесленники выделывали золотую парчу, разноцветное стекло и украшенное чеканкой оружие – но главным предметом зависти варваров были струящиеся шёлковые ткани – одежда, которая отличала знатного от простолюдина и господина от слуги.

Когда-то давно, во времена императора Юстиниана, монахи принесли из Китая спрятанные в посохах яйца шелкопряда – и с тех пор Константинополь стал столицей шёлка. Унаследовав от финикийцев секрет пурпурной краски, греки стали делать пурпурные шёлковые одежды, предназначенные для королей и вождей. Эти одежды вручались варварским послам на императорских приёмах в Золотой Палате: послы проходили между рычащими золотыми львами и склонялись ниц перед тронем; когда они поднимали голову, то видели чудо: трон с императором без всякой опоры висел в лучах света над их головами, и откуда-то сверху доносились громовые слова, требовавшие от варваров покорности божественному владыке.

Особа императора считалась священной. Когда на пасху царь выходил из дворца, направляясь крестным ходом к Святой Софии, люди ложились на землю, стараясь поцеловать его пурпурные сапоги. Император олицетворял собою "живой закон", "воплощение законности и общее благо всех подданных", он неусыпно поддерживал справедливость, охранял достояние пахарей, устанавливал справедливые цены, норму прибыли и следил за соблюдением порядка с помощью тысяч сановников и писцов. На паперти Святой Софии царя встречал патриарх, глава церкви и духовный отец верующих; патриарх обнимал царя и вводил его в храм. Царство Земное, в котором царь стоял рядом с патриархом под куполом Софии, должно было служить прообразом Града Божьего, а царь был наместником Бога на земле. Вера объединяла и умиротворяла людей, она учила их любить друг друга и помогать друг другу; богатые несли свои деньги в монастыри, и монахи строили приюты для бедных, больницы и странноприимные дома. Вся жизнь людей была связана с церковью, в церкви узнавали новости, в церкви крестили, венчали и отпевали. Церковь охраняла семейный союз, запрещала развод и следила за нравственностью: пиры с гетерами были запрещены, а самих гетер время от времени постригали в монахини.

Впрочем, люди умели веселиться во все времена; православные христиане со смехом, шутками и переодеваниями праздновали Новый год – языческий праздник, называвшийся в Риме календами, а позднее на Руси – "колядами". Бродячие артисты показывали цирковые представления с канатоходцами, акробатами и дрессированными медведями; на рыночных площадях мимы разыгрывали комические сценки на тему супружеской неверности – и часто грешили всякими непристойностями. Церковь преследовала мимов, а также колдунов, знахарей и астрологов, которые подрывали веру в бога. Вольнодумство не поощрялось, а еретиков сжигали на площадях – возможно, поэтому греческая наука не продвинулась дальше Аристотеля, а писатели создавали преимущественно жития святых. Известный философ Иоанн Итал осмелился усомниться в бессмертии души, и был предан анафеме; православные патриархи не прощали малейших отступлений в вопросах веры даже главе западной церкви, римскому папе. В 1054 году давний спор о "нисхождении святого духа" привёл к разрыву между патриархом и папой; оба отца церкви предали друг друга анафеме, и это привело к разделению христианской церкви на восточную, "православную" и западную, "католическую".

Впрочем, большинство горожан Константинополя было равнодушно к философии и богословским спорам. Огромный город жил своей суетливой жизнью, в гавани толпились корабли, улицы были наполнены разноголосым гомоном торговцев, а над всем этим возвышались золотые купола Святой Софии. "Константинополь подобен сказочному городу, – писал купец Вениамин из Туделы. – Его обитатели разодеты в шитые золотом шелка и ездят на конях, подобно князьям. Эта страна обширна и изобилует всеми плодами, так что ни одна страна не сравнится богатством с нею. Её жители живут спокойно и счастливо".

ГИБЕЛЬ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

*В дворце цезарей вьет паутину паук,
В баине Афросиаба дозор свой несёт сова...*

Неизвестный персидский поэт.*

Эпоха возрождения Римской империи была временем нового демографического цикла, начавшегося после окончания арабских завоеваний. Те, кому посчастливилось выжить, вернулись на родные пепелища и стали вновь распахивать поросшие осокой поля; постепенно восстанавливались деревни, потом снова пришло время земельного голода, появились богатые и бедные, и началось Сжатие. Старые предания о юстиниановом Граде Божьем ещё жили в народе, и первые социальные распри подтолкнули Василия I к восстановлению правления, основанного на справедливости. Василий основал Македонскую династию, правившую двести лет и защищавшую крестьян от ростовщиков и помещиков. Так же как императоры прежних времён, новые «василевсы» боролись со знатью и опирались на чиновников и солдат. Новые легионы Империи формировались из зажиточных фермеров, имевших кольчугу и лошадей; крестьяне победнее вместо службы в ополчении платили налоги.

Время шло, и демографическое давление постепенно возрастало, безземельные крестьянские сыновья уходили на заработки в города, Константинополь снова наполнился ремесленным людом, настало время возрождения городской жизни, наук и искусств. Однако Сжатие нарастало, и голодные годы приходили всё чаще, ремесло не могло дать работу всем "лишним людям", нищие бродили по дорогам и просили подаяния на улицах. В деревне не хватало земли, и обнищавшие крестьяне были не в силах платить налоги. Фермеры-стратиоты разорялись и не могли служить в ополчении, легионы слабели; вдобавок столетия мирной жизни снова лишили греков воскресшей было воинственности. Как в давние времена, императоры стали нанимать варваров, варягов и франков; русые воины с секирами охраняли дворец василевса и первыми шли в бой – навстречу другим варварам, орды которых снова подступали к границам Империи. В середине XI века Великая Степь выплеснула из своего чрева новую Волну; конная лавина новых завоевателей, тюрков, прокатилась по равнинам Персии и хлынула через римские границы. Собрав все силы Империи, царь Роман IV выступил навстречу врагу; в августе 1071 года близ города Манцикерта произошло решающее сражение. Римская армия была разгромлена, и Тюркская Волна медленно растеклась по Малой Азии.

Катастрофа при Манцикерте и пленение императора повергли Империю в хаос; в то время, как тюрки осаждали греческие города, военная знать подняла новый мятеж. Началась гражданская война, повсюду свирепствовал голод, на улицах столицы лежали трупы умерших голодной смертью. В апреле 1081 года войска фракийских динатов штурмом овладели Константинополем и подвергли город жестокому разгрому. Победившая военная знать провозгласила императором своего вождя Алексея Комнина – основателя новой династии Комнинов. Не в силах выдержать напора победоносных тюрков, Алексей обратился с призывом о помощи к христианам Запада; этот призыв был поддержан римским папой, и сотни тысяч франков (так называли европейцев на Востоке) двинулись в "крестовый поход", чтобы не только помочь грекам, но и освободить Иерусалим.

В декабре 1096 года крестоносное ополчение подошло к Константинополю; горожане со страхом смотрели на огромное скопище воинственных варваров. Некоторые из крестоносных вождей показывали на золотые купола дворцов и предлагали соплеменникам разграбить греческую столицу. Однако на этот раз всё обошлось, крестоносцы переправились в Азию, разгромили тюрков при Дорилее и, вернув грекам малоазиатские провинции, ушли к Иерусалиму.

Империя получила передышку, и преемники Алексея Комнина использовали её, чтобы реорганизовать армию. По образцу тюрков и франков они стали давать в кормление воинам деревни с крестьянами; в императорской армии появились франкские рыцари с гербами и пышными султанами; на ипподроме устраивались рыцарские турниры, и сам император, случалось, выбивал из седла соперника под восторженные возгласы прекрасных дам. Внук Алексея Мануил I (1143-80) прославился как храбрый рыцарь, всегда сражавшийся в самой

гуще боя; он породнился с франкскими вождями и оказывал им предпочтение перед греками. Он покровительствовал итальянским купцам, которые во множестве селились в столице и, пользуясь привилегиями, забирали в свои руки греческую торговлю. Это вызывало ненависть горожан к "латинянам", после смерти Мануила в Константинополе разразилось восстание, "латинян" убивали на улицах, стоявшие в гавани итальянские корабли жгли "греческим огнём".

Эти события превратили бывших союзников во врагов, и давно утратившим воинское мужество грекам теперь приходилось полагаться лишь на свои силы. Крестоносцы, уже столетие алчно поглядывавшие на богатства Константинополя, искали лишь случая, чтобы овладеть ими – и вскоре такой случай представился. Один из претендентов на императорский престол, царевич Алексей, обратился к вождям четвёртого крестового похода с просьбой о помощи, и летом 1203 года греки увидели с городских стен тысячи парусов, почти закрывших собой море. Огромная варварская армия осадила Константинополь – как когда-то германцы Алариха осаждали Рим. После первого же штурма греки согласились вернуть престол отцу Алексея Исааку, и война на время затихла. Однако франки потребовали столько золота, что Исааку пришлось изымать драгоценную утварь в церквях – это вызвало восстание, горожане свергли Исаака и приготовились к новой осаде. Никто не ожидал, что крестоносцы смогут взойти на стены Константинополя, устоявшие перед множеством варварских племён. Однако франки сумели найти место, где стена, шедшая вдоль залива, была ниже, чем в других местах; они прикрепили к мачтам своих кораблей сотни перекидных мостиков и неудержимым потоком хлынули на укрепления. 12 апреля 1204 года произошла одна из самых страшных катастроф в истории человечества. Столица обетованного мира была взята, разграблена и почти полностью сожжена варварами. Через восемь веков после падения Первого Рима та же участь постигла и Второй Рим. Возвращавшиеся на родину крестоносцы с гордостью показывали свою добычу: усыпанные драгоценностями кресты и чаши, шелковые одежды и чернооких пленниц. Римская Империя погибла, и тысячи беглецов пересказывали во всех концах света повесть о её гибели.

– Теперь не знаю, что и сказать, – написал греческий хронист Никита Хониат на последней странице этой повести.

Однако нам придётся сказать несколько слов о том, что происходило позже, о жизни среди развалин. Земли вокруг константинопольского пожарища достались одному из предводителей крестоносцев, Балдуину Фландрскому, который поселился в уцелевших палатах Большого Дворца и называл себя императором. Франкские рыцари поделили между собой опустошённую войнами и восстаниями страну, построили замки и поработили уцелевших крестьян. Это было время одичания и нищеты; чтобы добыть деньги, франкские "императоры" продавали свинцовую кровлю собственного дворца и, по преданию, отдали за долги итальянским банкирам великую христианскую святыню – подлинный терновый венец Господень. Но постепенно завоеватели познакомились с культурой покорённого народа; епископ Гийом де Мэрбеке перевёл на латынь Аристотеля, Гиппократ и Архимеда – и потом, в XIV веке, греческие монахи передавали драгоценные знания творцам европейского Возрождения, Петрарке и Боккаччо. Франкские рыцари постоянно воевали между собой и с сохранившимися на окраинах греческими княжествами; в 1261 году грекам удалось овладеть тем, что осталось от Константинополя, и их вождь Михаил Палеолог стал называться "римским императором". Власть этих "императоров" распространялась немногим далее полуразрушенных стен "Нового Рима", вокруг города хозяйничали болгары и турки. К началу XIV века турки создали мощное государство и в 1453 году взяли штурмом Константинополь. Султан Мехмед II въехал в завоёванный город, сошёл с коня перед храмом Святой Софии и, преклонив колена, посыпал голову землёй в знак покорности Богу.

Рассказывают, что он долго бродил среди развалин Большого Дворца, тихо повторяя стихи персидского поэта:

Во дворце цезарей вьёт паутину паук,
В башне Афросиаба дозор свой несёт сова...
Мехмед отнял у воинов и освободил несколько знатных
женщин,
Но остальные жители города были обращены в рабов.
Таков был конец Нового Рима.

Глава III История варваров

*Лишь дым остался от Галлии,
сгоревшей во всеобщем пожаре.
Ориденций .*

ПОБЕДА ВАРВАРОВ

Когда-то в незапамятные времена, когда арийские племена вырвались из Великой Степи и обрушились на окружающий мир, часть из них двинулась на запад – в Европу. Бородатые воины на боевых колесницах подчинили местных жителей и со временем перемешались с ними, образовав новый народ, потомками которого были германцы и славяне. Позже, в I тысячелетии до нашей эры, из Степи пришли новые завоеватели, народ всадников, умевших на полном скаку стрелять из лука – на востоке их звали киммерийцами, а на западе – кельтами. Кельты заняли лучшие земли Европы, оттеснив одни из сопротивлявшихся племён за Карпаты, а другие – в Ютландию и Скандинавию. Скандинавия – это был мир холодных равнин, где солнце редко показывалось из-за облаков; здесь были дикие леса, широкие озёра и обширные луга, усыпанные валунами, когда-то оставленными отступившим на север ледником. Чтобы расчистить от камней поле, нужны были годы тяжёлого труда, а посеянные зёрна давали лишь скудные всходы – поэтому здесь царствовал голод; местные жители охотились в лесах и пасли стада на равнине – но пастбищ не хватало для пропитания. Так же, как в Великой Степи, здесь нужно было сражаться за жизнь, и холодная Северная Равнина стала родиной нового народа воинов – германцев.

Германские роды жили в больших укрепленных усадьбах из камня и брёвен и постоянно сражались друг с другом за пастбища. Занятием мужчин была война; когда юноши подрастали, им вручали щиты и копья и отправляли в набег на враждебный род. Их одеждой были шкуры зверей и куски грубой ткани – но летом они ходили нагими и, чтобы не стеснять движений, нагишом бросались в бой. Оружием воинов были каменные топоры, копья и фрамеи – дротики, которыми можно было колоть и рубить; их бросали во врагов, а затем тянули за ремень к себе. На севере почти не было железа, поэтому мечи и шлемы имелись лишь у вождей и дружинников, которые шли в бой первыми. Лошади тоже имелись лишь у немногих, они плохо размножались в суровом северном климате, так что германцы сражались пешими. Перед боем приносили человеческие жертвы, жрецы выкрикивали заклятья, били в барабан и мазали кровью лица воинов. Прославленные богатыри-берсерки перед битвой пили сок мухомора; они впадали в ярость и наводили на врагов ужас – но те из них, что выживали в сражениях, быстро теряли разум.

Во времена мира воины проводили время в праздности; пасти скот и возделывать землю было делом женщин и принадлежавших роду рабов. Группа родственных родов составляла племя, и все дела решались на племенной сходке, на которой выбирали вождя

племени – "рига", "конунга" или "герцога". Вождь содержал дружину из лучших воинов и вместе с ней постоянно объезжал земли племени, останавливаясь в родовых усадьбах и требуя у хозяев угощение, мясо и пиво; попировав неделю-другую, дружина отправлялась дальше. Дружинники давали вождю клятву верности, и, если конунг погибал в битве, то они искали смерти в сражении или бросались на мечи. После смерти вождей в их могилы клали их боевых коней, их жён и наложниц, а над могилами возводили курганы. Считалось, что погибшие в бою смелые воины попадают в Валгаллу, огромный небесный дворец царя богов Одина, где они пируют, ласкают небесных дев и предаются воинским забавам. Жизнь германцев проходила в войнах, и все их боги были воинами. Один, бог неба, изображался на боевом коне, в шлеме и латах; бога Циу почитали в виде обнажённого меча, а Тор, бог грома, был вооружён волшебным молотом. В своём небесном царстве боги постоянно вели войну с великанами, и, согласно древнему пророчеству, эта борьба должна была закончиться их гибелью – тогда потухнут солнце и луна, вселенная сгорит и обратится в прах, и настанут "сумерки богов".

Так же, как Великая Степь, Северная Равнина была областью высокого демографического давления, там постоянно кипели войны, и отсюда исходили волны нашествий, проникавшие далеко на юг. В конце II века до н. э. племена кимвров и тевтонов ворвались в южную Галлию и разбили пограничные римские легионы. Рим пришёл в ужас; говорили, что варвары быстротой и силой подобны огню, что они, как гиганты, срывают холмы и запруживают реки. В 101 году они прорвались через Альпы в Италию; они нагими шли сквозь снегопад, через ледники и по глубокому снегу взбирались на вершины гор. В августе 101 года на равнине близ города Верцеллы произошла одна из самых кровопролитных битв древней истории, знаменитый римский полководец Гай Марий противопоставил дикой ярости кимвров железные мечи и выучку легионов. В битве пало больше ста тысяч варваров; когда кимвры стали отступать к своему лагерю, то навстречу им вышли их жёны; они убивали бегущих и на глазах римлян вонзали в себя мечи.

Римляне сумели отразить кимвров, но на севере германцы одержали победу над кельтами и в I веке до н. э. овладели обширной страной между Дунаем и Рейном – впоследствии эта страна стала называться Германией. Во времена императора Августа римские легионы перешли Рейн и достигли Эльбы, однако в 9 году н. э. одна из римских армий была окружена и разгромлена германцами в Товтобургском лесу. После этого поражения римляне сочли за лучшее отгородиться от варваров пограничными укреплениями, вдоль Рейна и Дуная протянулись валы со смотровыми вышками, готовые к бою легионы были размещены вдоль границы. Время от времени Северная Равнина извергала новые орды варваров; они разбивались о пограничные укрепления, а те, которым удавалось прорваться, через некоторое время истреблялись резервными армиями. В III веке германское племя готов двинулось на юго-восток, готы прошли через всю Восточную Европу и достигли Чёрного моря; они сели на коней и, породнившись с кочевниками степей, скифами и сарматами, создали могущественный племенной союз.

Между тем, приближалось время гибели Древнего Мира, в глубине Великой Степи происходили роковые события, породившие страшное нашествие гуннов. В конце IV века гунны обрушились на германские племена на востоке Европы и, подчинив одни из них, обратили другие в бегство. Спасаясь от гуннов, бесчисленные орды варваров хлынули в пределы Империи, они опрокинули пограничные укрепления и устремились на Балканы, в Италию, в Галлию. Это была катастрофа, какой ещё не видел мир. Цветущие некогда страны окутал дым пожаров, города обратились в руины, горы трупов лежали на дорогах и в развалинах домов. "Смотри, сколь внезапно смерть осенила весь мир, – писал епископ Ориденций. – С какой силой ужасы войны обрушились на народы. И холмистые лесные кущи, и высокие горы, и стремительные реки, и крепости с городами – всё оказалось под властью варваров. Одни погибли, став жертвой подлости, а другие были выданы на смерть своими согражданами. Те, кто сумел устоять перед силой, пали от голода. Несчастная мать распростёрлась вместе с детьми и мужем. Господин вместе со своими рабами сам оказался в

рабстве. Многие стали кормом для собак; другие живыми сгорели в домах, охваченных пламенем. В городах и деревнях, вдоль дорог и на перекрестках, здесь и там, – повсюду смерть, страдания, пожарища, руины и скорбь. Лишь дым остался от Галлии, сгоревшей во всеобщем пожаре".

ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ

*Время вернулось к тиши, царившей
до сотворения человека: ни голоса
в полях, ни свиста пастуха...*

Павел Дьякон.

Через сто лет после катастрофы, когда пожары утихли и смерть, наконец, сделала передышку, взору немногих летописцев открылся новый, непохожий на прежний мир. Европа, казалось, вернулась к началу времён. Там, где когда-то были многолюдные селения и колосились поля, теперь простирались леса, полные диких зверей. Среди этих лесов изредка встречались маленькие деревни из бревенчатых полуземлянок; в некоторых местах люди, как в первобытную эпоху, жили в пещерах. Кое-где виднелись развалины городов: увитые плющом обвалившиеся стены и лежащие на земле колонны, полуразрушенные акведуки. В домах вокруг заросшего травой форума иногда ещё жили люди, в разграбленной церкви священник изредка вёл службу для окрестных крестьян, крестил, отпевал и просил у Господа спасения от бед.

Страной, простиравшейся от берегов Рейна до Пиренеев правили вожди из племени франков. Франки, называвшие себя "свободными", жили на нижнем Рейне; в конце V века их вождь Хлодвиг из рода Меровингов разбил последнего римского наместника и, одержав верх в схватке с другими германскими племенами, овладел Галлией. Часть франков переселилась на берега Сены и Луары; они строили деревни из рубленых домов и заставляли захваченных в походах рабов пахать для них землю. Отличившимся дружинникам Хлодвиг дарил поместья бежавших римских аристократов вместе с уцелевшими арендаторами и рабами; у варваров не было никаких грамот, и, даря поместье, вождь протягивал дружиннику пучок соломы.

Как в прежние времена, франки предпочитали проводить время в походах; каждую весну они собирались на "мартовском поле" и решали, с кем воевать в этом году. Хлодвигу стоило немалых трудов заставить их подчиняться; однажды после разграбления церкви он хотел взять себе серебряную чашу – но один из воинов воспротивился этому и разрубил чашу секирой. Лишь через год Хлодвиг нашел случай для мести и во время смотра убил воина, заявив, что его оружие никуда не годится. Позднее он сумел под разными предлогами истребить всех своих родственников и остался единственным предводителем франков; он стал назначать своих людей на сохранившиеся с римских времен должности окружных начальников – раньше их звали комитами, а теперь – графами.

Впрочем, графы были властью для римского населения, но не для франков: франки неохотно подчинялись новым властям. Варвары не хотели знать никаких налогов и судились по старым обычаям – спорщики рубились на мечах, или по приговору сходки подвергались испытанию: держали в руках раскаленную полосу железа. Если ожоги выступали не сразу, то обвиняемого оправдывали – это называлось Суд Божий. Часто дело решалось без суда, по праву кровной мести; как в давние времена, один род мог долгие годы вести войну с другим родом, не обращая внимания на уговоры графа. Остановить вражду мог лишь выкуп, "вертгельд"; Хлодвиг поручил латинским грамотеям записать обычные нормы выкупа в случае разных преступлений; этот сборник назывался "Салическая Правда" – салии были одним из франкских племён. Согласно этой "правде" выкуп за убийство франка был втрое больше выкупа за убийство римлянина, а жизнь римлянина оценивалась, как пара коров.

Франки исповедовали право сильного и единственной силой, способной сдержать их, был Господь Бог. После одной одержанной чудом победы, Хлодвиг уверовал в могущество

христианского бога и решил "вступить в его дружину", принести клятву верности. Вместе со своими воинами он принял крещение и выслушал рассказ о страданиях Христа. "Будь я тогда со своими франками, я бы отомстил за него!" – воскликнул храбрый вождь, потрясая мечом.

Вера в бога смягчила нрав варваров, они стали меньше грабить и убивать, не трогали церкви и почитали священников. Епископы стали защитниками римского населения, во время смут они укрывали в церквях местных жителей и выходили с крестом навстречу варварам. Чтобы спасти от разграбления свои поместья, уцелевшие римские аристократы отдавали их церкви и становились священниками, монастыри стали местом прибежища для образованных людей, и монахи были писцами у варварских вождей и графов. В конце VI века епископ Григорий Турский написал "Историю франков"; он с грустью признавал, что недостаточно грамотен, что путает падежи и предлоги – но теперь не сыскать по-настоящему культурного человека. Когда старится всё на свете, писал Григорий, нечего сравнивать своё время с прошлым, себя – с прежними людьми. Знатные римляне стали подражать варварам, стали одеваться как варвары и принимать варварские имена. Последний поэт Рима, Венанций Фортунат, во время пиров сидел с краю дощатого стола и по знаку франкского вождя выкрикивал стихотворные восхваления. В те времена совершалось множество преступлений, писал Григорий, и каждый видел справедливость в своей собственной воле. Так много зла и неправды кругом, что видимое дело – близится конец мира.

ГИБЕЛЬ БРИТАНИИ

И падает черепица с кровель сводчатых,

И вот – развалины, кучи камня.

Англосаксонское стихотворение.

О конце мира писали многие летописцы тех времён. В середине V столетия дикие германские племена – англ, саксы и юты – обрушились на Британию. Монах Гильдас оставил наполненное ужасом описание этих событий; в своей книге «О гибели Британии» он писал о разрушенных городах и заброшенных полях, «на которых не было ни одного колоса», о паническом бегстве бриттов, о массовых убийствах и порабощении пленников. Большая часть бриттов была истреблена завоевателями; многие бежали в горы Уэльса и Шотландии или на континент, на полуостров, которому беглецы дали своё имя – Бретань.

Свирепые язычники сожгли города и разрушили церкви; они убивали монахов, и после Гильдаса уже некому было описать то, что происходило вслед за "погибелью Британии". Археологи свидетельствуют, что страна покрылась лесами, что германские роды селились среди этих лесов в больших бревенчатых усадьбах и жили, как когда-то на своей родине: свободные мужчины сражались в битвах, а рабы-пленники обрабатывали землю. Рабы-кельты были включены в состав родов и постепенно приняли язык и обычаи своих господ. Со временем англосаксонские роды стали распадаться, и каждая семья получила свой дом и своё поле; тем воинам, у кого не было рабов, пришлось самим пахать землю.

Завоевав лучшие равнины Британии, германцы основали семь племенных княжеств; как в старые времена, они выбирали на сходках своих вождей и вожди со своими дружинниками объезжали усадьбы, пируя и угощаясь за счёт хозяев. Германцы воевали между собой и с кельтскими племенами бриттов, скоттов, пиктов, совершали набеги на Уэльс, Шотландию и Ирландию. В Ирландии ещё сохранялись христианские монастыри, и обитавшие в шалашах отшельники из поколения в поколение переписывали Закон Божий. Ирландские монахи были похожи на кельтских жрецов-колдунов: их лица были причудливо татуированы, веки окрашены красным, они носили длинные волосы и одежду из шкур. Они гадали и колдовали по звёздам – и вместе с тем свято верили в Христа и самоотверженно проповедовали Слово Божье среди диких англо-саксов. Переправившись в Британию, ирландские отшельники основали монастырь в Линдисфарне и разошлись по стране, пытаясь обратить в свою веру варваров; они рассказывали о Христе и писали на восковых дощечках

буквы, объясняя тайну письменности. Позже в Англию прибыли проповедники, посланные римским папой, и варвары постепенно приняли крещение – но церкви и города продолжали лежать в руинах. Местное население к тому времени уже забыло, кому принадлежали эти города и огромные каменные здания – оно считало их творениями великанов:

Каменная диковина -
великанов работа.
Рок разрушил
ограду кирпичную,
Пали стропила;
башни осыпаются,
В щепки изгрызены
крыши временем...

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

*Железо покрывало поля и дороги,
железные острия отражали солнечные
лучи, твёрдые доспехи прикрывали
ещё более твердые сердца.
Рукопись из Сан-Галена .*

Теперь мы снова вернёмся на берега Сены и Луары, во владения франков. Несмотря на всеобщее одичание, конец мира не наступил. Жизнь продолжалась, крестьяне по-прежнему обрабатывали свои поля, отдавая часть урожая графу или хозяину поместья. Земли было достаточно, а налоги собирались всё реже: варвары не могли наладить учёта. Франкские вожди освободили от податей поместья дружинников и, платя за отпущение грехов, дарили деревни епископам – в результате церковь собрала в своё владение едва ли не половину всей земли. Налоги перестали поступать и вожди, как в старые времена, кочевали со своей дружиной по стране, кормясь в городах и поместьях. Потомки Хлодвига разделили между собой его наследство и развязали междоусобные войны; так же, как на далёкой северной родине, варвары сражались между собой и жгли уцелевшие поселения. Меровинги постепенно теряли уважение соплеменников и оттеснялись от власти своими домашними управителями, «майродомами». В начале VIII века майродом Карл Мартелл сумел объединить большую часть франков – и вовремя: с юга подступала новая грозная опасность – арабы.

В Европе знали о могуществе далёких восточных халифов и об отчаянной храбрости "сарацин", но никто не ожидал увидеть всадников, закутанных в белые покрывала, перед своим домом. Удар арабов был подобен удару дамасской сабли: в 710 году они внезапно переправились из Африки и в кровавой битве разгромили владевших Испанией готов, в 718 году они прорвались через Пиренеи и вскоре оказались в сердце франкских владений. В 725 году близ Арля вооружённые секирами франкские пехотинцы были окружены арабской конницей и погибли под ударами кривых сабель. Разграбив долину Роны, арабы ушли – но все понимали, что они вернуться. Перед лицом смертельной опасности Карл Мартелл стал спешно создавать конное войско. Рискнув навлечь на себя проклятие церкви, он отнимал у епископов и монастырей когда-то подаренные Меровингами деревни – и раздавал их своим воинам-"вассалам" с тем, чтобы они могли купить коня и панцирь. "Вассалы" не имели никаких прав над крестьянами; они лишь собирали с них оброки, которые раньше брали епископы, а ещё раньше – римские налоговые сборщики. Эта система содержания воинов была заимствована у арабов и называлась на Востоке "икта", а на Западе – "бенефиций"; это была ВОЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ по арабскому образцу.

Реформа Карла Мартелла была великим событием, на века определившим судьбы Европы. Отныне на полях сражений господствовали рыцари: одетые в броню всадники с копьями наперевес сминали строй пехоты и добивали её тяжёлыми мечами. В 732 году в битве при Пуатье новое войско Карла Мартелла отбросило арабов и прогнало их за Пиренеи. Сын Карла Пипин (741-68) стал настолько могущественным, что задумал окончательно отстранить от власти Меровингов; в 751 году на собрании "всех франков" он был "помазан на царство": по поручению папы облачённый в священные одежды епископ окропил коленопреклонённого Пипина "божественным маслом", "миром".

Папы, обитавшие среди развалин Рима, хотели видеть Пипина своим союзником: им угрожали разорявшие Италию дикие племена лангобардов, а константинопольские императоры не обращали внимания на их призывы о помощи. По просьбе папы Стефана II Пипин совершил два похода в Италию, отразил варваров и передал папе отнятые у них земли. Сын Пипина Карл (768-814) прославился как великий завоеватель, покоривший саксов, баваров, фризов, басков, лангобардов и множество других племён; он не раз переходил Альпы и Пиренеи и поил своего коня из Эльбы. Во главе своей рыцарской армии он прошёл всю Европу – и окрестные народы с ужасом взирали на невиданных доселе железных людей, восседавших на могучих боевых конях. "Тогда явился сам железный Карл, – писал хронист. – Всё оружие его было из железа, в левой руке он держал на весу копьё, а правая не оставляла непобедимого меча. Конь его был железным по цвету и силе. Все его спутники имели такое же вооружение. Железо покрывало поля и дороги, железные острия отражали солнечные лучи, твёрдые доспехи покрывали ещё более твёрдые сердца..." В 774 году этот непобедимый завоеватель торжественно вступил в Рим: он подъехал на коне к собору Святого Петра, спешился и неожиданно для всех встал на колени. На коленях, целуя каждую ступень, он поднялся по лестнице к входу; римский папа поднял его с колен, обнял и под звуки торжественного гимна ввёл в собор.

Это было символическое событие: завоеватель-варвар склонился перед седым старцем, поставленным судьбой хранить заветы древней культуры.

ИМПЕРАТОР КАРЛ

*Пусть все живут по справедливости,
следуя закону Божьему.*

Капитулярий 802 года.

II осещение Рима произвело неизгладимое впечатление на молодого вождя железных франков. Он долго бродил по руинам Вечного Города среди огромных амфитеатров, разорённых дворцов и полуобвалившихся акведуков. Папа Адриан рассказывал ему о величии древней Империи, о Константине и Юстиниане, о Граде Земном и Граде Божьем. Должно быть, с этого времени в душе Карла поселилась мечта, преследовавшая его всю жизнь – мечта о построении Града Божьего на земле. Во славу Христа он год за годом ходил походами на живших за Рейном язычников-саксов, рубился в битвах, разрушал идолов и силой крестил побеждённых. Возвращаясь на зиму в Галлию, он, подражая христианским императорам, старался обустроить жизнь своих подданных и организовать справедливое управление. «Пусть все живут по справедливости, следуя закону Божьему, – гласил один из его указов. – Пусть миряне и священники пользуются по справедливости и без вероломства законами, пусть все строят отношения между собой на основе милосердия и мира...»

Карл определил крестьянам посильные повинности и поручил епископам следить за тем, чтобы графы и другие чиновники не обижали простой народ. Он посылал в округа своих контролёров и сам ездил по стране, проверяя дела. Посещая монастыри, Карл требовал, чтобы монахи проводили жизнь в ежедневных трудах и молитвах, чтобы они создавали приюты для бедных и монастырские школы. В те времена грамота была почти забыта, и даже Библию переписывали с ошибками и пропусками. Карл созвал к своему двору известных

своей учёностью священников и монахов и поручил им восстановить святыне книги в истинном облике. Самым знаменитым из этих учёных был приехавший из Англии Алкуин, он стал близким другом Карла, воспитателем его детей и главой маленького литературного кружка, где читали Библию вперемешку с Вергилием и Фортунатом. Карл с наивной гордостью называл этот кружок Академией, а её членам присвоил имена античных поэтов. Он выучил латинский и греческий языки и научился читать, но письменности так и не осилил – хотя очень старался и даже держал под подушкой восковые дощечки для письма.

Вся государственная деятельность Карла сводилась к перениманию римских традиций в процессе СОЦИАЛЬНОГО СИНТЕЗА, к попытке восстановления на западе христианской Империи. Ещё с тех времён, когда варварские племена расселялись в римских пределах, формально считалось, что их вожди управляют по поручению императоров – и Карл с почтением относился к константинопольским василевсам. Однако в 797 году в Константинополе произошло небывалое событие – власть оказалась в руках женщины, императрицы Ирины. Епископы Италии и Галлии не признали её власти и предложили императорскую корону Карлу. В рождество 800 года Карл был коронован папой в соборе Святого Петра как император Римской империи. Огромная толпа скандировала: "Карл августейший, коронованный Богом, великий миролюбивый император, жизнь и победа!"

Чтобы воссоединить Империю, Карл предложил Ирине свою руку и сердце, но греки не пожелали принять власть "варвара". Началась война, Карл одержал победу и заставил признать за собой императорский титул – отныне существовало два императора и две "Римских империи", на Западе и на Востоке. Символом восстановления западной Империи стал огромный императорский дворец, построенный Карлом недалеко от Рейна, в Аахене. За время господства варваров секреты сооружения каменных дворцов были забыты, и учёным монахам из карловой "Академии" пришлось искать сокровенное знание в древних трудах Витрувия; они справились со своей задачей и воздвигли грандиозное здание – но мраморные колонны и скульптуры пришлось брать из развалин итальянских городов. В те времена все города лежали в развалинах, и Карл приказал построить дворец на поляне посреди девственного леса, в месте, где он обычно охотился. Его двор был непохож на чинный двор восточных императоров; вместе со своими друзьями, сыновьями и дочерьми Карл проводил время на охоте и с утра до вечера скакал по лесу, загоня оленей. Он любил сойтись один на один с диким вепрем и в пылу схватки не раз оказывался на краю гибели – но всегда побеждал. Потом охотники считали трофеи, раскидывали в лесу шатры и устраивали весёлый пир. Когда-то в давние времена так жили все вожди франков, охотились и пировали. Карл был истинным франком – и лишь иногда, о чём-то задумавшись, он вынимал из-под подушки Библию и заветные дощечки для письма.

– Пусть существуют школы, чтобы учить детей писать, – старательно выводил Карл, прозванный позднее Великим. – Пусть все живут по справедливости, следуя закону Божьему...

ВТОРОЕ НАШЕСТВИЕ

*...Век бурь и волков – до гибели мира,
Щадить человек человека не станет...
«Эдда».*

Г осударство построить труднее, чем дворец в Аахене. Нужны тысячи грамотных чиновников, нужны писанные законы, нужны века воспитания, способность управлять и готовность подчиняться. Карл призвал к управлению государством последних грамотеев, переживших варварские нашествия, епископов и монахов, – однако воинственные франки не хотели подчиняться монахам. Они ещё помнили о варварской свободе, когда воины поднимали на щите выбранных ими вождей – и Карл уважал их свободу: каждый год, когда франки собирались на «майских полях», готовясь к очередному походу, он выезжал к войску

и просил его утвердить свои решения. Правда, войско Карла ничем не напоминало прежних одетых в шкуры варваров с секирами в руках – это были стройные ряды всадников в кожаных с железными пластинами панцирях. Карл призывал в поход лишь тех, кто мог явиться в панцире и на коне – прежде всего своих вассалов, получавших бенефиции и приносивших ему клятву верности. Простые люди, не имевшие панциря и коня, складывались, чтобы выставить всадника; не участвуя в походах, простолюдины переставали быть воинами и превращались в податных крестьян. Они уже не могли постоять за себя и теряли ту свободу, которую даёт меч в руке; им нечего было сказать графу, который в сопровождении отряда железных всадников приезжал в деревню и требовал новых податей. Лишь «государевы посланцы», которых рассылал император Карл, могли защитить их от произвола вассалов и графов – но преемники Карла перестали рассылать посланцев.

Потомков Карла Великого звали Каролингами или "королями" – потом этим словом стали называть всех монархов. Они тоже любили варварскую свободу – в том смысле, что сын мог поднять руку на отца, а братья могли яростно рубиться на мечах. По обычаю варваров, они поделили между собой государство Карла и принялись воевать друг с другом. После раздела Империи между внуками Карла в 843 году образовалось три королевства: западные области достались Карлу Лысому, восточные – Людвигу Немецкому, а Италия и земли на Рейне – "императору" Лотарю. В 855 году владения Лотаря были поделены между тремя его сыновьями, государство Карла Великого распалось и погрузилось в междоусобицы – и в этот самый момент на Европу обрушилась волна нового германского нашествия.

Северная Равнина оставалась демографическим вулканом, где в огне яростных сражений рождались новые племена воинов и откуда время от времени извергалась лава. Момент нового извержения был предопределён появлением "драконов" – украшенных головой дракона больших мореходных лодок, которые научились делать северные варвары. "Драконы" вмещали полусотню воинов и за неделю могли пересечь Северное море, а за месяц – достичь берегов Италии. Вся Европа оказалась во власти варваров; флотилии из десятков и сотен "драконов" опустошали берега и поднимались вверх по рекам, сжигая деревни.

Знамя набега, "викинга", мог поднять любой прославленный в боях воин, и, собравшись на берегу, дружина приносила жертву богу войны Тору. "Жрец по жребию назначал людей для жертвы, – писал хронист, – их оглушали ударом ярма по голове; особым приёмом выбивали мозг, потом сваливали на землю и отыскивали сердечную железу. Извлекая из жертвы всю кровь, они, согласно обычаю, смазывали ею лица и быстро развёртывали паруса кораблей..." "Послал всемогущий Бог толпы свирепых язычников, – говорит английская летопись, – датчан, норвежцев, готов и шведов. Они опустошали грешную Англию от одного берега до другого, убивали народ и скот, не щадили ни женщин, ни детей". "Викинги не щадят никого, пока не дадут слова щадить. Один из них часто обращает в бегство десятерых и даже больше. Бедность внушает им смелость, скитания делают невозможной правильную борьбу с ними, отчаяние делает их непобедимыми". Летописцы с ужасом рассказывали о воинах-берсерках, которые бросались в бой полуголыми – они пили сок мухомора и впадали в приступы ярости; если поблизости не было врагов, то они кидались на деревья и скалы.

К концу IX века всё, что сумели отстроить во времена Карла Великого – церкви, монастыри, деревни – всё обратилось в пепел. Жестокие "люди с севера", "норманны", убивали монахов и приносили в жертву своим богам тысячи пленников. "Воды рек окрашены кровью жертв и покрыты разлагающимися трупами, – писал галльский епископ. – Кости пленников норманнских гниют без погребения на островах Сены, берега, некогда прекрасные, совершенно опустошены огнём и мечом". Захватив лошадей, норманны создали конные отряды, которые рыскали по Галлии во всех направлениях. Конница франков не могла справиться с этим неуловимым противником; каждый граф старался защитить свои владения, строил деревянные крепости-бурги и сражался сам по себе. Граф Эд сумел отстоять Париж, но все земли на северном побережье оказались в руках норманнов. После

смерти короля Карла Толстого (885-88) не нашлось достойного наследника, и графы стали провозглашать себя королями – или просто переставали подчиняться кому бы то ни было. Каждый владетель, имевший бревенчатый бург и отряд всадников, стал "сеньором" своей округи, господином над жизнью и смертью окрестных крестьян. Сеньоры воевали между собой и с норманнами, а потом и норманны стали возводить бурги и, превратившись в сеньоров, стали неотличимы от франков. Обосновавшись на северном побережье, в Нормандии, они совершали отсюда походы в глубь Галлии, в Британию и даже на юг Италии.

В Британии норманны облюбовали для поселения северо-восточную часть острова – этот район впоследствии стали называть "Областью датского права", "Данелаг", или по-английски, "Денло". Наступая в глубь страны, они убили двух вождей англо-саксов, Альфреда, в леса и болота юго-запада. Альфреду (871-900) всё же удалось собрать силы; по примеру франков он создал конное войско и тридцать лет упорно сражался с врагами. За своё мужество и недюжинный ум Альфред получил прозвище Великого; он пытался вернуть жизнь в свою разоренную страну, строил бурги и монастыри, приглашал учёных монахов и даже создал при дворе школу. Он и сам находил время для учения и в промежутках между сражениями, опершись на круп своего коня, разбирали латинские грамоты; он выучил латынь, а затем перевёл на родной язык несколько уцелевших в монастырях сочинений. После смерти Альфреда его преемники ещё сто лет сопротивлялись норманнам, пока в 1016 году Британией не овладел датский король Канут; остров был разорён войнами, а уцелевшие англосаксы были обложены тяжёлой данью.

Британия и Галлия приняли на себя основной удар нашествия – но отдельные флотилии викингов прорывались далеко на юг, запад, восток. Норманны разграбили Лиссабон и Севилью, знаменитый викинг Гастингс разорял Италию. Позже, в XI веке, итальянский юг был завоёван отрядами рыцарей из Нормандии; норманны создали здесь сильное королевство и не раз вторгались через пролив на Балканы, угрожая Константинополю. Флотилии кораблей с головой дракона рыскали по северной Атлантике, викинги захватили Ирландию и основали поселения в Исландии и Гренландии. Около 1000 года один из гренландских поселенцев, Лейф Счастливый, заплыл на своём корабле далеко на юг и достиг покрытой лесами тёплой страны, где рос виноград и в прозрачных ручьях водились лососи. Лейф назвал этот край Винландом, "Страной винограда" – это был остров Ньюфаундленд у побережья Америки. Норманнам не удалось закрепиться в Америке – путь туда был слишком далёк и труден; в памяти северян остались лишь легенды, передаваемые из уст в уста и повествующие о плаваниях в неведомые земли.

Шумели весла,
железо звенело,
гремели шиты -
викинги плыли.
Мчалась стремительно
стая ладей,
несла дружину
в открытое море.

ИМПЕРАТОР ОТТОН

*Теперь настало время показать
мужество и любовь к отечеству...*

Оттон I.

В покрытой дымом пожаров Европе была лишь одна христианская страна, устоявшая

перед вторым германским нашествием. Вероятно, это произошло потому, что в этой стране уже жили германцы – и, ворвавшись в неё, норманны встретились с людьми, столь же яростными в сражениях. В 891 году захватившие низовья Рейна полчища викингов были разбиты германским королём Арнульфом и в панике бежали за море.

После многочисленных переделов наследия Карла Великого, его праправнуку Арнульфу достались области к востоку от Рейна, земли когда-то покорённых императором германских племён – саксов, швабов, тюрингов, баваров. Это была страна лесов, среди которых кое-где располагались поля, деревни и основанные Карлом монастыри. Германцы по-прежнему не разлучались с оружием, хранили свою варварскую свободу и иногда на племенных сходках выбирали своих вождей-герцогов. Герцоги часто воевали между собой, но в годы мира вместе с племенной знатью собирались на съезды, где избирали королей – Арнульф был как раз таким выборным королём, предводителем общегерманского ополчения. Собрав все силы, ему удалось отразить норманнов – но вскоре на востоке появилась новая, ещё более страшная опасность: венгры. После взрыва, произошедшего в IV веке, Великая Степь продолжала извергать из своего чрева всё новые и новые племена; вслед за гуннами пришли авары, потом болгары, и вот теперь через карпатские перевалы на запад хлынула новая орда. Сотни тысяч одетых в шкуры диких всадников непрерывным потоком вливались на равнины Паннонии, местные жители приняли их за демонов и в ужасе бежали на север, в 896 году венгры раскинули свои шатры на берегах Дуная. Орда не была приучена к мирной жизни: обосновавшись на Дунае, она принялась совершать набеги на окрестные страны. Каждый год десятки тысяч всадников, опустошая всё вокруг, прорывались через Германию, переправлялись через Рейн и грабили Галлию; они переходили Альпы и Пиренеи, разоряя всё, что ещё осталось после норманнов.

Германский король Генрих I (919-936) предпринимал отчаянные усилия, чтобы остановить этот потоп. Десятки тысяч мобилизованных крестьян строили деревянные укрепления-бурги, "работа по строительству этих бургов шла непрерывно дни и ночи напролёт", – рассказывает хронист. По образцу франков спешно создавалось рыцарское войско из вассалов, которые получали бенефиции. Военная опасность вынудила германцев сплотиться; сын Генриха Оттон I (936-973) сумел подчинить племенных герцогов и собрать все силы для решающей битвы. В июне 955 года на поле у реки Лех сокрушительная атака рыцарской конницы смяла и обратила в бегство огромную венгерскую орду.

По легенде, король Оттон сражался в этой битве священным копьём, наконечником которого служил гвоздь с креста, на котором некогда распяли Иисуса. Оттон был истовым воином Христа – таким же, как Карл Великий – он всю жизнь провёл в битвах с язычниками, сначала с венграми, а потом со славянами. Он покорил славян, живших на Эльбе и Одере, и побудил принять христианство заодерское племя "полян" – то есть поляков. Польский князь Мешко и чешский князь Болеслав стали вассалами Оттона и платили ему дань. Возвращаясь из походов, Оттон, как и Карл, пытался наладить управление, основанное на заповедях Христа; он отнял у герцогов и передал епископам многие области, вместе с ними решал дела на соборах, и, чтобы понимать Библию, уже в почтенном возрасте старательно учился читать. Оттон призвал монахов из Италии и восстановил карлову "Академию" – придворную школу, занятия которой проходили в аахенской дворцовой церкви, "капелле"; воспитанники придворной капеллы назначались епископами и аббатами – и потом верно служили королю и богу. В 962 году по призыву римского папы Оттон вместе с войском перешёл альпийские перевалы и спустился в охваченную смутами Италию; он установил в Италии свою власть и принял от папы императорскую корону Карла Великого. История повторялась, как и полтора века назад, папа и император, обнявшись, стояли под куполом собора Святого Петра, и народ кричал: "Оттон августейший, коронованный богом, великий миролюбивый император, жизнь и победа!"

КАНОССА

*Генриха-короля, который в неслыханной
гордыне восстал против церкви твоей...
я предаю анафеме!*

Григорий VII.

Что есть Империя?

Вскоре после того, как папа Иоанн короновал Оттона в соборе Святого Петра, патриарх Полиевкт в Святой Софии возложил корону на императора Никифора. В христианском мире снова были два императора, два святых отца и две Римские империи – но как непохожи были эти империи. Там, на востоке, был Константинополь, огромный город из мрамора и камня, шумные улицы и рынки, гавань, заполненная кораблями, а вокруг – ухоженные поля, мощёные дороги и многолюдные села – благоустроенный мир, где царствовали образованность, закон и порядок. И был другой мир – заросшие кустарником развалины Рима, маленькие деревеньки среди лесов, бревенчатые бурги с развевающимися над ними знамёнами герцогов и графов, – мир, в котором меч в руке рыцаря означал закон, а терпение крестьянина означало порядок. Это был всё тот же варварский мир, и, хотя Оттону очень хотелось называть его Римской империей, красивые слова не могли изменить реальности.

Правда, Оттону удалось не допустить анархии, подобной той, которая царила в соседней Галлии – там каждый владелец бурга именовал себя Божьей Милостью Графом и обращал окрестных поселян в рабов. Оттону и его наследникам долгое время удавалось удержать в подчинении своих вассалов, и сеньоры не могли творить произвол над крестьянами. Конечно, герцоги и графы поднимали мятежи, и половина жизни императоров проходила в войнах с мятежниками. В конце концов, вассалы добились права передавать свои владения по наследству, а императоры в ответ на это перестали раздавать лены. Теперь они предпочитали выделять своим верным людям, рабам или вольноотпущенникам, небольшие поместья в 3-5 крестьянских дворов, и эти поместья могли быть когда угодно отняты. Таких воинов-рабов на Востоке называли гулямами, а в Германии -министериалами; министериалы стали верной опорой императоров.

Другой опорой императоров была церковь. Когда-то в римские времена возглавлявшие общину верующих епископы свободно выбирались священниками и народом – но позднее право назначать епископов перешло к императорам, а они предпочитали давать епископства воспитанникам своей придворной капеллы. Церемония вручения императором знаков епископского достоинства, посоха и кольца, называлась инвеститурой: кольцо означало власть духовную, а посох – власть светскую, право управлять епископством в качестве императорского наместника. В XI веке большая часть Германии и Италии управлялась не графами и герцогами, а епископами, и они верно служили императору, присылая ему деньги и военные отряды – а иногда и сами шли в бой во главе своих воинов. Участие святых отцов в рыцарских схватках не считалось грехом во времена, когда церковь переживала упадок, строгие правила римских времён были забыты, священники имели семьи, церковные должности продавались, а экономы и дьяконы без зазрения совести торговали в храме. Лишь немногие монастыри ещё придерживались старинного устава святого Бенедикта, согласно которому монахи должны были жить скромно, не есть мяса, усердно молиться и трудиться в полях. Одной из таких обителей был монастырь Клуни в западной Галлии; здешние монахи вели строгую жизнь, не забывали заповедей господних, помогали бедным странникам и лечили больных. Они пользовались большим уважением, и папы не раз посылали их в другие монастыри, чтобы наставлять монахов, сбившихся с пути истинного; если же нерадивые монахи не желали слушать наставлений, то император, случалось, присылал в поддержку святым отцам своих солдат.

Одним из знаменитых своим подвижничеством клунийских монахов был брат Гильдебранд, крестьянский сын, отрёкшийся ради службы богу от отца и матери. Гильдебранд яростно выступал против женатых священников, продажи должностей и считал, что всё зло происходит от того, что епископов назначает император, а не папа. Благодаря настояниям Гильдебранда один из церковных соборов постановил, что папы

отныне будут избираться коллегией виднейших епископов, "кардиналов". В конце концов, Гильдебранд под именем Григория VII занял папский престол – и сразу же потребовал от императора отказаться от своего права назначения епископов, "инвеституры". Император Генрих IV отказал: это лишило бы его главной опоры – тогда римский папа при огромном стечении народа проклял Генриха и отлучил его от церкви. "Генриха-короля, который восстал в неслыханной гордыне против церкви твоей, – провозгласил папа, простерев руки к небу, – лишаю правления всем королевством тевтонским и Италией и предаю анафеме!"

Людям, слышавшим эти слова, казалось, что произошло землетрясение, Германия и Италия были повергнуты в ужас; многие думали, что наступает конец света. Германские графы и герцоги, и раньше поднимавшие мятежи, потребовали у Генриха снять корону и просить милости у папы. Суровой зимой 1077 года Генрих с женой, ребёнком и немногими верными людьми отправился через Альпы в Италию. Перевалы были покрыты глубоким снегом, приходилось спускаться людей вниз на верёвках, многие срывались и гибли. 25 января Генрих, босой и одетый в грубую холстину, появился перед воротами замка Каносса, где в это время находился папа. Его не впустили; три дня он стоял на снегу и, обливаясь слезами, молил о прощении. Съехавшиеся в Каноссу князья и епископы Европы молча смотрели со стен на неслыханное унижение императора. На четвёртый день ворота открылись и Генрих, с трудом переступая обмороженными ногами, подошёл и пал ниц перед престолом папы. Кто-то из присутствующих торжествующе улыбался, но многие плакали – они понимали, что позор Каноссы – это КОНЕЦ ИМПЕРИИ.

Конечно, жизнь продолжалась и после Каноссы. Папа милостиво простил Генриха, но германские герцоги и графы отвергли опозоренного короля и выбрали нового. Началась междоусобная война, которая продолжалась сорок лет. В 1084 году Генрих отомстил папе, овладел Римом и заставил Григория VII бежать из города; вскоре папа скончался. В 1106 году умер Генрих IV; так как он был вновь предан анафеме, то его тело пять лет лежало без погребения. В 1122 году в Вормсе был заключён мир; император отказался от своего права назначать епископов, которые стали самостоятельными владетелями. Герцоги и графы тоже стали почти независимыми, вместе с епископами они собирались на сеймы, выбирали и свергали императоров, которые отныне почти что ничем не правили – от Империи осталось одно лишь имя. Так же, как во Франции, в Германии воцарилась анархия; местные владетели строили замки и воевали между собой. Попытки Карла и Оттона возродить Римскую Империю окончились неудачей; новые императоры не смогли организовать управление и удержать в покорности церковь. У них не было умелых чиновников, и их подданные не хотели им подчиняться: варвары понимали лишь право сильного. Должны были пройти столетия, прежде чем земледельческий труд приучит их к терпению; затем должно было наступить Сжатие, должны были появиться города и та культура, которая делает возможной организацию управления, проведение переписей и сбор налогов. В конце концов, Сжатие должно было породить революцию и новую Империю – но это было делом будущего, а в XI веке произошло лишь то, что должно было произойти: разрушение остатков римской государственности и победа варварского порядка.

ВАРВАРСКИЙ ПОРЯДОК

*"Мы – люди, созданные по подобию Бога,
а нами помыкают, как скотиной!"*

Хроника Фруассара.

В о все времена, когда варвары вторгались в земледельческую страну, одержав победу

над её царями, они делили земли между собой. Племенной вождь протягивал дружиннику или главе рода пучок соломы и даровал ему земли, деревни и реки; новый властелин со своим отрядом отправлялся в свои владения – и начиналось то, что позднейшие историки называли «установлением феодальных отношений». Отряд варваров занимал удобный холм и строил бург – маленькую крепость из земли и дерева, а потом приступал к покорению местного населения. Варвары убивали, грабили, насиловали и уводили к себе женщин. Пленников обращали в рабов, а остальных заставляли платить дань и обрабатывать поля господ. Одни и те же события повторялись в истории много раз, в Спарте, в Риме, в Парфии, на Руси. Бывало и так, что цари, сражаясь с варварами, давали своим воинам право на сбор налогов с крестьян, а потом, в обстановке войны и анархии солдаты начинали вести себя как варвары: требовали всё больше и больше, и до смерти секли плетью тех, кто не соглашался платить. Крестьянину было всё равно, кто его грабит и уводит его дочерей – «свои» или «чужие»; кто бы ни жил в замке на холме, порядок был один и тот же – тот самый древний «арийский порядок», который устанавливали завоеватели-арийцы и который учёные именуют «феодализмом». «Феодом» в XI веке называлось рыцарское владение, которое раньше называли «бенефицием» и которое теперь, в период анархии, стало наследственным и почти неограниченным.

Итак, рыцарь с отрядом вооружённых слуг, наёмников или министералов, утверждался в деревянном замке на холме. Поначалу он собирал положенные налоги, а затем начинал требовать всё больше, подкрепляя своё право избиением крестьян. "Их преследуют пожарами, грабежом и войной, – писал современник, – их бросают в темницу и накладывают на них оковы, а потом заставляют платить выкуп или же морят голодом и подвергают всевозможным пыткам..." Доведённых до отчаяния поселян заставляли подписывать кабальные грамоты: "Всем ведомо, что крайняя бедность и тяжкие заботы меня постигли и совсем не имею, чем жить и одеваться... Поэтому прошу совершить и утвердить закабаление моей свободной личности..." "Не по неволе, не по принуждению, не по обману – по вольной моей воле надел я себе ремень на шею..." Одни из крестьян становились рабами-"сервами", другие данниками-"вилланами"; вилланы отдавали "сеньору" часть урожая, а сервы обрабатывали его поля. Крестьяне по-прежнему жили в своих деревнях и возделывали свои наделы – но земля, пастбища и леса теперь считались собственностью сеньора. Всё, что осталось у крестьян – это их бревенчатые, крытые соломой хижины, где оконце затягивалось бычьим пузырьком, а дым выходил в дыру в крыше – так что, когда топился очаг, приходилось дышать дымом, стены внутри были покрыты сажей, и сами крестьяне были "черны лицом". Одежду крестьянина составляло старое тряпье и шкуры зверей, а пищу – жидкая каша, часто без соли, потому что её привозили издалека, и она стоила дорого. Хлеб тоже был редкостью – господин заставлял молоть муку только на своей мельнице, и за это приходилось платить.

Густые леса по-прежнему со всех сторон окружали поля и деревни – но сеньор не разрешал делать вырубку и расширять пашню: ведь лес был любимым местом его охоты. Крестьянин, убивший оленя или срубивший дерево, карался смертью – поэтому крестьяне не могли прокормиться на своих наделах, время от времени делившихся между сыновьями. Они были обречены на голод – и XI век наполнен описаниями постоянно повторяющихся голодовок: "Люди дошли до того, что вырывали друг у друга падаль и прочие отвратительные отбросы, – писал хронист о голоде 1033 года. – Некоторые, спасаясь от смерти, ели лесные коренья и водоросли – всё напрасно!" Даже в урожайные годы единственной мечтой крестьян было сытно поесть; они рассказывали друг другу легенды о святых, кормивших толпы людей семью хлебами, и о сказочной стране Коккань, где "молочные реки текут в кисельных берегах".

Крестьянам было запрещено иметь оружие, и они были беспомощны перед всадниками в железных доспехах. Но иногда отчаяние толкало их на восстания, они собирались с косами и серпами и подступали к замку; из замка выезжал отряд рыцарей – и начиналась расправа с бунтовщиками. Вот как описывает средневековый роман расправу, которую чинил граф нормандский Рауль:

Он обошёлся с крестьянами грубо,
Выбил глаза, не оставил и зубы,
Многих вилланов он на кол сажал,
Жилы тянул, кости рук отсекал.
Прочие были живьём сожжены,
Иль раскалённым свинцом крещены...

Уцелевшие бежали в леса и скрывались там, иногда нападая на одиноких всадников. Подобно Робин Гуду, они вели жизнь разбойников – господам приходилось опасаться этих лесных молодцов с тугими луками. Вся рыцарская литература наполнена ненавистью и отвращением к крестьянам – особенно к тем, которые внезапно выходят из леса: "Из леса появился молодой крестьянин, – повествует рыцарский роман. – Он зарос длинной щетиной чернее угля, у него были толстые щёки и огромный приплюснутый нос, большие широкие ноздри и уродливые жёлтые зубы". А вот как выглядел (в собственных глазах) благородный рыцарь:

Корпус его крепок, пропорции великолепны.
Широкие плечи и грудь; он был прекрасно сложен:
Могучие руки с огромными кулаками
И грациозная шея.

На боку у прекрасного рыцаря висело то, что делало его прекрасным и благородным – длинный железный меч, его главное сокровище, которое он нежно называл по имени и иногда поклонялся ему как богу. Жизнь благородного рыцаря была совсем непохожа на жизнь крестьянина: с весёлой компанией друзей он проводил время на охоте, мчался через чашу, загоняя вепрей и оленей – а потом пировал в своём замке: на стол подавались дичь и зажаренные на вертеле поросята, рекой лилось вино и бродячие певцы исполняли рыцарские баллады. Бревенчатые стены пиршественной залы были завешаны домоткаными коврами с изображением битв, мебель была простой и грубой, а на полу собаки глодали кости – время роскоши и изыска ещё не пришло, так же как и время образованности и набожности. Рыцари были неграмотны; они считали, что учиться – значит "повредить душу"; они не знали молитв и не уважали монахов. Они с удовольствием обирали купцов на дорогах и грабили чужие сёла – а потом воевали с соседними сеньорами, жгли их поля и деревни, опустошали округу. Это был их образ жизни, война и грабёж: ведь у каждого рыцаря было несколько сыновей, старший из них наследовал поместье, а остальным приходилось добывать богатство копьём и мечом.

Священники приходили в отчаяние от этого разбоя, от постоянных частных войн; они предоставляли в церквях убежище всем гонимым и вместе с крестьянами воздвигали на перекрестках дорог большие деревянные кресты – рыцари не должны были трогать тех, кто, спасаясь от погони, прильнул к кресту. В начале XI века епископы предложили франкскому королю Роберту обязать сеньоров клятвой на священном писании: "Я не стану отнимать у поселян ни быка, ни коровы, – должны были обещать рыцари, – я не буду хватать ни крестьянина, ни крестьянки, ни купца; я не буду отбирать у них деньги и заставлять их платить выкуп... Я не буду подвергать их ударам, чтобы отнять у них средства к существованию..." Срок действия этой клятвы распространялся на время сева – и только; церковь не осмеливалась требовать большего. Она много раз пыталась установить "Божий мир", запрет на войны и грабежи хотя бы с вечера пятницы до утра понедельника – но безуспешно. Весной 1095 года, когда церковный собор в Пьяченце снова обсуждал вопрос о "Божьем мире", из Константинополя прибыли послы от императора Алексея – они просили помощи против подступавших к городу тюрок. Папа Урбан II ухватился за эту мысль: провозгласить крестовый поход против тюрок, за освобождение Святой Земли,

Иерусалима, – и, отправив туда всех рыцарей-разбойников, установить "Божий мир". Осенью папа созвал новый собор в центре раздираемой войнами Галлии, в Клермоне; он пригласил туда не только священников, но и рыцарей всей Европы. На широкой равнине под Клермоном он обратился к огромной толпе с речью:

– Земля эта, которую вы населяете, – говорил папа, – сдавлена отовсюду горами и морем, она стеснена вашей многочисленностью и едва прокармливает тех, кто её обрабатывает. Отсюда проистекает то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведёте войны и наносите друг другу множество ран. Пусть же прекратится между вами ненависть, пусть смолкнет вражда и утихнут войны...

– Пусть выступят против неверных те, кто злонамеренно привык вести войну против единоверцев... Да станут отныне воинами Христа те, кто раньше были грабителями!

И людское море, стоявшее на равнине, всколыхнулось и исторгло единый крик:

– Так хочет бог! Так хочет бог!

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

*Мечи обнажив, рыскают франки по городу,
Они никого не щадят, даже тех, кто
молит пощады...*

Хроника Фульхерия Шартрского.

Римский папа поручил всем монахам и священникам проповедовать крестовый поход для освобождения Гроба Господня в Иерусалиме. Епископы уговаривали благородных рыцарей, а монахи шли в деревни и обращались к простому народу; самым красноречивым из этих монахов был Пётр Пустынный, ходивший босиком, в грубой мешковине, надетой на голое тело; он увлекал за собой толпы людей. Монахи обещали крестоносцам отпущение грехов и вечное блаженство на небе – и люди тут же нашивали на свою одежду кресты, продавали имение и собирались в поход. В то время, когда рыцари ещё готовились в путь, толпы крестьян двинулись через Германию на юго-восток, с ними шли женщины, не захотевшие оставлять своих мужей, и старики, мечтавшие лишь о том, чтобы умереть в Святой Земле. У них не было проводников, и летописцы говорят, что тысячи людей шли за козой, на которую, как они верили, снизошёл Святой Дух, – подходя к каждому городу, они спрашивали, не Иерусалим ли это. Взятые в дорогу припасы скоро кончились, и крестьяне просили милостыню, а потом стали грабить тех, кто отказывался давать им хлеб или деньги. Они особенно нападали на евреев, богатых торговцев и ростовщиков, обитавших в городах на Рейне. «Вот мы идём отомстить магометанам, – говорили крестьяне, – а тут перед нами евреи, которые распяли нашего Спасителя; отомстим же прежде им!»

Страдая от голода и столкновений с местными жителями, толпы крестоносцев-крестьян прошли через Венгрию и Болгарию и достигли Константинополя. Император Алексей знал о силе тюрок и понимал, какая судьба ожидает крестьян; он советовал Петру Пустыннику подождать с переправой в Азию – но охваченные энтузиазмом крестоносцы не послушали старого полководца. Сотысячная толпа переправилась через пролив и вскоре встретилась с непобедимой конницей завоевателей Азии. Исход битвы был ужасен: по свидетельству современника, после боя турки сложили на берегу высокую гору из трупов с крестами на одежде. Так закончился крестовый поход бедноты.

Летом 1096 года вслед за крестьянами в путь собрались рыцари. В Европе ещё не видели такого огромного ополчения: вместе с пехотинцами, слугами и обозными его численность оценивалась в полмиллиона. Никакая страна не могла прокормить такую армию, поэтому крестоносцы двигались разными дорогами, чтобы собраться под Константинополем. Отдельные колонны ополчения возглавляли герцог лотарингский Готфрид, герцог Нормандский Роберт, граф Тулузский Раймунд и герцог Тарентский Боэмунд; основную силу крестоносного рыцарства составляли франки и норманны.

В декабре 1096 года крестоносцы подошли к Константинополю. "Их больше, чем песка

на берегу и звезд на небе", – сказала принцесса Анна императору Алексею, глядя со стен города на безбрежный людской поток. Крестоносцы изумлённо взирали на огромные бастионы и вознёсшиеся к небу позолоченные купола церквей – как непохож был этот удивительный мир на их бревенчатые замки, леса и деревни. Алексей ввёл крестоносных вождей в Святую Софию, и, поражённые величием и богатством Империи, они принесли ему присягу вассальной верности. Впрочем, император понимал, как мало значит верность этих необузданных варваров; между его солдатами и крестоносцами не раз происходили кровавые столкновения, и огромный город вздохнул с облегчением, когда варвары, наконец, переправились в Азию.

Теперь начались будни войны. Первое, что должны были увидеть крестоносцы на другом берегу пролива, – это гора скелетов, оставшихся от их предшественников. Тюрки были бесстрашными воинами; их не пугали ярость норманнов и таранные удары рыцарской конницы – жизнь приучила их к походам и битвам. Правда, та непобедимая орда, которая завоевала Ближний Восток, к тому времени распалась, и крестоносцам противостояли отдельные султаны и эмиры. В июне 1096 года крестоносцы овладели Никеей – самым большим городом Малой Азии, и вскоре на Дорилейской равнине встретились с войском султана Солимана. "Произошло ужасное сражение, – свидетельствует летописец, – обе стороны, кинувшиеся друг на друга, бились бесстрашно и безжалостно, как дикие звери". Крестоносцы одержали победу и проложили себе дорогу через Малую Азию; начался трёхмесячный путь по степям и пустыням под палящим летним солнцем. Степи и пустыни не могли прокормить огромное воинство, вскоре начался страшный голод; говорят, что воины Христа ели человечину; их путь был устлан телами умерших.

В октябре крестоносцы подошли к Антиохии, но город был хорошо укреплён и осада затянулась на девять месяцев. Всё это время ряды осаждавших косили голод и эпидемии, армия таяла на глазах, и к исходу этой страшной зимы уцелела лишь небольшая часть того грозного воинства, которое год назад переправилось через пролив. Те, кто выжил, едва держались на ногах и уже утратили надежду на спасение – они были одни в глубине враждебной страны, а тюрки собрали огромное войско и шли к Антиохии. Крестоносцев спасла измена в рядах защитников города, один армянин по сговору открыл им ворота и рыцари ворвались в Антиохию. "Воины Христа перебили всех жителей, включая детей и женщин. Все площади были забиты трупами", – говорит летописец. Ещё никогда в руки рыцарей не попадала такая богатая добыча – но делить её было некогда: на следующий день под стены города подступили полчища тюрок, возглавляемых эмиром Кербогой. Крестоносцы вышли из города и дали бой, но потерпели поражение и укрылись за крепостными стенами. Их по-прежнему преследовали голод и болезни; многие воины отказывались подчиняться вождям; захватив городские дома, они отсиживались в них, охраняя свою добычу. Бозмунд Тарентский приказал поджечь эти дома, огонь распространился во все стороны, и сгорела значительная часть города. В это время, когда в рядах крестоносцев господствовало уныние, один простой человек по имени Пётр увидел во сне святого, рассказавшего ему о том, что в одной из антиохийских церквей под полом спрятана христианская святыня – копьё, которым некогда один из легионеров ранил висевшего на кресте Иисуса. Крестоносцы взломали пол в указанном Петром месте и нашли Священное Копьё; по городу разнёсся торжествующий клич, и тотчас все стали одевать доспехи и садиться на коней, чтобы идти в бой. С криком: "С нами бог!" крестоносцы обрушились на войско Кербоги, опрокинули его и обратили тюрок в паническое бегство.

Отразив тюрок, захватив продовольствие и богатую добычу, воины Христа четыре месяца отдыхали в Антиохии. Среди их вождей не было согласия, они спорили о том, кому достанется город, а их воины дрались на улицах из-за добычи. В конце концов, войско двинулось вдоль побережья на юг, подвергая разгрому прибрежные города и безжалостно истребляя жителей, – мусульманские летописцы с ужасом описывали это варварское нашествие. Убивая и грабя мусульман, крестоносцы сами умирали от голода, и их путь был усыпан трупами. Наконец, в июне 1099 года войско подошло к Иерусалиму, от огромной

армии к этому времени осталось лишь 20 тысяч солдат. Из последних сил они соорудили осадные башни и придвинули их к стенам города. 15 июля 1099 года крестоносцы ворвались в Иерусалим.

...Едва они в город проникли, всюду рассеялись,
Кинулись в дома, на крыши, в сады, огороды – везде
Убивают, грабят и опустошают
Душит старцев один, другой отбирает младенцев,
Многих заботит одно: вырывать из ушей украшения...

"Никогда и никто не слышал и не видел такого истребления язычников, – говорит летопись. – Чтобы сжечь трупы, было приказано сложить костры, подобные пирамидам, и никто не ведаёт их числа, кроме одного бога". На закате солнца воины, отягощённые добычей и не успевшие смыть кровь с доспехов, собрались перед церковью Гроба Господня и запели хвалебный гимн богу. Они стояли на коленях, простерев руки к небу, их лица были в слезах и они самозабвенно благодарили Господа за дарованную победу. "Сама душа их несла глас восхваления богу, победившему и торжествующему, глас, который не выразить словами, – свидетельствует очевидец. – День этот прославлен навсегда, ибо это день погибели язычества и утверждения христианства..."

Глава IV Возрождение Европы

*Мы обручаемся с тобою, море,
в знак нашей истинной и вечной власти!*
Клятва венецианского дожа.

ВЕНЕЦИЯ

Когда-то, семь веков назад, окружающие Адриатику горы были покрыты зелёной шапкой лесов – и лишь кое-где сквозь буйную зелень проглядывали белые известняковые скалы. Караваны длинных приземистых галер шли мимо скал на север; равномерно ударял барабан, задавая темп гребцам, ритмично взлетали вёсла, и сгибались обожжённые солнцем спины. Группа людей в бархатных плащах и украшенных перьями беретях стояла на носу корабля, напряжённо вглядываясь вдаль. Вот один из них поднял руку: «Смотрите!» Там, у горизонта, прямо из воды вдруг выступили остроконечные шпили и купола – это выглядело, как будто со дна моря всплывает город. Он приближался, удивительный город на воде: огромные башни и великолепные храмы, и разукрашенные фасады домов – волшебный город посреди моря. Галеры вплывают на главную улицу – ещё утро и ставни окон закрыты, ступеньки от дверей спускаются в воду; огромный собор вдруг возникает из-за поворота канала, его купола сияют на солнце, и рыцари на носу галеры в восхищении снимают береты с перьями.

– Viva, Venecia!

* * *

Венеция была построена на воде – потому что она была городом беглецов. Когда-то, во времена падения Рима, уцелевшие жители прибрежных городов бежали от меча варваров на расположенный посреди лагуны островок Риальто. Там, на острове, были лишь заросшие тростником болота и песчаные пляжи, и, чтобы прокормиться, беглецы выпаривали из

морской воды соль. На своих рыбацких лодках они ездили вдоль берегов Адриатики и меняли соль на хлеб. Постепенно на острове вырос посёлок – сотня деревянных домов на сваях и маленькая церковь, где священник крестил детей. Константинопольские власти прислали сюда правителя, который громко назывался герцогом, "дукой" – островитяне произносили это слово как "дож". Потом императоры бросили далёкий остров на произвол судьбы, и дож стал выбираться на сходке местных жителей. Время шло, торговля солью давала неплохие доходы, и разбогатевшие купцы стали строить морские корабли, плавать в Константинополь и закупать товары цивилизованного Востока – шёлк, стекло, пряности. На адриатическом берегу тюки с заморским товаром навьючивали на лошадей, и караваны уходили на север, через суровые альпийские перевалы – в Германию и Галлию. Знатные варвары из северных стран любили наряжать в шелка своих жён и любовниц – и купцы богатели; вскоре они стали отправлять на восток целые флотилии кораблей. Чтобы охранять эти флотилии, островитяне создали военный флот: они воскресили забытые римские образцы и стали строить галеры времён Августа; на этих быстроходных судах было по 150 гребцов и 20-30 солдат. Потом купцы попробовали освоить производство шёлка и стекла на месте; они пригласили греческих мастеров и построили мастерские – рыбацкий посёлок постепенно превратился в город ремесленников и купцов.

Венеция была первым городом, возникшим у берегов покрытой лесами страны варваров. Как тысячи лет назад, мир снова пробуждался к культурной жизни, и на берегах морей появлялись маленькие города, жившие торговлей и ремеслом. Эти города возникали там, где не хватало пашен и пастбищ, и где перенаселение заставляло людей жить ремеслом и торговлей. Настоящая торговля в те времена была возможна только по морю – и поэтому торговые города возникали у моря, там, куда парусные суда могли доставить хлеб и товары из дальних стран. "У нас нет полей, у нас нет виноградников, – писали венецианцы римскому папе, – и всё необходимое мы должны привозить из отдалённых чужих стран".

История Венеции была похожа на историю Тира, Афин, Карфагена – это была история завоевания господства на море. Поначалу венецианцам приходилось сражаться с арабскими пиратами, затем – с норманнами, захватившими Южную Италию. В награду за победы над разорявшими Балканы италийскими норманнами император Алексей I даровал венецианским купцам право беспошлинной торговли, и они создали торговые фактории в городах Империи. Потом начались крестовые походы, и в 1100 году венецианский флот отплыл к берегам Леванта помогать крестоносцам. Крестоносцы осаждали арабские города с суши, а венецианцы – с моря; за свою помощь Венеция получала третью часть каждого захваченного города. В 1123 году у Аскалона произошла решающая морская битва между венецианцами и арабами: у венецианцев было около двухсот кораблей, в том числе большие, невиданные по тем временам галеры, на которых за каждым веслом сидело по два гребца. Арабский флот был разгромлен, и Венеция завоевала господство на море; отныне она стала "царицей морей". Стаи стремительных галер рыскали по Средиземному морю, захватывая корабли торговых соперников; по бортам стояли шеренги лучников, а на корме развевался вымпел с изображением льва – символ покровителя Венеции, святого Марка.

Наступило время процветания города на Риапьто. Сотни кораблей отправлялись каждый год на восток за шёлком, пряностями, льном; они везли для продажи строевой лес, оружие и купленных у венгров и немцев рабов. Население маленького острова достигло 50 тысяч, все болота были осушены с помощью прорытых каналов, и от лепившихся друг к другу домов не осталось свободного места. Двухэтажные каменные дома выходили одной стороной на канал; стены покоились на сваях, и казалось, что они поднимаются из воды; у дверей были привязаны лодки-"гондолы", служившие венецианцам вместо лошадей. Первый этаж дома обычно занимали кладовые и кухня, хозяева жили на втором этаже, открывавшемся в сторону канала лоджиями, увитыми цветами. Венецианцы любили зелень, но дворик с несколькими деревьями был для них символом неслыханной роскоши; у простых горожан дворов не было, и задняя сторона дома выходила на узенькую улочку, где только-только могли разминуться двое прохожих.

Богатство и бедность в то время не бросались в глаза в Венеции – в отличие от более поздней эпохи. В XII веке ещё не знали настоящей роскоши, а купцы умели считать деньги и экономить. Кое-что из прибылей доставалось и на долю простого народа, и он мог сносно существовать – во всяком случае, в Венеции не было восстаний, а отцы города даже строили дома для бедняков. Конечно, со временем деньги взяли своё, и в XIII веке городом управлял уже не дож и не народное собрание, а Большой Совет из богатейших купцов. В XIV веке купеческие роды были переписаны в "Золотой книге", обзавелись гербами, титулами, дворцами и превратились в высокомерное дворянство – но это была реальность уже другой эпохи.

Символом величия и могущества Венеции был огромный, возвышавшийся над городом собор Святого Марка. Это был первый из великих соборов, строительство которых возвестило о возрождении Европы – и символично, что он был построен приглашёнными из Константинополя греческими мастерами. В Европе в это время не умели строить больших каменных зданий, и лишь восточные мастера хранили древние секреты приготовления цемента и каменной кладки. Возрождавшаяся культура возвращалась в Европу вместе с посланцами сохранившей её восточной цивилизации: мозаики, иконы, алтарь – всё было сделано руками греков. Вся Венеция с её церквями, домами, ремёслами была порождением Востока; она была отделившимся городом Восточной Империи и её союзником, пользовавшимся торговыми привилегиями. Однако, со временем эти привилегии стали подрывать торговлю Константинополя, и место дружбы заступила вражда. В 1171 году по приказанию императора тысячи венецианских купцов были схвачены и брошены в тюрьмы, венецианский посол Энрике Дандоло был ослеплён в Константинополе. Через тридцать лет ставший дожем 80-летний слепой старик воспользовался случаем, чтобы отомстить: он уговорил участников четвёртого крестового похода повернуть на Константинополь. Конечно, рыцари были и сами не прочь разграбить богатейший город Востока – но они могли овладеть им лишь с помощью блокировавшего гавань венецианского флота. Тринадцатого апреля 1204 года франки взобрались на стены Константинополя по сотням мостиков, перекинутых с мачт венецианских кораблей; столица Востока была разграблена и сожжена варварами. Венеция получила свою долю: несколько уцелевших городов, право беспошлинной торговли и четырех бронзовых коней, которых гордые победители поставили над входом в собор Святого Марка. В Константинополе была создана большая венецианская колония, и купеческие корабли уходили отсюда к северным берегам Черного моря.

Венеция царствовала над морями и каждый год торжественно праздновала своё обручение с морем-океаном. В назначенный день в море выходила флотилия разукрашенных кораблей; дож стоял на палубе роскошной флагманской галеры "Буцентавр" – и вся знать Венеции в бархатных плащах и украшенных перьями беретках стояла на палубах своих галер. Гордо реяли знамёна Святого Марка и ритмично взлетали вёсла в руках гребцов. Потом "Буцентавр" останавливался, и на глазах тысяч людей правитель Венеции бросал в воду обручальное кольцо:

– Мы обручаемся с тобою, море, – под восторженные крики толпы провозглашал дож. – Мы обручаемся в знак нашей истинной и вечной власти над тобою!

РОЖДЕНИЕ КОММУНЫ

*Милан должен осушить ту чашу скорби,
которую он готовил для других.*

Фридрих Барбаросса.

Венеция была обручена с морем, и её жизнь была непохожа на жизнь других городов Италии – тех городов, которые стали появляться в XI веке. На материке продолжали бушевать войны, и города были в первую очередь крепостями, под защиту которых сбегалось окрестное население. Разорённые войной крестьяне под руководством епископа

строили крепость-бург и постепенно переселялись туда – хотя иной раз это было далеко от их полей. Мелкие рыцари, вальвассоры, владевшие только доспехами и несколькими полями, тоже перебирались в крепость и, объединившись с родичами, строили укрепленные дома-башни. Так появлялся маленький город с несколькими тысячами жителей, благородных рыцарей и свободных землепашцев – скорее даже не город, а укрепленный посёлок. Иногда новый город возникал на руинах древнего поселения, жители ремонтировали обвалившиеся стены и брали из развалин камень для своих домов – но чаще город возводили на новом месте: суеверные крестьяне боялись древних развалин. Вокруг города простирались принадлежавшие горожанам земли, а дальше располагались владения крупных сеньоров, «капитанов». Капитаны жили в замках, владели деревнями и не отпускали своих крестьян в города.

Власть в городе обычно принадлежала епископу, назначенному императором; епископы собирали подати и отдавали часть доходов в казну. В 1070-х годах папа Григорий VII начал яростную борьбу с императором за право инвеституры епископов; Генрих IV претерпел позор Каноссы, а назначенные им епископы были изгнаны. Города воспользовались развалом Империи и провозгласили себя коммунами – то есть самоуправляющимися общинами; горожане стали избирать своих консулов и не хотели больше слышать об императоре, податях и повинностях. Получив желанную свободу, коммуны включились в борьбу за место под солнцем – в ту самую борьбу, которая началась после падения имперского порядка. В обстановке всеобщей анархии города и сеньоры сражались друг с другом и между собой; городские ополчения штурмовали замки, придвигали к их стенам осадные башни и крушили стены таранами. В XII веке многие "капитаны" были вынуждены признать поражение, их замки были срыты, и они переселились в города, где построили себе укрепленные дворцы. Итальянские города тех времён представляли собой удивительное зрелище: море теснивших друг друга деревянных лачуг, а над ними топорщащиеся то здесь, то там башни грубой каменной кладки -обиталища рыцарских кланов. Рыцари не могли жить спокойно, им нужно было с кем-нибудь воевать, и они воевали между собой на улицах города точно так же, как и на равнине. Иногда они объединялись и шли на другой город, штурмовали высокие стены, грабили и убивали, а потом предавали всё огню. Войны городов были столь же ожесточёнными, как войны сеньоров, и крестьянам было не легче от того, что их грабят под знаменем "коммуны". Итальянская коммуна XII века была республикой рыцарей, и власть в ней принадлежала благородным рыцарям, "нобилям"; купцы и ремесленники должны были быть довольны, если им дозволялось спокойно жить в городе и если их не подвергали чрезмерным поборам. Что же касается крестьян из сельской округи, то они должны были работать на своего переселившегося в город сеньора и не помышлять о том, чтобы самим стать горожанами.

В XII веке войны коммун привели к выделению сильнейших, "знатных", городов, подчинивших себе мелкие коммуны и обширные сельские районы. На севере такими городами были Милан, Парма, Генуя, в Средней Италии – Флоренция, Болонья, Пиза. Но войны продолжались и побеждённые города обращались к императорам с жалобами на победителей, с просьбами восстановить справедливость и имперский порядок. Императоры были бессильны что-либо сделать; после позора Каноссы они утратили власть над германскими герцогами, и у них не было ни армии, ни денег. Герцоги выбирали императоров из своей среды и единственное, на что могли твёрдо рассчитывать эти выборные вожди – это на силы своего герцогства. В 1152 году престол "Священной Римской Империи" достался швабскому герцогу Фридриху Барбароссе, знаменитому рыцарю, всегда сражавшемуся в первых рядах, победителю всех турниров и покорителю дамских сердец. Барбаросса жил воспоминаниями об Оттоне Великом и славе былой Империи; он поклялся восстановить её во всей силе и первым делом объявил о всеобщем мире – о том, что его вассалы не имеют права сражаться между собой. В 1154 году он прибыл в Италию, выставил на Ронкальском поле свой щит и стал принимать жалобы от вассалов. Многие жаловались на Милан: миланцы жестоко обходились с соседями, разрушая до основания их города. Император

призвал на помощь германских князей и, через четыре года вернувшись с большой армией, осадил Милан; миланцы испугались и вскоре капитулировали; вслед за ними сдались и другие непокорные коммуны. Император назначил в города своих наместников, но, как только они приступили к сбору налогов, Милан снова восстал. Собрав войска, Фридрих в 1161 году снова перешёл Альпы и осадил непокорный город; к императорским войскам присоединились ополчения враждебных Милану соседних городов. Осада продолжалась полгода, в Милане свирепствовал голод; наконец, миланцы сдались и вышли из ворот в одежде кающихся, босые, с верёвками на шее, с головами, посыпанными пеплом, и с горящими свечами в руках. Фридрих Барбаросса помиловал сдавшихся, но приказал разрушить Милан и, в знак проклятия, провести по развалинам плужную борозду. "Милан должен осушить ту чашу скорби, которую он готовил для других", – сказал Барбаросса.

Однако торжество императора оказалось преждевременным и недолгим. Папа Александр III не мог допустить возрождения Империи, он отлучил Фридриха от церкви и призвал его подданных к мятежу. Города Италии вновь восстали и объединились в Ломбардскую лигу, соседи примирились с миланцами и помогли им восстановить городские стены. В Германии тоже начались смуты, и прошло много лет, прежде чем Барбаросса смог собрать небольшую армию и вернуться в Италию. В мае 1176 года он встретился с ломбардскими рыцарями при Леньяно – и был наголову разбит, потерял всё своё войско, и сам чудом выбрался из страшной сечи. Итальянские города отстаивали свою свободу. В следующем году императору пришлось пережить новую Каноссу: чтобы добиться снятия отлучения, он поцеловал ноги Александра III на паперти собора Святого Марка в Венеции. Было что-то символическое в том, что это произошло именно в Венеции: император, олицетворявший собой прошлое, мог видеть перед собой будущее. Сидя у ног папы, он видел перед собой многолюдный город, кварталы каменных домов, купеческие дворцы и корабли в порту. Мир деревень, рыцарей и замков уступал дорогу новому миру городов, торговли и ремёсел. В конце концов, это должно было произойти – должен был настать момент, когда демографическое давление достигнет невидимой грани и начнётся Сжатие. На глазах Барбароссы начиналась новая эпоха, эпоха, которая породит новую цивилизацию, новую революцию и новых самодержавных монархов. Но всё это должно было случиться через столетие – а пока императору оставалось поддерживать стремя лошади, на которой сидел папа, и с удивлением разглядывать этот новый мир.

COMUNE DEL POPOLO!

И народ добился всего, чего желал.
Хроника Пармы .

Закон истории всемогущи, как законы природы: вслед за зимой наступает весна и лето, вслед за веками варварства приходит возрождение и расцвет. Как бы ни сеяли варвары разрушение и смерть, всё равно природа берёт своё, и с течением веков население начинает расти; крестьяне принимают отвоёвывать пашню у девственных лесов и топких болот – но земли всё равно не хватает. Начинается Сжатие, появляются безземельные бедняки, готовые работать за кусок хлеба – и рабство становится ненужным; сеньоры позволяют сервам выкупать свои повинности и уходить на четыре стороны. Те, кто не нашёл работы в деревне, идут в города и становятся ремесленниками; города начинают быстро расти, дома становятся всё выше и всё теснее прижимаются друг к другу, а за пределами городских стен возникают ремесленные предместья. Ремесленники конкурируют между собой и, чтобы не допустить в свою среду новичков, организуются в цехи; члены цеха – это уважаемые мастера, они договариваются между собой о ценах, количестве и качестве товара, и о числе подмастерьев-учеников. Каждый цех имеет своего святого покровителя, свою церковь, где он собирается обсуждать дела, свои праздники, свою казну и своё знамя, под которым выступает цеховое ополчение.

В начале XIII века власть в городе принадлежала заносчивым рыцарям, "нобилям", для которых смысл жизни состоял в войне – между собой или с соседними городами. Нобили строили укрепленные дворцы с башнями и разъезжали по городу в пышных одеждах, соревнуясь друг с другом в роскоши и размерах вооруженной свиты. В городской округе они владели замками и поместьями с сотнями и тысячами крестьян, рабов-сервов и подневольных крестьян-колонов. Знатные кланы ненавидели друг друга и с незапамятных времён вели кровные счёты – как Монтекки и Капулетти в Вероне:

Две равно уважаемых семьи
В Вероне, где встречаются,
Ведут междоусобные бои
И не хотят унять кровопролитья...

В своей кровной вражде одни рыцарские кланы призывали на помощь императора, а другие – папу, и вся Италия делилась на два лагеря – сторонников императора и сторонников папы, "гибеллинов" и "гвельфов". Императором в то время был Фридрих II (1212-50), внук Барбароссы, унаследовавший от отца германские владения, а от матери – норманнское королевство в Южной Италии. Власть императора в Германии была призрачной, и Фридрих предпочитал жить на Сицилии, лишь недавно отвоёванной у арабов. Он подражал арабским халифам, окружил себя восточной роскошью, учёными и поэтами – и сам сочинял стихи; он знал пять языков, в том числе и арабский. По примеру своего деда Фридрих II пытался подчинить итальянские коммуны – но добился лишь того, что папа отлучил его от церкви и провозгласил против него крестовый поход. В конце концов, после смерти Фридриха Южная Италия была завоёвана крестоносцами, которых возглавлял брат французского короля Карл Анжуйский.

В середине XIII века в бесконечную войну гибеллинов и гвельфов внезапно вмешалась новая сила – окрепшие цеховые ополчения. Время шло, ремесленные предместья росли, и никто не мог обещать, что ремесленники будут и дальше терпеть поборы и произвол рыцарей. Рыцарские кланы сами вовлекали ремесленников в борьбу, и настал момент, когда они ощутили на себе силу цехов. Цеховые ополчения обычно выступали на стороне гвельфов и изгоняли гибеллинов – а затем забирали власть в свои руки. Надменные нобили с удивлением увидели с башен своих дворцов вышедший на площадь вооруженный народ: расшитые цеховые знамена, море копий и направленные на дворец катапульты. "Comune del popolo! – кричала толпа. – Коммуна народа!" В 1240 году "пополаны" победили в Милане; в 1250 – во Флоренции, а затем революция, как пожар, охватила всю Северную Италию.

Сюда! С дубьём и кольями! Лупи!
Долой Монтекки вместе с Капулетти!

Народ изгонял нобилей, разрушал их башни и освобождал крестьян в их поместьях; в конце концов, все крестьяне получили свободу – одни безвозмездно, другие – за выкуп. Поскольку бог создал людей свободными, говорилось в "Райском акте" болонской коммуны, то им следует вернуть утраченную свободу. "Поэтому знатное государство Болонья, помня о прошлом и предвидя будущее, во имя Спасителя нашего Господа Иисуса Христа, выкупает всех связанных рабским состоянием и объявляет их свободными!"

Восстания 1250-х годов были лишь первым ударом Революции, вслед за ними начались долгие гражданские войны. Города переходили из рук в руки, нобили то изгонялись из коммун, то снова овладевали ими, замки разрушались и восстанавливались. В конце концов, революция и война породили новых монархов – сначала их звали "капитанами народа", а потом просто "синьорами". Первым синьором Милана был благородный рыцарь и купец Мартино делла Торре, волею судьбы ставший вождём народа; он изгнал из города нобилей, разрушил множество замков, понизил цены на зерно и частично отменил долги. История

повторялась – как раньше борьба народа с аристократами породила "тиранию", так и теперь она породила "синьорию" – и даже названия почти не изменились: "нобили", "патриции", "пополаны" – всё это были слова, общие для разных эпох. События прежнего демографического цикла повторялись в новом цикле, коммуна – это был древний полис, и полисы сражались между собой за торговое преобладание; Генуя боролась с Венецией так же, как раньше Коринф с Афинами. В этой борьбе за жизнь рождалась не только торговля и морские навыки, но и культура, наука, искусство – всё то, что называют цивилизацией.

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

*И увидел я новое небо и новую землю, ибо
прежнее небо и прежняя земля миновали.*

Откровение Иоанна Богослова .

II порой трудно определить, что это было – рождение нового или возрождение старого, настолько новое и старое переплетались между собой. Искорки древних знаний издавна сохранялись в монастырях, где монахи переписывали старые книги и учили молодых послушников латинской грамоте, чтобы они могли читать святую Библию. В те времена латынь была единственным письменным языком и, чтобы научиться грамоте, нужно было научиться латыни: сначала выучить наизусть полсотни псалмов, а потом освоить азбуку. Кроме того, в монастырской школе учили церковному пению и немного – счёту, в этом и заключалось тогдашнее образование. Грамотный человек, само собой, считался монахом и мог стать священником или писцом у графа – если только вёл достойную монаха жизнь, то есть не вступал в брак. С давних времён учёные монахи пытались собрать в одну книгу всё, что осталось от древних знаний и составляли обширные манускрипты, повествующие о житиях святых, магических свойствах чисел и немного – о медицине или географии. В VII веке Исидор Севильский написал двадцать томов «Этимологии», а столетием позже Беда Достопочтенный составил обширную «Церковную историю Англии». Потом в капелле Аахенского дворца была создана знаменитая Академия, которая давала императорам писцов и епископов, здесь сочиняли латинские стихи и вели летописи – из этих стихов и летописей видно, что тогдашние грамотеи представляли землю плоской, в виде огромного диска, окружённого океаном. Край земли терялся во мраке и был населён чудными племенами – одноногими людьми и людьми-волками. Легенда говорит, что в X веке молодой монах Герберт отправился в поисках знаний в Испанию; он учился «запретным наукам» у одного арабского мудреца, а потом соблазнил его дочь и с её помощью похитил тайные книги. В этих книгах было написано, что земля имеет форму шара, что числа можно записывать с помощью особых значков-цифр, и ещё многое другое. Впоследствии монах Герберт рассказывал обо всем этом людям и за свою учёность был избран папой под именем Сильвестра II – но мрак невежества был столь густым, что слушатели Герберта мало что поняли из его рассказов, и франки по-прежнему считали землю плоской.

Среди всех наук, которые дарит людям цивилизация, есть одна, которая небезразлична и варварам – это наука о продлении жизни, медицина. Арабский писатель оставил рассказ о том, как лечили франки больных во времена крестовых походов. Мусульманский эмир, дядя писателя, послал соседу-франку по его просьбе врача. Врач вернулся на удивление быстро и рассказал, что его позвали лечить рыцаря и женщину. У рыцаря был абсцесс на ноге, и араб применил припарки; женщина страдала "сухоткой", и врач предложил диету из свежих овощей. Обоим больным уже полегчало, но тут появился франкский врач. Недолго думая, он спросил рыцаря, что тот предпочитает: жить на свете с одной ногой, или умереть с двумя. Рыцарь сказал, что не хочет умирать, и врач заставил его положить ногу на колоду, а какой-то силач взял в руки топор. Первый удар не достиг цели, а второй раздробил кость, и рыцарь умер.

Затем франк осмотрел больную женщину и заявил, что в неё вселился бес и поэтому её

надо остричь. Это не помогло, и "сухотка" усилилась – тогда франк сказал, что бес переселился в голову больной, сделал надрез на кости черепа и втёр туда соль. Женщина тут же умерла. После этого арабский врач спросил, не нужен ли он ещё, и вежливо попрощался с хозяевами.

Конечно, в попытках спасти жизнь больные обращались к разным врачам – и не только к знахарям своего племени. На юге Италии, где долго держалась власть Восточной Империи, в маленьком городке Салерно сохранилась старинная медицинская школа. Салернские врачи славились по всей Европе; в X веке здесь работал учёный еврей Донноло, знаток притираний и трав, а затем Константин Африканский, первый европеец, отправившийся на Восток, чтобы учиться медицине, и вернувшийся назад с трактатом знаменитого врача Хали Аббаса. Когда-то греческие философы учились мудрости в египетских храмах – теперь европейские учёные снова обратились к знаниям Востока. После того, как христиане отвоевали у мусульман столицу Испании Толедо, им достались богатые библиотеки с сотнями написанных арабской вязью книг. Епископ Раймунду призвал учёных монахов со всей Европы, и они вместе с арабскими и еврейскими мудрецами перевели эти книги – среди них был медицинский трактат Ибн Сины (Авиценны), философские манускрипты Ибн Рушда (Аверроэсса), алхимические штудии Ибн Хайана (Гебера), а также арабские переводы Платона, Аристотеля, Евклида, Птолемея. В Испании европейцы познакомились с бумагой, магнитной иглой, механическими часами, перегонным кубом для получения алкоголя. Труды переводчиков продолжались в течение всего XII столетия, и всё это время грамотеи Европы тянулись в Испанию за новыми книгами. Учёных подталкивало нетерпение их учеников – ведь в XII веке в Европе открылась тяга к знаниям, выросли торговые города, и купцы не могли обойтись без образования. В городах появились "общие школы", доступные не только для монахов; в этих школах преподавали "семь свободных искусств", распадавшихся на "тривиум" и "квадриум". "Тривиум" – это были "грамматика", "риторика" и "диалектика", а "квадриум" состоял из "арифметики", "астрономии", "музыки" и "геометрии", причём "астрономия" в действительности была астрологией, а "геометрия" – географией. В арифметике большую часть курса занимало истолкование тайного смысла цифр, а вершиной премудрости считалось деление многозначных чисел. Под риторикой разумелось искусство составлять письма, грамоты и юридические документы – это была очень важная для горожан наука, которая со временем легла в основу всего высшего образования.

Варвары не признавали юридических тонкостей и обычно заканчивали свои споры поединком на мечах – но это было неприемлемо для горожан и купцов. Купцы решали свои дела в судах, действующих на основе "римского права", законов Римской Империи, некогда собранных в кодексе императора Юстиниана. Древние законы детально разъясняли важные для горожан споры о купле-продаже, о дарениях и завещаниях – и поэтому им продолжали следовать и в варварскую эпоху – хотя, конечно, многое было забыто. В конце XI века болонский ритор Ирнерий, как мог, восстановил кодекс Юстиниана и основал маленькую юридическую школу. Со временем эта школа разрослась, в Болонью стали приезжать тысячи учащихся со всей Европы, и в конце XII века школа Ирнерия превратилась в "университет" – учёную "корпорацию", цех с мастерами-магистрами, подмастерьями-бакалаврами и учениками-студентами. Как у всех цехов, у университета было своё знамя, свой устав, своя казна и свой старшина-ректор. Звание магистра (или доктора) присваивалось после экзамена-диспута, когда нового "мастера" облакали в мантию и вручали ему кольцо и книгу – символ науки. Римские папы поддерживали уважение к учёному цеху и наделяли докторов бенефициями – доходами от церковного имущества; они строили и общежития для бедных студентов, "коллегии"; позднее доктора стали читать в этих коллегиях лекции, и, таким образом, появились новые учебные заведения – колледжи. В университете было четыре факультета, один из них, "артистический", считался подготовительным: это была прежняя "общая школа", где изучали "семь свободных искусств". Лишь немногие студенты выдерживали все испытания и продолжали учёбу на старших факультетах – юридическом, медицинском и богословском. Юристы и медики учились пять лет, а богословы –

пятнадцать; их было совсем мало, и по большей части это были монахи, посвятившие свою жизнь богу.

Появление университета принесло Болонье почёт и немалые выгоды, поэтому вскоре и другие города принялись заводить высшие школы по болонскому образцу. В середине XIII века в Италии было 8 университетов; один из них, Неаполитанский, был основан императором Фридрихом II, просвещённым монархом, который привлекал к своему блистательному двору учёных Запада и Востока. При дворе императора в Палермо жили Леонард Пизанский, снова введший забытые было десятичные цифры и научивший людей считать на счётах, а также учёный шотландец Майкл Скотт, которого все считали волшебником и который перевёл для Фридриха аристотелеву "Историю животных". Фридрих переписывался с учёными Востока; и учёные Запада ездили на Восток, познавая незнакомый им мир. С ними соревновались купцы, искавшие новые рынки и новые доходы – они становились всё смелее и уезжали всё дальше. В 1271 году венецианский купец Никколо Поло с сыном Марко и братом Маффео отправились ко двору великого монгольского хана, в Китай. Венецианцы объехали всю Переднюю Азию, посетили Багдад, Ормуз, Самарканд, а затем после месячного перехода по пескам Великой Пустыни достигли Китая. Они подолгу останавливались в разных местах, расспрашивали людей о природе и обычаях, приценивались к товарам на рынке и изучали язык местных жителей. Великий хан Хубилай сделал венецианцев своими чиновниками и посылал их с поручениями в разные провинции. Марко Поло ездил на юго-восточную границу Китайской Империи, пробирался через покрытые снегом горы Тибета и джунгли Бирмы, потом три года управлял городом Янчжоу. В 1291 году хан Хубилай поручил венецианцам командование флотилией из 14 кораблей, отправлявшейся в Персию. Флотилия посетила Вьетнам, Суматру, Цейлон, останавливалась у берегов Индии и Аравии – венецианцы объехали весь обетованный мир и в 1295 году, наконец, вернулись на родину. К тому времени их давно считали погибшими, и родственники не признали своих близких в трёх заросших бородами путниках в татарской одежде. Однако затем недоразумение прояснилось, и семья Поло устроила богатый пир, на котором братья рассказали горожанам о своём путешествии. Марко Поло был избран в городской совет – но тут ему не повезло: командуя кораблём в морском сражении, он попал в плен к генуэзцам и около года просидел в тюрьме, где и продиктовал свои воспоминания пизанцу Рустичано. Книга Марко Поло открыла европейцам глаза на огромный окружающий их мир; ею зачитывались купцы и рыцари; восторженные юноши мечтали о сокровищах Востока, о морях, парусах и дальних странах. Если Христофор Колумб открыл Америку, то Марко Поло открыл Азию – и это было величайшее открытие средних веков. Он мерял шагами тесную тюремную камеру и взволнованно рассказывал Рустичано о своём открытии. Мы шли по великой пустыне, говорил Марко Поло, там всюду горы, пески и долины, и нет никакой еды. Там нет ни птиц, ни зверей, и только духи пристают к путешественникам, и чудится, что они играют на инструментах и зовут тебя – но нельзя идти к ним: собьёшься с дороги. И так мы шли месяц и, наконец, увидели новую землю:

– И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали...

ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

*И сказали они: "Построим себе город
и башню, высотой до небес..."*

Бытие, 11.

Университеты, предприимчивые купцы и просвещённые монархи – таковы были штрихи картины нового мира – но главный план на этой картине занимали многолюдные и процветающие города. В течение XIII столетия города выросли в несколько раз, и некоторые из них – Венеция, Милан, Флоренция – имели по сто тысяч жителей. Это была картина,

непохожая на города Востока: узенькие, в ширину копы, улочки и высокие, стоящие вплотную друг к другу трёх-четырёхэтажные дома. Здания были большей частью кирпичные, оштукатуренные и окрашенные в разные цвета, с узкими вытянутыми вверх фасадами и черепичными крышами. На ночь окна наглухо закрывались ставнями и дома превращались в крепости. В нижних этажах зданий располагались лавки и мастерские; Милан был знаменит своим оружием, а Флоренция прославилась сукноделием, в городе было около 300 сукнодельческих мастерских. Хозяином мастерских был обычно богатый купец, он закупал шерсть и согласовывал работу мойщиков, чесальщиков, прядильщиков, ткачей, красильщиков – всего в производстве сукна было больше 20 операций, одни из которых проводились в мастерской, а другие – рабочими на дому. Ткацкие и прядильные станки были старинной римской конструкции – но в производстве шёлка использовались и настоящие машины: в 1273 году в Болонье механик Франческо Боридано построил шёлкомотальную машину, приводимую в движение водяным колесом и заменявшую 400 рабочих! Это было чудо техники, предвещавшее наступление грядущей эпохи машин – но от этой первой машины до промышленной революции прошло пять столетий.

Ремёсла давали жизнь итальянским городам; ткани и оружие везли в Венецию, и отсюда товары расходились по всему Средиземноморью – обратно привозили зерно, солёную рыбу, пряности, восточные шелка, красители для мастерских. Из Генуи и Пизы товары перевозили в Марсель, а оттуда караваны нагруженных тюками лошадей двигались в Париж и на знаменитые ярмарки провинции Шампань; здесь итальянцы закупали английскую шерсть и фламандские сукна. Дорога через Францию была небезопасна, и поэтому купцы предпочитали не возить с собой денег: они передавали их ростовщикам Флоренции или Сиены в обмен на расписки-векселя, по которым можно было получить деньги в Париже. Ростовщики-менялы Сиены вели операции по всей Европе: они брали у римского папы откупа на церковную десятину и, заплатив условленный аванс, затем собирали подати. Особенно крупные дела вели менялы из рода Бунсиньори, основавшие в середине XIII века компанию "Большой банк Бунсиньори"; в то время банком называли стол, за которым ростовщики меняли монеты. Вообще-то ростовщичество было запрещено церковью: "Взаймы давайте, не ожидая ничего, – говорил Христос, – и будет вам награда великая". Ростовщичество в средние века было профессией евреев, и лишь в XIII веке эта запрещённая деятельность была освоена не боявшимися бога итальянскими банкирами. Богатство этих выскочек было пропорционально их наглости: когда после смерти Фридриха II его зять был вынужден заложить золотой императорский трон, его выкупил генуэзский ростовщик, неотёсанный мужлан по прозвищу "Съешь корову". "Съешь корову" сидел на троне за обеденным столом и угощал своих компаньонов – таких же мужиков, как он сам, а задолжавшие дворяне толпились в прихожей. Сам король Англии был в должниках у флорентинских банкиров Барди; все его доходы были описаны и шли итальянцам, а король получал столько, сколько ему выделяли Барди. Целые улицы в итальянских городах занимали отделанные мрамором дворцы новых богачей – изящные здания с колоннами, лоджиями и башенками. Фасады самых красивых зданий выходили на широкую центральную площадь, туда, где возвышались дворец синьории и кафедральный собор – гордость всех горожан. Собор был символом города, и коммуны соревновались друг с другом в роскоши и величии главного храма.

Первые итальянские соборы возводились зачастую приглашёнными из Константинополя мастерами и походили на древние римские базилики – этот стиль назывался "романским", "римским". Потом итальянские мастера освоили искусство кладки стен и каменных сводов, научились вытачивать мраморные колонны и придали базиликам новые изящные формы. В конце XI века архитектор Бускет построил Пизанский собор – новое чудо света, символ возрождения Италии. "Сей белоснежный мраморный храм не имеет соперников", – с гордостью написал Бускет на стене собора. В те времена церкви возводились и отделялись столетиями, и каждое новое поколение стремилось добавить новые украшения к главному храму. В XII веке к Пизанскому собору была пристроена

ажурная колокольня – знаменитая "падающая башня": тогдашние архитекторы ещё не владели искусством инженерных расчётов, грунт под башней не выдержал огромной нагрузки, и она накренилась. Затем рядом с собором был возведён баптистерий – здание, где проводили обряд крещения; мастер Никколо Пизано украсил его сотнями скульптур, не оставив вдоль стен ни одного свободного места – это был день рождения итальянской скульптуры, праздник нового искусства. Стены соборов расписывались иконами, изображавшими Иисуса, Деву Марию и апостолов. В конце XIII века художник Джотто ди Бондоне превратил иконы в картины, где были сюжет, движение, игра света и тени – так родилась живопись. Соборы превратились в каменные книги, где множество скульптур и картин рассказывали о рождении Христа и о его судьбе, о Страшном Суде и о том, что ждёт грешников и праведников. На стенах соборов были изображены сцены ада и рая, страшные демоны, пожирающие грешников и Иисус, озаряющий праведников лучами благодати. Люди читали эту каменную книгу и переживали её в своих душах – и вот, наконец, появился первый поэт, выразивший эти чувства в стихах.

Его звали Данте Алигьери.

РОЖДЕНИЕ ПОЭЗИИ

*Он был великий поэт и философ и
писал самым изысканным слогом,
какой был в нашем языке до него
и после него.*

Виллани. История Флоренции.

Данте родился в 1265 году в семье небогатого рыцаря-флорентинца. Когда ему было девять лет, он впервые повстречал Беатриче – девочку в красном платице; она не обратила на него внимания и прошла мимо – но мальчик Данте понял, что это идет его госпожа и его судьба. Потом он шестнадцать лет поджидал её на улицах, ловил случайные взгляды, писал ей стихи – он был одержимым, как все гении. Но Беатриче умерла, ни разу не поцеловав своего поэта – и Данте едва не умер от горя, его спас только Господь Бог. Данте обратился к Богу с той же одержимостью, с какой он любил Беатриче, он проводил дни в церкви и читал труды богословов, стараясь понять смысл сущего. Затем его захватила жизнь, политика и борьба; он сражался как рыцарь в битве при Компальдино, был членом городского совета, но его партия потерпела поражение, и Данте превратился в изгнанника, терпел нужду и познал горечь чужого хлеба. Всё это время он писал свою единственную поэму, которую назвал «Комедией» – впоследствии очарованные стихами потомки стали называть её «Божественной комедией». Он описывал то, что видел на стенах соборов и то, что переживал в душе – великую легенду об аде и рае; он пытался представить то, что, как полагали, ожидает всех смертных, о чём одни думали с радостью, а другие с содроганием.

Здесь нужно, чтоб душа была тверда,
И страх не должен подавать совета...

Только одержимый верой гениальный поэт мог живописать все ужасы, которыми наделило его воображение ад:

Я был в краю, где свет умолк вполне,
Где воздух был, как в бурю воеет море,
Когда все ветры меж собой в войне,
Там адский вихрь, бушуя на просторе,
Без отдыха мчит души в царство мглы,
Крутит, бичует, умножает горе...

Кошмар ада – это был призрак, перед которым трепетало всё средневековье: всякий верующий думал о том, что его ожидает – и этот жуткий призрак не раз останавливал руку убийцы и заставлял пасть на колени грабителей и насильников.

Я был, страшусь сказать, уж там, где льдом,
Со всех сторон затёрты души злые,
Сквозя под льдом, как крошки под стеклом...

Поэма Данте – это был символ средневековья, с его истовой верой, с его соборами, с его кружевами из камня, барельефами, на которых корчились грешники. Средневековье знало лишь сильные и грубые чувства – голод, страх, боль; место любви тогда занимало милосердие, любовь к богу, а нежность и любовь к женщине – то были неведомые чувства, ведь рыцари брали женщин насилем. Но средневековье подходило к концу, рыцарские замки были разрушены, и при дворах новых монархов говорили об искусстве, о поэзии и о прекрасных дамах. И вот неожиданным диссонансом на смену мрачному Данте явился другой поэт, певший о радости и любви – его звали Петрарка:

Благословляю день, и месяц и годину,
И час божественный, и чудное мгновенье,
И тот волшебный край, где зрел я, как виденье,
Прекрасные глаза, всех мук моих причину...
Но это была уже поэзия другой эпохи.

ТРАГЕДИЯ СТРАНЫ ТРУБАДУРОВ

*Во mnogой мудрости много печали, и
кто умножает знания, умножает печаль.*
Екклесиаст, 1, 18.

И талия была страной великих поэтов, но была ещё одна страна, где голос поэзии звучал столь же сладкозвучно. Там тоже были города, очень похожие на итальянские; там тоже были украшенные барельефами соборы, и всё остальное – тёплое море и зелёные горы – всё остальное было очень похоже на Италию. Эта страна называлась Лангедок – «Земля языка ок», а к северу от неё, за горами, простиралась страна, которую называли Франкией или Францией; она была усеяна замками, владельцы которых вели между собой бесконечные войны. Язык ок был в чём-то похож на итальянский, а в чём-то на французский; все эти наречия произошли от древней латыни, и местных поэтов, «трубадуров», хорошо понимали по обе стороны Альп. Трубадуры пели о любви, о рыцарской отваге и жестоко высмеивали монахов – дело в том, что лучшие земли Лангедока принадлежали монастырям, и, как горожане, так и рыцари не любили заевшихся монахов. По заветам Христа монахи должны были вести скромную и воздержанную жизнь, молиться богу и помогать бедным – но во время господства варваров эти заветы были забыты; епископы и аббаты предались страсти к наживе и, подражая баронам и графам, принялись обирать крестьян и горожан. Многие епископы были сыновьями местных сеньоров, получившими свой сан неправедными путями; они не умели читать молитв, но зато охотно участвовали в рыцарских схватках. Благочестивый папа Григорий VII пытался было навести порядок, но потом всё вернулось на круги своя – так что жадность и распутство священников вошли в поговорку. Между тем, началось Сжатие, земли не хватало, в страну часто приходил голод – и на этом фоне неправедные богатства святых отцов бросались в глаза всякому. Народ не мог поверить, что проповедующие в храмах священники действительно служат господу, он искал других учителей – и такие учителя вскоре нашлись.

История обладает свойством повторяться снова и снова, в разных странах в разное время происходят удивительно похожие события; как только демографическая кривая подходит к определённой точке, как только начинается Сжатие, появляются новые пророки и вожди, которые говорят одно и то же: "Кто не работает, тот да не ест!" Когда-то, в VIII веке, старец Сильван нашёл эту фразу в посланиях апостола Павла и, объединив под этим лозунгом верующих, создал могущественную секту, потрясшую основы Римской Империи. Секта павликиан потерпела поражение, но не погибла; она продолжала действовать в Малой Азии и в Болгарии - причём, подвергаясь преследованиям, павликиане представляли окружающий мир во всё более мрачном свете; так же, как последователи древнего пророка Мани, они утверждали, что этот мир создан не богом, а дьяволом.

Болгарские павликиане называли себя "катарами" – чистыми, потому что они полностью отрекались от созданного дьяволом мира, его соблазнов и удовольствий, и доводили себя постом до изнеможения. Всё это производило неизгладимое впечатление на приезжавших в Константинополь западных купцов, и некоторые из них обращались в веру катаров, а другие привозили с собой "чистых" святых отцов. Учение павликиан быстро распространилось по городам Лангедока и вскоре породило новых пророков: около 1170 года купец Пётр Вальд из Лиона роздал своё имущество бедным, и, подобно старцу Сильвану, стал читать перед крестьянами послание апостола Павла. Последователи Вальда жили подобно древним христианам, "имели всё общее и разделяли всем смотря по нужде каждого". По Лангедоку и по Италии ходили тысячи одетых в рубища праведников-"совершенных", и народ видел в них настоящих святых людей, обращался к ним за отпущением грехов и подавал им милостыню. Вскоре ересь охватила весь Лангедок, церкви опустели, люди отворачивались от священников и епископов, и даже тулузский граф Раймунд тайно помогал катарам. Римский папа Иннокентий III послал в Тулузу своих проповедников, но они не имели успеха – несмотря на то, что некоторые из них (к примеру, брат Доминик), подражая "совершенным", ходили босиком и в рубищах. В 1208 году один из посланцев папы был убит – и тогда папа провозгласил против Лангедока Крестовый поход.

Это было неслыханное дело: крестовый поход против европейской и, как все считали, христианской страны – однако франкским рыцарям было всё равно, кого грабить и убивать. Крестоносцы воевали в Лангедоке с той же варварской жестокостью, что и на Востоке; они уничтожали целые города – причём посланцы папы призывали убивать всех подряд, католиков и еретиков. "Господь узнает своих", – говорили они. Цветущая страна обратилась в пепелище, виноградники были вырублены, поля опустели, города лежали в руинах. Римский папа поручил брату Доминику преследовать уцелевших еретиков и создал для этого орден монахов-доминиканцев; они называли себя "псами Господними", и их символом была собака с горящим во рту факелом. Доминиканцы проводили "инквизицию" – то есть "расследование"; если после допроса и пыток подозреваемый "еретик" сознавался и каялся, то его ждала тюрьма, если не сознавался – то его отправляли на костёр. Чтение Библии отныне было разрешено только монахам и священникам – дабы простолудины не повторяли слов апостола Павла. Была введена цензура, на площадях запылали костры, и первой сожжённой книгой была "Метафизика" Аристотеля. Это произошло в Париже, в присутствии студентов и профессоров Парижского университета, которые имели неосторожность читать рукопись древнего мыслителя. Книга была привезена из сожжённого крестоносцами Константинополя и теперь горела в маленьком костре, разведённом специально ради неё. Профессора в мантиях молча стояли вокруг, а учёный монах-инквизитор шевелил палкой угли и нравоучительно повторял:

– Тайные глубины веры нельзя всюду и всем излагать – ибо не всем и всюду они понятны. И посему было сказано в Писании, что во многой мудрости много печали, и кто умножает познания, умножает печаль...

ИСТОРИЯ СВЯТОГО ФРАНЦИСКА

*Не берите с собой ни золота, ни
серебра, ни сумы на дорогу...*

От Матфея, 2, 9.

Движение миллионных масс никогда не проходит бесследно – даже если его останавливает сила власти. В IX веке павликиане потерпели поражение, но их противник император Василий взял многое из их проповеди. В XIII веке павликиане поднялись снова – и снова были повержены, но их враг Иннокентий III был вынужден задуматься над их словами. Легенда рассказывает, что всемогущему римскому папе приснился сон: он увидел босого монаха в рубище, по виду истинного еретика – но этот еретик подпирал плечом покосившийся собор Святого Петра. Монаха звали Франциском из Ассизи, и ему было суждено вернуть истинную чистоту христовой вере.

Франциск был сыном зажиточного купца и в молодости занимался торговлей; он был большой весельчак и любитель шумных пирушек. Однажды, возвращаясь после пира, друзья заметили, что Франциск необычно тих и задумчив – они стали подтрунивать над ним, спрашивая, не нашёл ли он невесту. "Нашёл, – ответил Франциск, – да такую красивую, благородную и богатую, что вы никогда не видели". Друзья переглянулись, не понимая, но Франциск говорил не о девушке из знатной семьи – он имел в виду христианскую веру. С этого момента Франциск оставил прежние развлечения и стал жить, как учил Христос; он раздавал бедным всё, что имел, и ходил в одежде нищего. Он растратил на подаяние отцовские деньги, был жестоко избит отцом и ушёл из дому; он поселился в шалаше около часовни и просил милостыню на ее ремонт. Потом он стал проповедовать – рассказывать горожанам о том, что Христос завещал жить в простоте, смирении и бедности: "Святая бедность прогоняет всякую алчность, скупость и заботы мира сего, – говорил Франциск. – Ведь учил Христос: "Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха. Не собирайте себе сокровищ на земле, но собирайте себе сокровища на небе". Люди прислушивались к его проникновенным словам, и вскоре у Франциска появились ученики; он организовал общину, в которой всё было общим и кусок хлеба делился на всех. Всё это очень походило на порядки еретиков, последователей Петра Вальда, на идеи павликиан и на обычаи первых христианских общин. Папа не хотел признавать общину францисканцев – и лишь пророческий сон убедил его, что Франциск несёт Слово Божие.

Получилось так, что в то самое время, когда еретики в Лангедоке умирали на кострах, их итальянские братья были допущены в лоно церкви и придали ей новую силу. Основанный Франциском монашеский орден объявил своей целью служение бедным: монахи кормили бедняков, строили для них больницы и странноприимные дома. Они называли себя "миноритами", "меньшими братьями" и жили, как первые христиане, работали и просили милостыню – но не для себя, а для всех сирых, убогих, нищих. Тысячи людей раздавали своё добро беднякам и шли за Франциском – уже в 1226 году у ордена было 8 тысяч монастырей и 200 тысяч монахов. Воодушевление верующих было столь велико, что в орден – оставаясь мирянами – вступали графы, герцоги и короли; они жертвовали ордену часть своих богатств в надежде, что монахи заступятся за них перед богом. Церковь снова вернулась к социалистическим идеалам Христа и обратилась лицом к народу; монастыри приняли на себя задачу социального обеспечения, и всякий бедняк мог быть уверен, что он не забыт богом, что братья-монахи дадут ему приют и миску похлёбки. В конечном счёте, это был результат повышения демографического давления, результат отчаянной борьбы лангедокских катаров – но святой Франциск не разбирался в законах истории. Он до конца своих дней ездил на ослике по дорогам Италии, призывал людей к милосердию и восхищался всяким творением Господа: птицами, деревьями, цветами. Говорят, что он проповедовал перед птицами, и птицы что-то пели ему в ответ, а потом он удалялся в горы и предавался там созерцанию и мистическому восторгу: ему чудилось, что его душа сливается с Богом. На 44 году своей жизни он совсем ослабел от бесконечного поста и умерщвления плоти; он почувствовал, что конец близок, и велел ученикам перенести себя в родной город.

В 1226 году он тихо скончался на ступенях часовни в Ассизи – и ничего не взял с собой на дорогу.

ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ

*Священный долг королей – мощной
рукой обуздывать дерзость
тиранов, кои раздирают страну,
тешатся грабежами и бедный люд губят...*
Епископ Сугерий .

К северу от Лангедока простиралась страна, которую в давние времена завоевали варвары-франки – она называлась Франкией или Францией. В VIII веке франки первыми создали тяжёлую рыцарскую конницу, и великий император Карл подчинил половину Европы – но слабые преемники Карла не смогли сдержать своеволие рыцарей. Могучее некогда государство распалось на бесчисленные герцогства, графства, баронии, и каждый владелец замка считал себя хозяином округа и господином над жизнью и смертью своих крестьян. Замки, бывшие прежде бревенчатыми башнями, в XII веке превратились в каменные крепости с двойными стенами, рвами и подъёмными мостами; над каждым замком возвышался железный флюгер с гербом хозяина – и таких хозяев у Франции было больше десяти тысяч. Сеньоры воевали между собой, жгли чужие деревни, грабили на дорогах; во времена относительного мира они по старому обычаю собирались на съезды и возводили на престол королей. В 987 году они избрали королём франков герцога Гуго Капета, владельца Иль-де-Франса – области, простиравшейся от Парижа до Орлеана. Гуго Капет не был хозяином даже в своём герцогстве, и его преемникам пришлось начинать с подчинения местных баронов, которые считали за собой полное право воевать с «королём франков». Тем не менее, Капетингам удалось удержать за собой корону: они взяли за правило при жизни короля собирать съезды знати для коронации наследника – и знать не противилась этому, потому что не принимала королевский титул всерьёз.

К началу XII века, короли навели порядок в своём "домене", Иль-де-Франсе, разрушили множество замков и изгнали непокорных баронов. К ним стали обращаться за помощью епископы соседних областей: церковь давно пыталась остановить частные войны и установить "божий мир" – теперь она приобрела сильного союзника, короля. Местные соборы накладывали отлучение на разорявших округу баронов и призывали против них королевских солдат, которые придвигали к стенам замков осадные башни и разбивали ворота таранами. Города, стремясь освободиться от власти сеньоров, тоже искали союза с королём; с позволения короля они провозглашали себя коммунами и платили за поддержку немалые деньги. Деньги, в свою очередь, позволяли нанимать солдат – ведь слово "солдат" происходит от монеты-"сольдо"; наёмные арбалетчики и конные "сержанты" были гораздо более дисциплинированными, чем вассалы-рыцари, служба которых продолжалась лишь сорок дней в году.

В середине XII века король Людовик VII считался сильнейшим владетелем Франции, он женился на наследнице аквитанского герцогства Элеоноре и присоединил к домену её обширные земли. В 1147 году он вместе с германским королём Конрадом III отправился во Второй Крестовый поход; короли хотели помочь осаждённой мусульманами Антиохии – но при переходе через малоазиатские степи крестоносцы были разбиты тюрками, и, в конце концов, вернулись ни с чем. По возвращении Людовика VII ждала ещё одна неудача: он поссорился и развёлся с Элеонорой, которая вскоре снова вышла замуж и отдала свои владения злейшему врагу короля – Генриху Анжуйскому, вскоре ставшему королём Англии. Вся западная Франция оказалась во власти англичан, и сыну Людовика, Филиппу II (1180-1223) досталась в наследство долгая и тяжёлая борьба с Англией. В конце концов, в 1214 году французам удалось одолеть англичан и их союзников в битве при Бувине. Это была одна из самых больших битв рыцарской эпохи, о которой потом сложили много легенд,

повествующих о жарких схватках и удивительных подвигах – это был зенит славы французского рыцарства.

Филипп II завладел западными областями, а затем, после крестового похода против еретиков, присоединил к своему домену Лангедок. Границей Франции на западе стал океан, а на юге – Средиземное море; домен французского короля увеличился вчетверо, и, не желая выделять владения новым вассалам, Филипп II поручал управление и сбор подати своим чиновникам-прево. Однако вне домена продолжались частные войны сеньюров, а междоусобицы сопровождались смутами, охватывавшими всю страну. Внук Филиппа, Людовик IX (1226-1270), вступил на престол ребёнком, и прошло пять лет, прежде чем он, возмужав, восстановил в стране мир и порядок. Людовик был христианским государём, истово верующим в бога и старавшимся, в меру сил, приблизить на земле Царство Божие. Он был последователем святого Франциска; он создавал приюты для бедных, кормил за своим столом нищих и, одетый в грубую мешковину, с посохом в руках совершал паломничества в знаменитые монастыри. В свободное от молитв и государственных дел время Людовик сидел под дубом в Венсенском лесу и выслушивал всех, кто приходил к нему с жалобами и просьбами. Чтобы восстановить справедливость, он создал королевские суды и постановил, что всякий, кто недоволен судом сеньора, может прийти к королевскому судье. Король запретил варварский обычай, когда дело решалось поединком и побеждал сильнейший – в новых судах всё решал закон, римское право, которому учили профессора университетов.

Король хотел сделать людей счастливыми, он молился за них богу, снижал повинности и освобождал крестьян в своих имениях – но он был не в силах изменить природу вещей. Войны между баронами продолжали опустошать Францию, и единственное, что мог сделать милосердный король – это установить срок в 40 дней между объявлением войны и её началом. Он хотел смирить буйное рыцарство и обратить его к богу – и, собрав своих вассалов, отправился в 1248 году в крестовый поход. Благочестивый король был плохим полководцем – он был разбит египетским султаном и попал в плен; в Париже поднялась паника, и десятки тысяч простолюдинов собрались, чтобы отправиться за море спасать короля; они огромными толпами двинулись на юг Франции, грабя по дороге монастыри, которые не хотели помочь им деньгами. В конце концов, Людовик был выкуплен из плена, совершил паломничество по святым местам и вернулся в Париж с великой христианской реликвией – терновым венцом, которым когда-то короновали Иисуса. Для этой реликвии он построил дворцовую церковь, "капеллу" – такую же, какая была у Карла Великого в Аахене. В старости король часами сидел в этой капелле, глядя на терновый венец и размышляя о заповедях Христа, о судьбах людей и предназначении королевской власти. Он часто вспоминал, как во времена мятежа баронов в дни его юности парижане пришли к его матери и уговорили её вернуться из Монтлери в Париж – это была дорога в несколько лье. И вот он ехал с матерью по дороге среди заснеженных полей, а по обочине бесконечной толпой стояли вышедшие навстречу крестьяне и горожане. Они с надеждой смотрели на него – и многие тут же, в снегу, становились на колени и тихо молились за своего Короля.

ЛЕГЕНДА О БЛАГОРОДНОМ РЫЦАРСТВЕ

*Да станут отныне воинами Христа те,
кто раньше были грабителями...*

Папа Урбан II.

Людовику, прозванному Святым, было уже за шестьдесят, когда он отправился в свой последний крестовый поход. Собрав рыцарское ополчение со всей Франции, он высадился на берегу Африки и осадил Тунис – гнездо мусульманских пиратов, опустошавших берега Средиземного моря. Он выдержал несколько боёв с арабами, но вскоре в лагере крестоносцев началась эпидемия, унёсшая тысячи воинов; в августе 1270 года благочестивый король скончался от чумы.

Людовик Святой завещал рыцарству благородную идею, которой он следовал всю жизнь: идею о служении Христу. Своим примером и силой закона он побуждал рыцарей к тому, к чему и раньше призывала их церковь: оставить разбой и распри и стать защитниками слабых – женщин, вдов и сирот. В конце концов, долгие увещевания церкви привили рыцарству новые благородные обычаи; отныне воин, посвящаемый в рыцари, должен был пройти торжественный ритуал духовного очищения; ночь перед посвящением он проводил в молитвах у церковного алтаря и затем после торжественного шествия и проповеди представлял перед королём или графом.

– Во славу и во имя Бога Всемогущего, – провозглашал король, – жалею тебя рыцарем. Будь верен Богу, государю и подруге; будь медлителен в мести и наказании и быстр в пощаде и помощи вдовам и сиротам; посещай обедню и подавай милостыню...

Затем государь вынимал свой меч, ударял плашмя по плечу новоизбранного и целовал нового рыцаря; ему надевали золотые шпоры и вручали меч и копьё:

– Меч этот имеет вид креста и даётся тебе в поучение: как Христос побеждал смерть на древе креста, так и ты должен побеждать врагов своих этим мечом...

– Это длинное и прямое копьё есть символ правды, и железный наконечник на нём означает преимущество правды над ложью, а развевающееся на его конце знамя показывает, что правда не должна скрываться...

Весь этот ритуал означал принятие посвящаемого в число воинов Христа – и многие рыцари следовали этой клятве всю жизнь, они сражались у стен Иерусалима и в заэльбских лесах – куда бы ни послал их призыв папы. Они без колебаний отдавали жизнь за веру – как знаменитый рыцарь Роланд, герой поэтических преданий. По легенде, граф Роланд был оставлен Карлом Великим прикрывать отступление франков через Пиренеи; он сражался до последней возможности и погиб, как полагается доблестному рыцарю:

Роланд почувствовал: подходит смерть,
От головы спускается на сердце.
Добраться до сосны большой успел он,
Под нею на зелёной лег траве.
Свой меч и звонкий горн покрыл он телом,
Лицо же повернул к земле враждебной:
Увидит Карл, что он не оробел,
Врагов не утратил перед смертью,
Что умер он, увенчанный победой,
Любезный граф Роланд, воитель смелый.

Бродячие певцы, "менестрели" и "жонглёры", исполняли "Песнь о Роланде" на площадях городов и в пиршественных залах; это была древняя легенда, великий эпос французского народа, в XII веке положенный на стихи и записанный на пергаменте. У немцев был свой эпос – "Песнь о Нибелунгах", а у англосаксов свой – "Легенда о короле Артуре". Всё это были древние рыцарские сказания, передававшиеся из уст в уста, и с течением времени обраставшие новыми деталями – теми деталями, которые хотела видеть новая эпоха. Древняя "Песнь о Нибелунгах" – это повесть о жестоких битвах, где льётся рекой кровь, повесть о предательстве и мести:

Полны чудес сказанья давно минувших дней,
Про громкие деянья былых богатырей,
Про их пиры, забавы, несчастья и горе,
И распри их кровавые услышите вы вскоре...

Потом, в XIII веке, настало время, когда рыцари заговорили о боге, о святом Граале – волшебной чаше с кровью Иисуса, о прекрасных дамах, о любви Тристана и Изольды.

Прекрасная королева Изольда любила доблестного рыцаря Тристана, но не могла изменить своему мужу-королю. Она пришла на зов любви в лес к Тристану, и здесь их застиг король:

Король в шалаш заходит к ним,
Стоит безмолвен, недвижим,
Со спящих не спуская глаз.
Ужель прольётся кровь сейчас?
Она рубашки не сняла,
Раздельны были их тела -
И меч меж ними обнажённый.
Стоит король, как пригвождённый,
На меч глядит в раздумье он
И думает, душой смятён:
"Что это значит, боже мой?
Они лежат передо мной,
А я не знаю, как мне быть -
Помиловать или убить..."

Десятки поэтов и менестрелей пересказывали каждый на свой лад "Роман о Тристане и Изольде", историю о приключениях влюблённых, об их горестях, безумствах и об их печальном конце. Ко времени Тристана рыцари стали обнажать мечи не ради мести, а ради любви; кровавые схватки с соседями заменили турниры, когда соперники ломали копья во имя прекрасных дам, а красавицы бросали на арену свои надушенные платки. Турнир – это был рыцарский праздник, когда по призыву принца или графа съезжались рыцари всей округи, обширные поля покрывались разноцветными шатрами, дамы надевали роскошные наряды, рыцари выставляли свои щиты с гербами и герольды трубили, вызывая на бой. Принимающий вызов должен был коснуться копьём щита соперника; затем начиналась схватка; рыцари во весь опор мчались друг на друга – страшный удар, и один из соперников вылетал из седла на песок арены, а победитель подъезжал к трибуне и склонял копье перед дамой сердца. Потом новая схватка – и так десятки боёв, а под вечер дамы выбирали победителя турнира, и принц под пение труб и приветственные крики возлагал на него лавровый венок. Французская хроника рассказывает, как однажды надменная красавица предложила соперничавшим из-за неё рыцарям надеть вместо доспехов её кружевную рубашку – и один сгоравший от любви юноша согласился. Он весь день сражался в этой рубашке, был жестоко изранен и едва не лишился жизни; кружева превратились в кровавые лохмотья – но поражённые его отвагой зрители присудили ему победу, а тронутая его любовью красавица отдала ему своё сердце. Всё, что попросил у неё влюблённый рыцарь – это одеть окровавленные кружева на балу, которым завершался праздник; ему было достаточно этой награды.

Другая легенда рассказывает про поэтические состязания рыцарей: один из них провозгласил Вергилия величайшим поэтом всех времён и вызвал несогласных на бой. Он выдержал семь боёв с поклонниками Гомера, Овидия, Горация – и, в конце концов, получил смертельную рану – смертельный исход был обычным делом, не вызывавшим печали у зрителей. Раненных и покалеченных было множество, поэтому церковь проповедовала против турниров – но не могла побороть это страстное увлечение рыцарей. Им нужно было с кем-то сражаться, это было у них в крови, их воспитывали так с детства. Первое, чему учили отцы детей – это фехтование на мечах и охота, и молодые пажи только и знали, что драться до первой крови и гонять по лесу оленей, их любовь – это были борзые собаки, резвые кони и прирученные соколы. При первой возможности они убегали вслед за отцами на войну – если отцы не брали их с собой как оруженосцев; оруженосец мог, если повезет, проявить себя в битве и тут же, на поле боя, получить звание рыцаря. Жизнь без войны и турниров была для рыцарей скучной, единственным развлечением была охота, а в непогоду

приходилось прятаться за стенами замка, закрывать от холода ставни и сидеть у камина в тёмной, освещённой лишь бликами огня зале. Даже летом от мощных каменных стен тянуло сыростью и холодом: замки не были рассчитаны на комфорт и удобства – это были прежде всего крепости. Главная башня, "донжон", замка де-Куси возвышалась на 64 метра, и попасть в неё можно было лишь через перекидной мост из соседней башенки; чтобы подышать свежим воздухом и насладиться природой, обитатели замка шли подземным ходом за крепостную стену, где был разбит сад. Но издали, с равнины, замок выглядел, как сказочное видение: могучие стены, вздымающиеся вверх башни, остроконечные шпили и флюгера. Это было зримое воплощение легенды о рыцарстве – о его доблести, благородстве и галантности. К сожалению, это была лишь легенда, потому что в подземелье замка была тюрьма с цепями и орудиями пыток, а у ворот стояли ряды виселиц с трупами, у которых вороны выклевали глаза. Кроме того, доблестного Тристана и прекрасной Изольды никогда не существовало на свете, а рыцарь-поклонник поэзии, умирая, признался священнику, что он не читал Вергилия...

ГОРОДА И ГОДЫ

*Умолк шум веселящихся, затихли
звуки гуслей, уже не пьют вина с песнями...*

Исайя 24,8.

Если кто-то и верил в легенду о благородном рыцарстве – то уж, во всяком случае, не обитатели городов Франции. Горожане издавна не любили баронов и епископов – ведь в XI веке бароны и епископы были сеньорами городов и обирали горожан, как могли. Города обычно возникали у стен замков-бургов, и сначала это были маленькие поселения ремесленников и торговцев – несколько десятков деревянных домов, церковь и рынок. Эти поселения со временем обносились стеной и назывались «новыми бургами» в отличие от возвышавшихся над ними замков – «старых бургов». Жителей «нового бурга» называли *burgenses*, по-французски буржуазия, а по-немецки – бюргеры. В отличие от городов Италии, среди «буржуазии» не было мелких рыцарей, и панораму «новых бургов» не уродовали торчащие то там, то здесь грубые каменные башни – гнезда рыцарских кланов. У французских городов был лишь один сеньор, хозяин замка, и для этого высокородного господина горожане были рабами-сервами или, в лучшем случае, вилланами, обязанными платить оброк. Сеньор и его рыцари требовали у купцов и ремесленников тем больше, чем успешнее шли их дела и при желании могли забрать всё – им ничего не стоило бросить горожанина в тюрьму и пытками вымучить всё его состояние.

Тем не менее, жизнь брала своё, города становились всё более многолюдными, а цеховые ополчения – всё более сильными. В конце XI века начались городские восстания. "Множество людей кричали: "Коммуна! Коммуна!" – описывал современник восстание в Лане. – Многочисленные толпы горожан, вооружённые шпагами, топорами, дубинами и кольями устремились на дворец епископа". В течение первой половины XII столетия горожане упорно штурмовали стены замков – и, в конце концов, завоевали свободу, освободились от власти сеньоров и от рабства. "Буржуа" стали свободными гражданами самоуправляющихся городов, они выбирали судей-"эшевен", которые собирали городские налоги, возглавляли полицию и ополчение, вели переговоры с королями и графами.

Средневековые французские города были меньше, чем города Италии и были сосредоточены преимущественно на северо-востоке, в плодородных долинах Шельды и Мааса. Низовья этих рек теперь находятся на территории Бельгии, но в средние века здесь располагалось входившее в состав Франции графство Фландрия, население которого говорило частью по-французски, частью по-немецки. Лёгкость освоения здешних лугов издавна привлекала крестьян, и эти районы были заселены быстрее, чем земли центральной

Франции; здесь раньше началось перенаселение и Сжатие. Уже к середине XII века здесь были вырублены все леса и осушены все болота, берега рек были ограждены дамбами, и не осталось ни одного нераспаханного клочка земли. Безземельные бедняки уходили в города – в Брюгге, Гент, Ипр, Лилль, они становились подмастерьями: ткачами, валяльщиками, красильщиками. Купцы-"суконщики", привозившие шерсть из Англии, нанимали их на работу – обычно на неделю, они давали подмастерью хижину и станок, и всю неделю рабочий колокол возвещал своим звоном о начале работы, обеденном перерыве и конце рабочего дня. В субботу вечером выдавали заработок, а в понедельник подмастерья снова собирались на рынке в надежде получить работу. Фландрские тонкие сукна продавались по всей Европе, и города быстро росли, купцы и мастера богатели, строили дома с башенками, одевались, как дворяне, и требовали, чтобы их называли "герр" или "сир". Города украсились могучими башнями, соборами и ратушами; богачи покровительствовали поэтам и учёным и отправляли своих детей учиться в Париж.

Париж был крупнейшим городом Франции, в XIII веке в нём насчитывалось 80 тысяч жителей, и он мог поспорить своими размерами, богатством и великолепием со "знатными" итальянскими городами. Символом величия Парижа был знаменитый собор Парижской Богоматери, возводившийся почти столетие, с 1163 по 1250 год, – его строительство знаменовало восстановление могущества французских королей. Этот собор был непохож на соборы Италии; он был возведён в новом стиле, созданном французскими архитекторами и позднее получившем название готического. Французские "магистры каменных наук" научились передавать огромную тяжесть каменных сводов на стоящие вокруг здания опорные столбы; это позволило поднять стены на недостижимую прежде высоту – так что с крыши собора город просматривался, как на ладони. Новые соборы были устремлены ввысь – и это особенно подчёркивали узкие, украшенные витражами окна и изящные стрельчатые арки. Между городами и соборами началось соревнование в высоте и изяществе – соборы в Реймсе, Шартре, Страсбурге, Кёльне стали шедеврами новой архитектуры, распространившейся по всей Европе.

Средневековый собор был центром всей городской жизни; здесь собирался народ во времена торжеств, здесь венчали новобрачных и крестили детей – и здесь же учили юношей грамоте. Школа при соборе Парижской Богоматери была знаменита с давних времён, в XII веке она положила начало знаменитому Парижскому университету. В отличие от университетов Италии, где первенствовали юристы и медики, Парижский университет был центром богословия; здесь преподавали знаменитые богословы Абеляр и Фома Аквинский, пытавшиеся объяснить Библию с точки зрения логики и философии. Здесь было много коллегий для бедных студентов, одна из них была основана духовником Людовика Святого Робертом Сорбонном и называлась "Сорбонной" – позднее это название перешло на весь университет. Университет, так же, как и собор, был предметом гордости французских королей – ведь Париж был "королевским городом", столицей Франции, и не имел самоуправления, его хозяином и сеньором был король. Короли крепко держали свой скипетр и не допускали создания коммун в своём домене – зато всячески поощряли городские восстания во владениях своих непокорных вассалов; они стремились ослабить тех, чтобы затем захватить их земли. Это была коварная политика: овладев землями вассала и присоединив их к домену, король начинал урезать самоуправление коммун и облагал их тяжёлыми налогами. Внук Людовика Святого Филипп Красивый (1285-1314) присоединил к своим владениям Шампань и овладел богатым торговым городом Лионом; это был суровый король, правивший железной рукой и не останавливавшийся ни перед чем ради высшей цели – объединения Франции. Чтобы усилить свою армию, он требовал у баронов и епископов "королевскую талию" – денежную помощь, которую они по традиции обязаны были оказывать королю в затруднительных обстоятельствах; Филипп Красивый пытался превратить эту помощь в постоянный налог.

Заветной мечтой короля было овладение богатой Фландрией, которое позволило бы решить все финансовые проблемы. В конце XIII века города Фландрии находились на

вершине процветания и могущества. Население Гента и Брюгге достигло 50 тысяч человек; Брюгге превратился в центр европейской торговли, в его гавани теснились сотни неповоротливых торговых парусников – "коггов". Здания торговых рядов состязались величиной и красотой с готическими соборами, купеческие гильдии правили городами и диктовали свою политику фландрскому графу. По примеру городов сотни городков и деревень требовали у своих сеньоров свободы и самоуправления – и получали их за небольшой выкуп. Крестьяне Фландрии стали свободными – но демографическое давление возрастало, крайняя нехватка земли заставляла крестьянские общины отвоёвывать её у моря; крестьяне строили дамбы вдоль берегов и осушали землю в полосе прилива; повсюду стояли ветряные мельницы, откачивавшие воду с полей. Десятки тысяч безземельных крестьян ежегодно покидали свою родину и уходили на восток; они шли за Эльбу, где было много свободной земли и куда их приглашали местные монастыри и бароны. Многие шли в города и становились ткачами, но города не могли обеспечить работой всех; ремесленные предместья были переполнены голодающими безработными, с ненавистью смотревшими на дворцы хозяев города, купцов и мастеров. Купцы и мастера превратились в городское дворянство, "патрициат"; они выбирали из своей среды эшевенгов и считали обитателей расположенных за городскими стенами предместий низшими существами; они презрительно называли ткачей, выделявавших тонкие голубые сукна, "людьми с голубыми ногтями". Ткачам запрещалось иметь оружие, собираться числом больше семи и появляться на улицах города со своими орудиями труда. Когда случались перебои с поставками шерсти, купцы не давали ткачам работу и, опасаясь волнений, закрывали городские ворота; в предместьях начинался голод, и ткачи шли просить подаяния по дорогам Европы.

В конце концов, Сжатие, безработица и голод подняли ткачей на восстание – началась эпоха кровавых городских революций. Первый революционный взрыв произошёл в 1280 году в Ипре, затем голодающие ткачи поднялись по всей стране. Города стали ареной уличных боёв и кровавой резни; в конце концов, враждующие партии обратились за посредничеством к фландрскому графу Гюи де Дампьеру. Граф принял сторону простого народа и допустил ткачей к управлению городами; однако время от времени столкновения возобновлялись, и недовольные графом патриции постоянно призывали на помощь французского короля. Весной 1300 года французская армия вторглась во Фландрию, и патриции открыли французам ворота городов. Король Филипп Красивый прислал во Фландрию своего наместника, обложил города налогами и вернул всю власть богатым. Это вызвало новое восстание, ночью 17 мая 1302 года ткачи Брюгге внезапно ударили в набат и напали на патрициев и французов, тысячи людей были убиты до того, как взошло солнце. Королевская армия двинулась к мятежному городу – и навстречу ей выступило ополчение простого народа. Горожане знали, что пехота никогда ещё не выдерживала атаки рыцарей, и что многих из них ожидает смерть – но братья-францисканцы, пришедшие вместе с народом на поле боя, сумели поддержать их дух. Отступить было некуда – позади протекала многоводная река Лис; ополченцы окружили себя наполненными водой рвами и выставили вперёд копейщиков с длинными пиками. Рвы помешали рыцарям нанести первый сокрушительный удар, а когда они перебрались на другой берег, их встретили плотные ряды горожан, сражавшихся с мужеством отчаяния. Рыцарей сбрасывали в ров, а тех, кто сумел ворваться в ряды восставших, стягивали с седла крючьями на концах пик. Ожесточение восставших было таково, что вопреки обычаю, сброшенных с седла рыцарей не брали в плен; их добивали окованными железом дубинами. По свидетельству хрониста, бежавшие с поля боя рыцари от страха не могли есть; семьсот снятых с убитых золотых шпор были вывешены в соборе соседнего города Куртрэ.

"Битва шпор" при Куртрэ повергла в шок Францию и Европу: впервые в истории рыцарство было побеждено восставшим простонародьем. Король Филипп оказался в отчаянном положении: у него не было ни армии, ни денег, а в Париже шли разговоры о коммуне. В довершение всех бед папа Бонифаций VIII отлучил короля от церкви: папе не нравилось, что Филипп требовал талию с епископов и монастырей. Правда, ещё до "битвы

шпор" король собрал на "Генеральные штаты" представителей городов, дворянства и духовенства и заручился их поддержкой против папы. В 1303 году Филипп Красивый отправил в Италию небольшой отряд из наёмников, которые не боялись ни бога, ни дьявола; 7 сентября они ворвались в резиденцию папы в городе Ананьи и, угрожая мечами, потребовали у первосвященника отречься от сана. "Вот вам моя шея, вот вам моя голова, – гордо ответил 86-летний старец, – пусть я умру, но умру папой!" Выслушав ответ, предводитель наёмников Чьяра Колонна наотмашь ударил старика по лицу рукой в железной перчатке. Жестокие унижения довели Бонифация VIII до помешательства, и, хотя горожане Ананьи освободили папу из плена, он вскоре умер.

Избавившись от своего врага, король Филипп приложил все усилия, чтобы собрать талию и снарядить новую армию; в августе 1304 года французы одержали верх в сражении при Мон-ан-Певеле. Фландрия была вынуждена уплатить королю контрибуцию – но власть над городами осталась в руках ткачей. Управляемые народом фландрские города оставались рассадниками смуты, и Филипп Красивый готовился к новой войне; он сумел посадить на папский престол своего сторонника Клементя V и добился переезда папы из Рима в Авиньон на берегу Роны – в этом французском городе папы жили семьдесят лет. Подобно древним императорам "железный король" Филипп стал неограниченным повелителем своей страны, он запретил частные войны и заставил трепетать от страха могущественных баронов. Чтобы завладеть богатствами ордена рыцарей-тамплиеров, он обвинил их в ереси и после пыток отправил на костёр магистра ордена Жака де Молэ. Время от времени король собирал Генеральные штаты, которые покорно принимали все его требования и вводили новые налоги. В 1314 году король объявил о походе против Фландрии, но в разгар приготовлений внезапно скончался: говорили, что он был отравлен тамплиерами, мстившими за своего магистра.

Смерть "железного короля" привела к смуте во Франции: осмелевшие бароны объединились и потребовали от нового короля Людовика X (1314-16) восстановления своих привилегий – в том числе права на ведение частных войн. Затем начался голод, какого ещё не знала Франция; крестьяне толкли в ступах кору деревьев и пекли из этой муки хлеб. Голод был признаком начавшегося Сжатия: за XIII век население Франции увеличилось почти вдвое и достигло 18 миллионов; большая часть лесов была раскорчёвана под пашню – но земли всё равно не хватало. Тысячи безземельных крестьян были готовы работать за кусок хлеба, и рабство утратило всякий смысл – тем более в годы голода. Короли Франции и раньше из христианского милосердия освобождали своих крестьян – теперь они призвали всех своих вассалов дать крестьянам свободу. "Так как по естественному праву каждый должен родиться свободным, – гласил указ Людовика X, – но некоторым обычаем, с незапамятных времён установленным, множество нашего простого народа впало в рабство и другие зависимые состояния, мы, принимая во внимание, что королевство наше называется королевством франков ("свободных"), повелеваем, чтобы всюду в королевстве нашем... такие состояния несвободы приведены были к свободе..."

Возможно, что перед глазами диктовавшего указ Людовика стояла сцена из воспоминаний его прадеда: толпы горожан и крестьян, стоявшие вдоль дороги на Париж, и бедняки, молящиеся за своего короля... Конечно, освобождение проводилось за выкуп, и не все вассалы последовали королевскому примеру – но всё же в последующие десятилетия большая часть французских крестьян получила свободу – и они молились за своего короля.

Людовику не пришлось услышать эти молитвы; он умер – вероятно от яда – в 1316 году. Его преемники стали свидетелями нового взрыва фландрской революции – на этот раз на борьбу поднялись крестьяне, которые изгнали сеньоров и поделили их земли. Францисканские монахи ходили по деревням и проповедовали против господ; повсюду горели дворянские замки. Ткачи Брюгге примкнули к восставшим крестьянам и выслали на помощь им своё ополчение, а сеньоры призвали на помощь французского короля. В августе 1328 года у горы Кассель произошло решающее сражение; восставшие были разбиты, и французская армия заняла фландрские города.

Революция потерпела поражение, в города вернулись патриции, в деревни – дворяне. Стены городов были скрыты, тысячи восставших повешены, четвертованы, удушены в темницах. Спасаясь от казней, ткачи бежали в Англию; множество парусных лодок ночами пересекали пролив и выгружали на берег людей, их нехитрый скарб и самое ценное, что они могли взять с собой – доставшиеся от отцов ткацкие станки. Вместе с ткачами переселялась из Фландрии в Англию вся суконная промышленность; через столетие фландрское ремесло погибло под ударами английских конкурентов. Опустошённая террором, войнами и чумой Фландрия снова превратилась в сельскую страну, среди которой, подобно призракам, возвышались зарастающие бурьяном полумёртвые города – останки погибшей цивилизации. Каналы Брюгге занесло песком, огромные башни, некогда охранявшие вход в порт, смотрели на море пустыми глазницами, и только нищие рыбаки, ловившие в проливе сельдей, могли рассказать путнику о былых временах, о сотнях кораблей, теснившихся у причалов, и о тысячах купцов, толпившихся в торговых рядах.

"Умолк шум веселящихся, затихли звуки гуслей, уже не пьют вино с песнями; горько вино для пьющих его. Разрушен опустевший город, все дома заперты и нельзя войти..."

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

"Ни один свободный человек не может быть схвачен, посажен в тюрьму, лишён имущества, иначе как по законному приговору пэров."

Великая Хартия Вольностей.

Теперь нам нужно вернуться на три столетия назад, когда ещё не было ни городов, ни ремёсел, и остров Британия был покрыт густыми лесами. Среди лесов кое-где встречались деревни, монастыри и бревенчатые усадьбы англосаксов; на северо-востоке острова жили датчане, одно время владевшие всей страной, а на западе – потомки древнего кельтского населения, валлийцы. В середине XI века при короле Эдуарде Исповеднике, англосаксы освободились от датского владычества, но на смену одной опасности пришла другая – на господство над Англией стали претендовать норманны, обосновавшиеся по ту сторону пролива, в Нормандии. В 1066 году, после смерти Эдуарда, англичане избрали своим королём графа Гарольда, но нормандский герцог Вильгельм не признал этого избрания и, собрав большую армию, высадился в Англии. В октябре 1066 года рыцари Вильгельма наголову разгромили англосаксов, укрепившихся на холме Сенлак; Гарольд пал в битве, два месяца спустя Вильгельм был коронован в Лондоне короной английских королей.

Норманны, завоевавшие Англию, были непохожи на своих одетых в шкуры и вооружённых секирами предков, которые полтора века назад высадились на побережье Нормандии. Правнуки гордых викингов забыли язык своих дедов и превратились во франкских рыцарей; они не умели плавать по морям, но яростно рубились в конном бою. Нормандские герцоги научились управлять государством и с готовностью прислушивались к словам учёных епископов, передававших заветы Карла Великого. В то время, как в распавшемся государстве Каролингов царил анархия, герцоги умели поддерживать дисциплину среди своих вассалов и запрещали им строить замки и вести частные войны. Покорив Британию огнём и мечом, Вильгельм, прозванный Завоевателем, выделил феоды своим баронам, но сумел сдержать их алчность и дал всем почувствовать сильную руку короля. Подобно древним императорам, он проводил переписи и посылал чиновников собирать налоги; королевские замки высились по всей стране, внушая страх не только непокорным англосаксам, но и норманнским баронам.

Это было беспокойное время; норманны завладели поместьями и заставили крестьян отбывать барщину – но англосаксы не смирились. В густых лесах продолжали скрываться отряды "разбойников", и лихие молодцы вроде Робин Гуда неутомимо подкарауливали врагов. Англосаксы до такой степени ненавидели рыцарей, что во время баронских мятежей

с готовностью снаряжали ополченцев на подмогу королю. В 1135 году, после смерти бездетного короля Генриха I (1100-1135), началась война за престол; воспользовавшись безвластием, бароны стали строить замки и грабить чужие деревни – на какое-то время Англия погрузилась в анархию, подобную той, которая царила на континенте. Только в 1154 году враждующие партии согласились признать наследником престола графа Генриха Анжуйского, крупнейшего вассала французского короля, владельца всей Западной Франции.

Генрих II (1154-89) сумел смирить баронов и разрушить их замки; он правил железной рукой, лично решал все дела и беспрестанно разъезжал по стране, проверяя своих чиновников-шерифов. Генрих ввел королевские суды, забравшие часть дел у сеньоров и церкви – и вступил в конфликт с протестовавшим против этого архиепископом Фомой Бекетом. Спор был столь яростным, что король не сдержался и воскликнул: "Неужели нет никого, кто избавил бы меня от этого попа!" Придворные поняли это как приказ, и вскоре архиепископ был убит у алтаря собора в Кентербери. Папа отлучил от церкви всю Англию, и королю пришлось пройти унижительный ритуал покаяния; он встал на колени перед гробницей Фомы и во искупление греха подвергся ударам бича. Это унижение подорвало авторитет короля, начались мятежи, в которых принимали участие даже сыновья Генриха – король умер, так и не примирившись с ними.

Наследник Генриха, Ричард по прозвищу Львиное Сердце, был блестящим рыцарем, но плохим правителем: едва вступив на престол, он оставил страну и отправился в крестовый поход. Это был знаменитый Третий Крестовый поход, в котором три европейских государя, Ричард I, Филипп II и Фридрих Барбаросса, пытались отвоевать недавно захваченный мусульманами Иерусалим. Поход был неудачным; император Фридрих умер в пути, и его солдаты повернули назад; Ричард и Филипп поссорились между собой, король Франции вскоре вернулся на родину, и Ричарду со своими воинами пришлось вести неравные бои с полчищами мусульман. Прославившись геройскими подвигами, но ничего не добившись, король отправился в обратный путь, однако по дороге попал в плен к своему врагу, австрийскому герцогу Леопольду. Брат Ричарда Иоанн не торопился собирать выкуп, и королю пришлось провести в темнице два года, – однако, вернувшись в Англию, он уже через месяц покинул её, чтобы сразиться с Филиппом II и, в конце концов, погибнуть от случайной стрелы, выпущенной с башни осаждённого замка.

Наследовавший Ричарду Иоанн (1199-1216) был прозван Безземельным потому, что в своё время Генрих II не выделил ему удела – однако теперь он стал королём Англии и старался, по мере возможности, продолжить дело отца. Тяжёлая война с Филиппом II требовала от страны мобилизации всех сил, и Иоанн увеличил платежи, взимаемые с баронов и церкви. Это вызвало новый конфликт с папой – тем более, что римские первосвященники давно вели борьбу за право инвеституры епископов и связанные с ним доходы. До сих пор их главными противниками были императоры, но вот Империя оказалась поверженной, и настала очередь отлучения для английских королей. В 1209 году папа отлучил Иоанна от церкви, а затем поручил королю Франции организовать против него крестовый поход. На берегу Ла-Манша собралась огромная армия крестоносцев, и Иоанн поспешил принять все требования папы; он принял поставленного им архиепископа и признал себя вассалом Рима. Это уронило авторитет короля и многие бароны отказались следовать за ним на войну; в 1214 году англичане и их союзники были разгромлены французами при Бувине. Вернувшись в Англию, посрамлённый король стал требовать "щитовые деньги" у уклонившихся от похода баронов – в ответ бароны подняли мятеж и пошли на Лондон. Никто не хотел воевать, и никто не хотел платить налоги – король был оставлен всеми, у него осталось только семь верных рыцарей. 15 июня 1215 года Иоанн подписал все требования, которые предъявили ему бароны, – этот документ назывался Великой Хартией Вольностей.

Спустя много веков, в Новое Время, "Великую Хартию Вольностей" стали считать основанием английской свободы и демократии. "Ни один свободный человек, – говорилось в Хартии, – не может быть схвачен, посажен в тюрьму, лишён имущества, иначе, как по законному приговору пэров или по закону страны". Однако в Англии XIII века было мало

"свободных людей", а привилегией суда пэров – "равных" -пользовались лишь бароны. Хартия была договором, перечислявшим "вольности" баронов и ограничивавшим права короля – в том числе право на взимание податей и "щитовых денег": дополнительные сборы могли производиться только с согласия съезда знати. Съезды знати были старой германской традицией, ведущей начало ещё от "майских полей"; они бытовали во всех европейских королевствах и назывались в Германии сеймами, во Франции штатами, а в Англии сначала уитенагемотами, а позже – "парламентами", "собраниями, в которых говорят". Сильные короли диктовали этим "парламентам" свою волю, а слабые подчинялись им – всё дело было лишь в силе королевской власти.

Сын Иоанна Генрих III (1216-72) на словах признавал "Великую Хартию", но на деле постоянно нарушал её статьи – это вызвало новую войну между баронами и королём. После мира, заключённого в 1267 году, королям пришлось считаться с парламентом, в который были постепенно включены представители городов и мелкого рыцарства. Попытки править самостоятельно вызвали новые восстания; в 1326 году король Эдуард II был захвачен в плен, низложен и зверски убит баронами.

Постепенно в стране устанавливалось баронское правление, бароны строили замки и порабощали крестьян в своих поместьях. В XIII веке фландрские города стали платить большие деньги за английский хлеб – и сеньоры стали создавать хлебные плантации, заставляя крестьян работать на барщине. "Они преследуют нас, как собаки преследуют зайцев на холме", – жаловался крестьянин в старинной песне. Барщина считалась рабской повинностью, и в XIII столетии появились документы о массовых порабощениях, о признании перед лицом суда несвободным населения целых деревень.

В конце концов, в Англии произошло то же, что и во Франции – с опозданием на два столетия. Англия приняла характерный облик феодального общества – бессильные короли, могучие замки сеньоров и нищие деревни рабов. Правда, Англия не долго сохраняла этот облик – в XIV веке, так же, как и на континенте, на острове началось Сжатие. Перенаселение заставило сеньоров отпускать своих крестьян на заработки, рабочие руки теперь ничего не стоили, и стало выгоднее нанимать подёнщиков, нежели содержать весь год барщинных рабов. В начале XIV века многие сеньоры отказались от барщины, и их крестьяне фактически получили свободу – хотя формально они оставались рабами. Многие в поисках работы ушли в города, и в стране оживилась городская жизнь – хотя английские города не могли сравниться со "знатными" городами соседней Фландрии. Единственным значительным городом-коммуной был Лондон, в котором насчитывалось около 20 тысяч жителей, и было несколько построенных приглашёнными французскими мастерами готических церквей. В Оксфорде местный епископ основал университет, где готовили учёных богословов и где в XIII веке преподавал знаменитый астролог и алхимик Роджер Бэкон. Бэкон жил в башне, на вершине которой ночами проводил свои наблюдения, что-то измерял и чертил с помощью странных приборов – его считали колдуном и суеверно боялись. Он составил трактат, в котором в нарочито туманных, понятных лишь посвящённым, фразах писал о секрете пороха и увеличительных стёкол; он учил определять местонахождение с помощью широты и долготы. В конце концов, Бэкона обвинили в колдовстве и заточили в тюрьму, откуда он вышел лишь незадолго до смерти.

Англия была страной на краю цивилизованного мира, и, если на юге острова были города и университеты, то на севере и западе простирались суровые плоскогорья, где жили воинственные полуварварские племена кельтов. В городах Уэльса было мало плодородных земель, и кельты-валлийцы вели жизнь пастухов; так же как скандинавы, они издавна привыкли сражаться за пастбища и проводили жизнь в межклановых распрях или в войнах с англичанами. У валлийцев не было рыцарей, но они были отменными стрелками из лука; у них были луки в рост человека, из которых они делали по десять выстрелов в минуту, пробивая латы на расстоянии в двести шагов. Валлийцы тренировались в стрельбе всю жизнь, и достигали такого искусства, что могли за сотню шагов поразить монету; это были природные воины, и англичанам, в конце концов, удалось завоевать Уэльс лишь потому,

что местные кланы постоянно враждовали друг с другом. Валлийские лучники охотно нанимались в королевскую армию, и в XIV веке, когда бароны не хотели воевать за короля, английская армия состояла в значительной степени из валлийцев. В 1337 году король Эдуард III объявил войну Франции; так же, как и французские короли, он мечтал овладеть богатыми фландрскими городами. Англичане уничтожили в битве при Слейсе французский флот и в 1346 году высадились в Нормандии, опустошив эту провинцию. Французский король Филипп VI собрал рыцарей со всей Франции и с огромным войском выступил против англичан, которые, не принимая боя, уходили на север, во Фландрию. 26 августа французы настигли английскую армию на равнине близ города Кресси. С утра шёл дождь, но после полудня выглянуло солнце, оно светило в лицо французам и отражалось в их полированных стальных панцирях...

СОЛНЦЕ КРЕССИ

*Стрелы опускались и вонзались
так густо, словно шёл снег...*

Хроника Фруассара.

Солнце играло в позолоченных шлемах и чеканных гербах, блестело в шелковых плащах и на остриях копий. Французское рыцарство собралось на праздник, на большой турнир, где не было прекрасных дам, но было целое созвездие графов и герцогов – и даже полуслепой старик, император Иоанн, прибыл сюда, чтобы пару раз взмахнуть мечом – и достойно завершить свой рыцарский путь.

Англичане стояли на вершине длинного холма, как будто не собираясь принять участие в празднике. Их было немного, тысяч двадцать – в три или четыре раза меньше, чем французов. Они выставили вперёд пять рядов лучников, а спешенные рыцари почему-то прятались за спины простонародья. Впрочем, лучники всегда начинали сражение – и французы тоже послали вперёд наёмных генуэзских арбалетчиков. Генуэзцы не проявили себя: они стреляли гораздо медленнее англичан и быстро показали им спины – так что разъярённый король приказал рыцарям бить бегущих. На какой-то момент ряды французов смешались – но вот первая линия рыцарей пошла вперёд. Масса всадников раскачивалась на скаку, как волна, пышные султаны вздымались над блестящими шлемами, и шелковые накидки крыльями развевались на ветру. Полуслепой Иоанн попросил своих друзей поддержать его, и они, перевязав поводья лошадей, сомкнулись вокруг императора. Внезапно раздался гулкий звук залпа из тысяч луков – и стрелы стали падать густо, как снег. Они пронзали латы, шлемы, щиты – и рыцари сотнями валялись под копыта коней. Лошади бесились, почувствовав в себе стрелу, и сбрасывали седоков; весь склон холма был устлан трупами – и мало кто доскакал до линии лучников. Император Иоанн со своими товарищами прорвался к стоявшим за лучниками рыцарям и исполнил свою мечту, нанёс несколько ударов мечом и погиб. Граф Фландрский и граф д'Алансон были найдены на следующий день в окружении своих погибших рыцарей: они не дрогнули и лежали, сжимая мечи, лицом к врагу.

Теперь очередь была за второй линией французов, выстроившейся для атаки. Четыре тысячи рыцарей вели герцог Лотарингский и граф де Блуа; им удалось отбросить английских стрелков, которые укрылись за спинами своих рыцарей – но продолжали стрелять поверх их голов. Французы сбили наземь знамя принца Уэльского, командовавшего первой линией англичан, – но рыцари встали вокруг принца стеной и отбросили французов; герцог Лотарингский и граф де Блуа погибли.

У французов оставалась ещё третья линия рыцарей, которой командовал сам король Филипп. Никто здесь не спрашивал, можно ли поправить дело и не дожидаться сигнала атаки: как только поле боя немного расчистилось, французы пошли вперёд. Под королём Филиппом была убита лошадь, и он пересел на другую; соратники стали убеждать короля отказаться от

личного участия в битве. "Вы потеряете эту битву, но можете выиграть другую, – говорили они. – Вы одни не сможете помочь горю". Сир де Гэно и маршал де Монморанси взяли королевскую лошадь под узды и вывели её из сечи. Филипп остановился поодаль; уже стемнело, с холма доносился шум битвы, повсюду кричали раненые. Цвет французского рыцарства лежал здесь на поле брани – и многие были ещё живы, и он знал многих из них. Король не мог уйти просто так, он стоял и слушал шум боя, и горестные мысли лежали на его душе. Он понимал, что это – не просто битва, в которой рыцари были расстреляны лучниками, как куропатки. Это был конец рыцарской эпохи, и дальше начиналось другое время, когда господином будет не рыцарь, а плебей с луком в руках.

Он стоял и думал, а вокруг вслепую падали стрелы – как будто шёл снег.

КОНЕЦ ЭПОХИ

*Число умиравших в городе днём и ночью
было столь велико, что страшно было
слышать о том, не то, что видеть.*

Боккаччо. Декамерон.

В чём суть времен и что отличает одну эпоху от другой? Где пролегает черта между прошлым, настоящим и будущим? Древний мир был отделён от средневековья видимой гранью – огнём пожаров и гибелью цивилизации – и всё это было следствием великого Фундаментального Открытия, изобретения седла, стремени и сабли. Эти изобретения попали в руки варваров и породили волну нашествий, стёршую с лица земли древние города и государства; возделанные равнины снова заросли лесами, и мир вернулся к первоистокам. Символом новой эпохи, Средневековья, стал всадник-рыцарь, привставший в стременах и замахнувшийся на врага мечом; рыцари построили замки и закабалили крестьян. Со временем крестьяне распахали новые поля и заселили новые деревни, затем появились города, ремёсла и родилась новая цивилизация. Снова началось Сжатие и голод, и в городах вспыхнули первые революции, а первые абсолютные монархи стали освобождать крестьян. История шла по накатанной дороге, которая называется ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ЦИКЛОМ, население росло, голод повторялся всё чаще, и голодающие снова и снова поднимались на восстания. В этот самый момент появилось новое Фундаментальное Открытие – Большой Лук, породивший новые волны завоеваний. На Востоке новый лук стал оружием варваров-монголов, которые покорили полмира, разрушая города и вырезая целые народы. Тысячи гниющих трупов лежали в полях и на дорогах, распространяя повсюду смертельное дыхание чумы. На Западе Большой Лук нанёс свой первый удар в битве при Кресси – и второго удара уже не понадобилось: его нанесла пришедшая с Востока Чёрная Смерть. Это была катастрофа, какой ещё не видел мир, нечто более страшное, чем нашествие варваров. Великий писатель Боккаччо оставил потомкам описание того, что происходило в те дни во Флоренции; он писал, не будучи уверен, что останется в живых – но ему посчастливилось выжить.

* * *

"Со времён благотворного вочеловечивания Сына Божия минуло 1348 лет, когда славную Флоренцию, прекраснейший из всех итальянских городов, постигла смертная чума, которая, под влиянием ли небесных светил или по нашим грехам посланная праведным гневом Божьим на смертных, за несколько лет перед тем открылась в областях востока и, лишив их бесчисленного количества жителей, безостановочно двигаясь с места на место, дошла, разрастаясь плачевным образом, и до запада.

Приблизительно к началу весны означенного года болезнь начала проявлять своё плачевное действие страшным и чудным образом. Не так, как на востоке, где кровотечение

из носа было явным знаменем неминуемой смерти: здесь в начале болезни у женщин и мужчин являлись в паху или подмышками какие-то опухоли, разраставшиеся до величины яблока или яйца, одни больше, другие меньше; в короткое время эта смертоносная опухоль распространялась от указанных частей тела и на другие, а затем признак указанного недуга изменялся в чёрные и багровые пятна, появлявшиеся у многих на руках и бёдрах и на всех частях тела, у иных большие и редкие, у других мелкие и частые. И как опухоль являлась в начале, да и позднее оставалась вернейшим признаком близкой смерти, таковыми были и пятна, у кого они показывались; только немногие выздоравливали, и почти все умирали на третий день после появления указанных признаков, одни скорее, другие позже, и большинство без лихорадочных или других явлений.

Развитие этой чумы было тем сильнее, что от больных, через общение со здоровыми, она переходила на последних, совсем так, как огонь охватывает сухие или жирные предметы, когда они близко к нему подвинуты. И ещё большее зло было в том, что не только беседа или общение с больными переносили на здоровых недуг и причину общей смерти, но, казалось, одно прикосновение к одежде или другой вещи, которой касался или пользовался больной, передавало болезнь дотрагивавшемуся: лохмотья бедняка, умершего от такой болезни, были выброшены на улицу; две свиньи, набредя на них, по своему обычаю, долго теребили их рылом, потом зубами, мотая их из стороны в сторону, и по прошествии короткого времени, закужившись немного, точно поев отравы, упали мёртвые на злополучные тряпки.

Такие происшествия и многие другие, им подобные и более ужасные, порождали разные страхи и фантазии в тех, которые, оставшись в живых, почти все стремились к одной жестокой цели: избегать больных и удаляться от общения с ними и их вещами; так поступая, думали сохранить себе здоровье. Некоторые полагали, что умеренная жизнь и воздержание от всех излишеств сильно помогают противодействовать злу; собравшись кружками, они жили, отделившись от других, укрываясь и запираясь в домах, где не было больных, а им самим было удобнее... Другие, увлечённые противоположным мнением, утверждали, что много пить и наслаждаться, бродить с песнями и шутками, удовлетворять по возможности всякому желанию, смеяться и издеваться над всем, что приключается, – вот вернейшее лекарство против недуга. И как говорили, так, по мере сил, приводили и в исполнение, днём и ночью странствуя из одной таверны в другую, выпивая без удержу и меры, чаще всего устраивая это в чужих домах, лишь бы знали по слуху, что там всё будет по ним и в их удовольствие. Делать это им было легко, ибо все предоставили себя и своё имущество на произвол, точно им больше не жить; оттого большая часть домов стала общим достоянием, и посторонний человек, если вступал в них, пользовался ими так же, как пользовался хозяин... При таком бедственном и удручённом состоянии нашего города почтенный авторитет как божеских, так и человеческих законов почти упал и исчез, потому что их служители и исполнители, как и другие, либо умерли, либо хворали, либо у них оставалось так мало служилого народа, что они не могли отправлять никакой обязанности, почему всякому было позволено делать всё, что заблагорассудится.

Иные были более сурового, хотя, быть может, более верного мнения, говоря, что против заразы нет лучшего средства, как бегство перед ней. Не станем говорить, что один гражданин избегал другого, что один сосед почти не заботился о другом, родственники посещали друг друга редко, или никогда, или виделись издали: бедствие воспитало в сердцах мужчин и женщин такой ужас, что брат покидал брата, дядя – племянника, сестра – брата, и нередко жена мужа; более того и невероятнее: отцы и матери избегали навещать своих детей и ходить за ними, как будто это были не их дети.

От всего этого и от недостаточности ухода за больными, и от силы заразы, число умиравших в городе днём и ночью было столь велико, что страшно было слышать о том, не только что видеть. При этом не оказывали почёта ни слезам, ни родственным связям, ни сочувствию; наоборот, дело дошло до того, что об умерших людях думали столько же, сколько теперь об околевшей козе. Так как для большого количества тел, которые каждый день и почти каждый час свозились к каждой церкви, не хватало освящённой для погребения

земли, особенно, если бы, по старому обычаю, каждому захотели отводить особое место, то вырывали огромные ямы, куда сотнями клали приносимые трупы, нагромождали их рядами, как товар на корабле, и засыпали немного землёй, пока не доходила до краёв могилы.

Если для города година была тяжёлая, она ни в чём не пощадила и окрестностей. В разбросанных поместьях и в полях жалкие и бедные крестьяне и их семьи умирали без помощи медика и ухода прислуги, по дорогам, на пашне и в домах, днём и ночью, не как люди, а как животные. Вследствие этого и у них, как и у горожан, нравы разнуздались, и они перестали заботиться о своём достоянии и делах; наоборот, будто каждый наступивший день они чаяли смерти, они старались не уготовлять себе будущие плоды от скота и земель, и от своих собственных трудов, а уничтожали всяким способом то, что уже было добыто. Оттого ослы, овцы и козы, свиньи и куры, даже преданнейшие человеку собаки, изгнанные из жилья, плутали без запрета по полям, на которых хлеб был заброшен, не только что не убран, но и не сжат".

* * *

Чёрная Смерть унесла около половины населения Европы, многие города вымерли почти полностью. Жители бежали из поражённых чумой городов и боялись возвращаться назад – потому что Чёрная Смерть тоже возвращалась и забирала тех, кому посчастливилось в первый раз. Деревни тоже опустели и многие поля превратились в пастбища или заросли лесом. Вдобавок, отряды лучников продолжали опустошать Францию. В 1356 году в битве при Пуатье англичане еще раз разгромили французских рыцарей и взяли в плен короля Иоанна. Некогда грозные и бесстрашные рыцари бежали с поля боя, и горожане освистывали и обливали помоями беглецов. Страх, который когда-то испытывали простолюдины перед рыцарями, исчез, и низшие сословия дружно восстали против господ. Наследник престола бежал из восставшего Парижа, а крестьяне собирались в отряды и штурмовали рыцарские замки. Франция погрузилась в хаос гражданской войны, "виноградники не возделывались, поля не вспахивались, быки и овцы не бродили по пастбищам, церкви и дома повсюду носили следы всепоглощающего пламени..."

Начиналась новая историческая эпоха.

Глава V Между Западом и Востоком

*Из-под дуба, дуба, дуба сырого,
Из-под того камешка, из-под яхонта,
Выходила-выбегала мать Волга-река.
Былина о Соловье Будимировиче.*

ЖИЗНЬ СЛАВЯНСКИХ ЛЕСОВ

Когда-то в незапамятные времена, когда арийские племена вырвались из Великой Степи и обрушились на окружающий мир, часть из них двинулась на запад – в Европу. Бородатые воины на боевых колесницах подчинили местных жителей и со временем перемешались с ними, образовав новый народ, потомками которого были славяне и германцы. Позже, в I тысячелетии до нашей эры, из Степи пришли новые завоеватели, народ всадников, умевших на полном скаку стрелять из лука – на востоке их звали киммерийцами, а на западе – кельтами. Кельты заняли лучшие земли Европы, оттеснив одни из сопротивлявшихся племен в Скандинавию, а другие – за Карпаты. За Карпатами простиралась обширная равнина, покрытая бескрайними дремучими лесами; по равнине на

север текли многоводные реки – Одер и Висла. Лесная страна от Одера до верховий Днепра стала родиной нового народа – славян.

Славянские леса удивляли путешественников с Запада, приезжавших за Вислу в те времена, когда фландрские крестьяне уже вырубали в своей стране все рощи, осушили все болота и отвоевывали землю у моря. Они с восхищением описывали зеленое царство, наполненное пением птиц и жужжанием пчёл – рои пчёл висели на каждом дереве, и из каждого дупла можно было зачерпывать ложкой мёд. Правда, западным послам не нравились здешние суровые зимы, когда всю страну на много месяцев покрывал снег, и люди отсиживались в бревенчатых полуземлянках, с тоской ожидая лета. В день весеннего равноденствия, 24 марта, все высыпали из пропахших дымом изб, кружили хороводы и праздновали приход весны. Этот праздник назывался "Масленица" – в честь побеждающего солнца в этот день пекли блины с маслом, пускали с горы в реку горящие колёса и сжигали соломенное чучело зимы. Одновременно праздновали пробуждение природы и её царя, хозяина лесов и священного покровителя славян – его настоящее имя было запрещено произносить вслух и его почтительно называли "мёд ведающий" – медведь. Подлинное имя этого священного зверя случайно сохранилось в слове "берлога", "логово бера", – медведя в действительности звали бером. В честь него устраивали пляски в медвежьих шкурах, "комоедицы" – у греков, которые имели со славянами общих предков, медвежьи пляски назывались "комедией".

Вслед за приходом весны начиналось время сева. В лесах было много земли, но, чтобы расчистить для посева небольшую "подсеку", нужно было объединить усилия всего рода. Срубленные прошлым летом деревья поджигали, а потом сеяли зерно прямо в тёплую золу между обгоревших пней – новая "подсека" давала обильный урожай и без вспашки. На следующий год все вместе обрабатывали землю мотыгами или лёгкими сохами, в которые раньше впрягались сами родовичи, а потом стали впрягать волов. Соха только слегка рыхлила землю между пнями – этого было достаточно; ещё через год подсека переставала давать урожай и её забрасывали, переходя на новое место. У славян было много земли, много зерна и мёда, им не было нужды сражаться за пастбища, как сражались германцы и скифы; они были мирным народом и поклонялись мирным земледельческим богам – богу плодородия Яриле, богу скота Велесу, богу Солнца Даждьбогу. "Великой матерью" славян была "мать-сыра-земля", Макошь, а богиней любви и веселья – Лада. Праздник Лады и Ярилы справлялся тёплой ночью между днями самого высокого солнца, 23-24 июня; в христианские времена эту ночь стали называть ночью накануне Ивана Купалы – так именовали на Руси святого Иоанна Крестителя. По поверьям в эту ночь выступали из земли все скрытые в ней сокровища. В полночь расцветал цветок папоротника – тот, кому посчастливилось дотронуться до него, становился всеведущим, видел всё, что скрыто в земле, понимал язык зверей и деревьев. Роса приобретала волшебную целительную силу, и девушки купались в росе, чтобы стать ещё красивее. Юноши и девушки в венках из цветов водили хороводы у костра и, взявшись за руки, прыгали через огонь – если они не размыкали рук, то им суждено было стать супругами. Потом тьма сгущалась, и наступало время любовных игр и ночных купаний в тёплых речных заводях.

Маленькие неукреплённые деревеньки славян располагались обычно на берегах рек, в них было с полдесятка рублёных изб с соломенными крышами; на Руси такая родовая деревня называлась погостом или вервью. Все дела погоста решались на общей сходке родовичей, и здесь же из уважаемых старцев выбирали родового старейшину. Одна деревня могла отстоять от другой на полста километров, земли было много, и славяне никогда не воевали между собой – но им часто приходилось воевать с соседями. По южной окраине страны славян проходила граница между двумя чуждыми друг другу мирами – миром лесов и миром степей. В степи постоянно бушевали войны за пастбища, там поклонялись мечу и исповедовали принцип "убей первым". В лесах не было пастбищ, и кочевники не хотели селиться там – но они постоянно совершали набеги на деревни славян, расположенные близ степной границы, убивали мужчин и забирали в полон женщин. Память веков придала

страшной кочевой орде образ огнедышащего многоглавого змея, сжигающего деревни и пожирающего людей:

Та змия беспощадно пожирала людей,
Не минаючи ни старого, ни малого,
Там, где вона з'являлась,
Люди гинули, як трава пид ногами скоту
И як просо на солнці.

Сказания говорят, что славян спас бог огня Сварог, бросивший с неба кузнечные клещи: этими клещами кузнецы Кузьма и Демьян ухватили змея, запрягли в плуг и пропахали огромный ров с валом – "аж до Днепра". "И теперь показывают – "Змеиный вал", только он уже не так высок, как раньше..."

Сражаясь со степняками, славяне учились воевать и поклоняться богам войны – грозному громовержцу Перуну и крылатому псу Смарглу. Во времена князя Владимира на горе в Киеве стоял огромный идол Перуна с серебряной головой и золотыми усами – и ему приносили человеческие жертвы, прося помощи перед сражением. Конечно, набег кочевников продолжались и после возведения "Змеиного вала", и русские легенды наполнены воспоминаниями о битвах со "Змеем". Со временем эти легенды всё больше сливались с реальностью; их героями становились исторические лица, князья, богатыри и степные ханы, и сказка превращалась в живую историю:

Ещё было во городе Киеве,
Що у ласкового князя у Владимира,
Было на дворе три богатыря,
Проживали все у князя Владимира,
Оберегатели были красну Киеву...

НА БЕРЕГАХ ДУНАЯ

*Та змия беспощадно пожирала людей,
Не минаючи ни старого, ни малого.
Сказание о Козьме и Демьяне.*

Б орба со Степью была вечным сюжетом славянской истории, вечной драмой с бесчисленным количеством действий. Великая Степь постоянно кипела от войн, и побеждённые орды бежали на запад – бежали с отчаянной решимостью погибнуть или завоевать себе новую родину. Той обетованной землёй, куда устремлялись кочевники, была Паннонская равнина, отделённая от Степи Карпатами – беглецы надеялись, что их не будут преследовать за горами. Равнина на берегах Дуная была когда-то покрыта лесами, но пожары и стада кочевников постепенно превратили её в плоскую, поросшую ковылём степь. В середине VI века Паннонской равниной и причерноморскими степями завладели авары – страшная орда всадников, сидевших в сёдлах, опираясь на стремени и рубивших врагов саблями. У славян, живших в лесах по окраинам степи, не было воинов-всадников, и авары обратили их в рабов. «Си же Обри воеваху на Словенах, – говорит „Повесть временных лет“, – и примучища Дулебы, сущая Словены, и насилье творяху жёнам Дулебским: аще поехати будяще Оборину, не дадяще впрягсти ни коня, ни вола, но ведяше впрягсти 3 ли, 4 ли, 5 ли жён в телегу и повести Обрена, и тако мучаху Дулебы». Посреди равнины, на Дунае, авары построили огромный военный лагерь, окружённый девятью поясами рвов и валов, – «Хринг» – отсюда они совершали набег, опустошая Европу от Босфора до берегов Рейна. В этих походах авары заставляли принимать участие все покорённые ими народы – в том числе

и славян. В 626 году авары и славяне осадили Константинополь и придвинули к стенам города 12 огромных осадных башен; лишь чудо спасло Римскую империю от гибели. Воюя вместе с непобедимыми аварами или уходя от своих жестоких повелителей, славяне заняли обширные области на Балканах – теперешние Сербию, Хорватию и Словению; отдельные племена проникли до южной оконечности полуострова. На западе славяне заселили Чехию и продвинулись до Эльбы, а на севере они вышли к берегам Балтийского моря.

Славяне не раз восставали против авар, и уже в середине VII века многие славянские племена стали независимыми от кочевников. В VIII веке на западе Европы произошло великое и грозное событие – рождение на свет рыцарской державы франков. В кровопролитных войнах франки покорили германские племена между Рейном и Эльбой и столкнулись лицом к лицу с аварами. Император Карл Великий приказал своим полководцам остановить бесконечные аварские набеги, и в 795 году железные рыцари франков разгромили лагерь авар на Дунае. После этого авары внезапно пропали со страниц истории: "Погибоша, аки обре, их же нет, ни племени, ни потомства", – говорит русская летопись. Вероятно, авар постигла обычная судьба малочисленных завоевателей: их войны брали себе славянских жён и наложниц, их дети были уже наполовину славянами, а их правнуки превратились в славянскую племенную знать. Когда после разгрома дунайской ставки держава авар распалась, то на её месте образовалось несколько славянских княжеств – от самих же авар не осталось ничего, кроме легенд и преданий.

Одним из новых славянских княжеств была Моравия, располагавшаяся на землях между Дунаем и склонами Чешских Татр. Западными соседями моравов были франки, и франкские рыцари год за годом совершали походы на восток, пытаясь подчинить Моравию. Римский папа присылал к моравам проповедников, которые крестили многих князей и крестьян, однако их проповедь часто встречала непонимание: приходившие с запада монахи читали Библию на латыни. В 862 году набожный князь Ростислав послал послов в Константинополь: "Наши люди оставили язычество и приняли христианство, – говорили послы, – но нет у нас таких учителей, которые наставили бы нас в истинной вере на нашем языке. Поэтому пошли нам, государь, такого епископа и учителя – ведь от вас во все стороны исходит добрый закон". Император Михаил созвал церковный собор и обратился к известному своей учёностью священнику Константину из Фессалоники, знавшему многие языки и проповедовавшему святую веру народам, жившим за Чёрным морем. "Я пойду туда с радостью, – отвечал Константин, – если только они имеют письмена, которыми можно было бы изложить Слово Божие". "Мы искали их и не нашли, – сказал император, –но, может быть, бог даст их тебе". И вот в ответ на молитву Константина Господь открыл ему письмена, Константин составил азбуку и начал переводить Евангелие: "Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог..." С этой азбукой и Евангелием Константин прибыл в Моравию, был с радостью принят Ростиславом и проповедовал перед славянами на понятном им языке: "И отверзлись уши глухих, и услышали слова Писания, и ясен стал язык косоязычных". Латинские священники неодобрительно смотрели на проповедь Константина: они считали, что Библию можно передавать лишь на латыни, на греческом или еврейском. Чтобы разрешить этот спор, Константин поехал в Рим к папе, и папа Адриан освятил славянские книги – так получилось, что везде в Европе служба велась на латыни, и лишь православные славяне и греки исполняли её на своих языках. Все славяне, от Дуная до Днепра и Вислы, в те времена говорили на одном языке – и славянские племена как великую ценность передавали друг другу азбуку, созданную Константином Философом; из Моравии она попала в Болгарию, а от болгар – на Русь.

Случилось так, что Константин заболел в Риме и перед смертью принял монашество и имя Кирилла; его проповеди продолжал его брат Мефодий. Мефодий был архиепископом Моравии, он закончил начатый братом перевод Библии и построил несколько каменных храмов. Однако после смерти Мефодия политика римского папы внезапно изменилась; он запретил богослужение на славянском языке, а ученики Мефодия были вынуждены спасаться от гонений и бежать в Болгарию. Вскоре погибло и само Моравское княжество: в

896 году на равнину Паннонии ворвалась венгерская орда; в битве у Пресбурга моравы были разбиты, и венгры заняли когда-то принадлежавшие аварам придунайские степи.

До своего переселения на запад венгры обитали в приуральских степях; они были родственниками ханты, манси и других финноугорских народов. Когда хозяевами Великой Степи стали тюрки, они оттеснили хантов в тайгу и прогнали венгров на западный край степного мира, в Паннонию. На какое-то время беглецы из Азии стали господами Европы, они поработили паннонских славян и принялись опустошать окрестные страны – вплоть до берегов Атлантического океана и Средиземного моря. Лишь в 955 году германским рыцарям удалось собраться с силами и разгромить Орду в битве на Лехском поле; набеги прекратились и венгры стали устраиваться на завоёванной ими земле.

Так же, как и другие степные народы, венгры жили родами и племенами; каждый род владел землями протяжённостью в полста или даже в сто километров. Летом венгры кочевали в степи, а зимой собирались на родовой стоянке, в окружённом частоколом посёлке; в этом посёлке жили принадлежавшие роду рабы, они пасли скот и возделывали окрестные поля. Рабы-славяне со временем переняли язык своих господ и, оставшись рабами, превратились в венгров. Позже, когда пришло время нехватки пастбищ, рабы и поля были поделены между родовичами, причём рядовым кочевникам досталось разве что несколько семей рабов, а вождям – многочисленные деревни. После битвы на Лехском поле венгерские вожди стали с уважением относиться к немецким рыцарям и приходившим из Европы миссионерам; в конце X века один из вождей рода Арпадов принял христианство и по крещении получил имя Стефана – венгры произносили это имя "Иштван". Стефан стал приглашать на службу немецких рыцарей и выделять им деревни с рабами; благодаря рыцарям он подчинил все венгерские племена и заставил венгров принять христианство. Папа и император признали Стефана христианским королём, и в 1000 году папский посол возложил на его голову привезённую из Рима корону.

Стефан, прозванный позднее Святым, пытался обустроить свою страну по германскому образцу; он строил бурги и селил в них начальников округов – "ишпанов"; он основал множество монастырей, построил церкви и ввёл церковную десятину. Однако после смерти Стефана приверженные старым обычаям кочевники восстали против десятины, против епископов и ишпанов; страна снова распалась на враждующие племенные княжества, и лишь в XII веке королям из династии Арпадов удалось примирить венгерские роды со своей властью. К этому времени венгры уже перестали кочевать и жили в домах, родовые вожди построили замки и превратились в могущественных баронов, а свободные родовичи составили многочисленное и воинственное дворянское сословие. Мало кто из этих дворян владел полным рыцарским вооружением, но даже те, у кого были лишь конь и сабля, предпочитали земледельческому труду междоусобные войны и лихие набеги. Бароны собирались на собрания-сеймы и обсуждали вместе с королём и епископами государственные дела; иногда они свержали неугодных королей, а иногда воевали между собой. Всё это напоминало порядки соседней Германии – если можно назвать порядком ту анархию, которая воцарилась в Германии после падения императорской власти. Кроме того, в отличие от Германии, в Венгрии не было городов – была только бесконечная равнина, жалкие деревни рабов и бревенчатые замки, у ворот которых стояли виселицы.

СУДЬБА ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

*Славяне эти пришли и сели на
Висле и прозвались ляхами, а
от тех ляхов пошли поляки...*

Повесть временных лет.

Венгры покорили славян, живших на Паннонской равнине, но племенам, обитавшим в лесах за Карпатами и Бескидами удалось отстоять свою независимость. Самыми сильными из этих племён были чехи с берегов Влтавы и жившие за Одером поляне; после долгих войн

они сплотили вокруг себя два мощных племенных союза, которые со временем превратились в Чешское и Польское королевства.

Основателем чешского государства по традиции считается князь Вацлав (921-29), объединивший чехов, построивший на Пражском холме деревянный собор Святого Вита и пригласивший немецких священников, чтобы крестить свой народ. Приверженные к языческим богам чехи поначалу плохо приняли христианских проповедников, и Вацлав был убит собственным братом – впоследствии церковь провозгласила убитого князя святым покровителем Чехии. Преемники Вацлава продолжили политику модернизации по образцу соседней Германии, они строили бурги-"гроды" и садили в них своих наместников-"комесов", – точно также поступал и первый князь полян Мешко (960-92). В правление великого императора Оттона I восстановленная Империя достигла вершины своего могущества и немецкие рыцари не раз вторгались в славянские леса; они покорили славян, живших на Эльбе и вышли к Одеру. Славянским князьям вольно или невольно приходилось копировать порядки могущественной Империи, строить замки и церкви, заводить своё рыцарство и своих графов-комесов. Чешские князья при этом признали себя вассалами императора, и их княжество вошло в состав Империи; поляки, напротив, часто воевали с немцами и заставили их признать свою независимость. Польский князь Болеслав Храбрый (992-1025) в борьбе с Германией пытался объединить всех славян, ходил походами на Прагу и Киев и в 1025 году принял титул короля. Однако после смерти Болеслава в Польше начались восстания язычников и недовольной усилением князей родовой знати.

Как в Польше, так и в Чехии графами-комесами обычно назначались главы местных знатных родов, "сиятельные паны"; они содержали дружины из одетых в кольчуги рыцарей и выделяли им поместья и захваченных в войнах рабов. Со временем поместья стали наследственными и рыцари превратились в военное сословие – "шляхту"; графы – как повсюду в Европе – вышли из подчинения князей и стали полунезависимыми владыками; они воевали между собой и выбирали князей на сеймах. Часть крестьян была закабалена шляхтой, но большинство сохранило свою свободу – в значительной степени благодаря немцам: в XIII веке в славянские земли и в Венгрию стали прибывать уходившие от безземелья немецкие крестьяне-госпиты; их с радостью принимали и давали им льготы – а потом стали давать такие же льготы и своим крестьянам, иначе они уходили к госпитам. Вслед за крестьянами и монахами приходили и немецкие рыцари, в XII веке они захватили Силезию и Поморье, и в дальнейшем эти польские области были постепенно онемечены. В 1226 году один из польских князей, страдавший от набегов язычников, литовцев и пруссов, пригласил для борьбы с ними немецких рыцарей из Тевтонского ордена. Тевтонский орден был основан рыцарями-монахами, посвятившими себя Господу, и имел в Палестине много монастырей-замков. Получив благословение папы, немецкие рыцари возглавили крестовый поход в Прибалтику и вскоре завоевали обширные земли по побережью моря от устья Вислы до Финского залива. Рыцари подчинили местных жителей, пруссов, латышей и эстов, и построили замки, из которых совершали походы всё дальше на восток. Сражаясь с язычниками, они в 1230-х годах вышли на берега Чудского озера и неожиданно для себя увидели большой город с каменными башнями и церквями, увенчанными необычными куполами-маковками, над которыми возвышались позолоченные кресты.

– Что это за земля? – удивлённо спросил предводитель рыцарей пахавшего в поле крестьянина. – Неужели в этих краях живут христиане?

Крестьянин остановил свою лошадь, отёр со лба пот и, окинув взглядом бескрайние просторы, ответил:

– То православная святая Русь-матушка, Русская Земля...

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

*"Не бе в них правды и ста род
на род, и быша в них усобице,*

*и воевати почаша сами на ся. И
реша сами себе: "Поищем собе
князя, иже бы володел нами и
судил по праву".*
«Повесть временных лет».

Теперь нам нужно вернуться на четыре столетия назад, в бурный IX век, когда Европу опустошали походы викингов и флотилии кораблей-"драконов" рыскали по морям в поисках добычи и славы. Одним из знаменитых викингов тех времен был конунг Рорих Ютландский, участник разграбления Лондона и Парижа. О его кровавых подвигах много говорили на Западе – пока он внезапно не отплыл со своей дружиной на восток. На востоке Европы простиралась бесконечная покрытая лесами равнина; и лишь маленькие деревеньки славян возвышались кое-где над обрывами по берегам рек. В диких лесах славян было много пушного зверя и пчелиных ульев, но это было всё, что можно было взять в этой стране; здесь не было ни золота, ни богатых церквей – здесь нечего было грабить. Но Рорих знал, что здесь пролегал путь к далёким богатствам южных стран, что, поднявшись вверх по северным рекам и перетащив корабли на Днепр, можно выйти к Чёрному морю и оказаться у ворот столицы мира, Константинополя. Он решил обосноваться на этом пути и в 862 году построил на берегу Волхова маленькую деревянную крепость Холмгард – впоследствии славяне называли её Новгородом.

Предание говорит о том, что не ладившие между собой славяне сами призвали "варягов": "Не бе в них правды и ста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами себе: "Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву". И идоша за море, к варягам, к руси. Сице бо зваху тыи варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзие же урмане, анъглыне, друзии гете, тако и си. Реша русь, чюдь, словени и кривичи, и вси: "Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да поидете княжить и володеть нами..."

"Русь" – так звали викингов Рориха, говорит предание: "Потому что звали тех варягов РУСЬ, так же, как другие зовутся шведами, другие германцами, англами, готами – так и этих звали русью". На озере Нево славяне жили попережку с финнами, а финны до сих пор зовут викингов "русью": ruotsi по-фински означает "шведы".

Рорих решил остаться в этой земле, и приглашали его, или нет – это не имело значения. Вскоре он показал славянам, кто здесь хозяин: "Того же лета оскорбишесь Новгородцы, глаголюще: "Яко быти нам рабами и много зла всячески пострадати от Рюрика и рода его". Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби Новгородцев..." Рорих подавил восстание и стал ходить походами на деревни славян, строить "грады"-бурги и садить в них своих "мужей". Потом он послал Хоскольда и Дьюри с частью дружины в набег на Константинополь – греки с ужасом описывали внезапное появление невиданных кораблей и дикую ярость викингов. Разграбив окрестности столицы, Аскольд и Дир не захотели делиться добычей с Рорихом и остановились на Днепре в граде Кейнигарде – Киеве. Конунг Рорих не успел наказать изменников – он умер летом 879 года и, по обычаю викингов, был сожжён в своём "дракене" вместе с рабами и наложницами. Наследником Рориха стал его маленький сын Ингварр, а его опекуном – жрец Хельги. В лето 882 года дружина Рюрика пошла на Кейнигард; Хоскольд и Дьюри вышли навстречу Вещему Хельги.

"И рече Олег Аскольду и Дирови: "Вы неста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа", – и вынесоша Игоря: "А се есть сын Рюриков". И убиша Аскольда и Диру..."

И седе Олег княжа в Киеве, и рече Олег: "Се буди мати градам русьским". И беша у него варязи и словени и прочи прозвашася русью. Се же Олег нача города ставити и уставити дани словенам, кривичам и мери..."

Укрепившись в Киеве, Олег начал "воевати" окрестные племена и "примучив" их, налагал дань. В ноябре, по первому снегу, дружина выходила из Киева и, останавливаясь в

деревнях, собирала дань и пиrowала за счёт хозяев – этот варяжский порядок назывался у славян "полюдь". Те, кто не давал дани, расплачивались жизнью, викинги убивали всех, оставляя в живых лишь девушек – их ждала участь рабынь и наложниц. Вернувшись весной в Киев, русь грузила рабынь и меха на корабли и отправлялась в Константинополь: продавать добычу, обменивать её на золото и шелка. Когда добычи было мало, шли в набег – на тот же Константинополь, или по Дону и Волге на Каспийское море, на богатые персидские города.

Проведя лето в торговой экспедиции или в набеге, осенью Русь возвращалась в своё гнездо – Киев. У каждого дружинника-боярина здесь была окружённая частоколом усадьба; высокий терем, соединённый переходами с конюшней и службами. На усадьбе жили десятки рабов -слуги, ремесленники, наложницы-рабыни. У князя были каменные хоромы, где дружина пиrowала в ожидании выхода на полюдь или нового похода в дальние страны.

В 907 году Олег совершил большой поход на Царьград – так называла русь Константинополь. "В лето 6415 (от сотворения мира) иде Олег на грекы... – говорит летопись, – на конях и кораблях и бе числом кораблей 2000. И прииде к Царю-городу... И воевати нача и много убийства сотвори около града греком и разбиша много полаты и пожегоша церкви. А их же имаху пленники, овех посекаху, другиа же мучаху, иные же растреляху, а другие в море вметаху, а ина много зла творяху Русь греком..." Император Лев согласился заплатить дань и заключил договор с русскими – достаточно прочитать его начало, чтобы понять, что это были за "русские": "Мы от рода русскаго, Карлы, Ингельд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руальд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид – иже посланы от Олега, великого князя русскаго..." Договор содержал условия торговли: каждый год из Киева в Константинополь приходили караваны судов с собранной на полюдь добычей, с мехами и рабынями – и варягам было важно, чтобы их торговлю не обременяли пошлинами. Кроме того, многие варяги, "белокурые воины с секирами", нанимались на службу в гвардию императора – и договор оговаривал условия этого найма.

В 913 году Олег умер, и возмужавший сын Рюрика Игорь стал конунгом, или князем Земли Русской – славяне произносили слово конунг, как "князь", а викинг – как "витязь". Однажды во время охоты в псковских лесах молодой князь повстречал красивую девушку, дочь крестьянина-перевозчика; он полюбил её и женился на ней. Игорь по-варяжски называл свою жену Хельгой или Ольгой – но Ольга была славянкой и назвала своего сына Святославом. Игорь совершал набеги на греческие города и обходил на полюдь деревни славян, собирая дань – мёд, меха и рабов. В 945 году ему показалось мало, и он захотел дважды собрать дань с живших на Припяти древлян. "Слышавше же древляне, яко опять идёт, сдумавше со князем своим Малом: "Аще ся ввадит волк в овце, то выносит всё стадо, аще не убьют его", – и убили Игоря и тех, кто пришёл с ним. Святослав был ещё ребёнком, и власть оказалась в руках Ольги, которая пошла вместе с дружиной на древлян, "взяла их город и сожгла его, старейшин забрала в плен, а других убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных заставила платить дань". Потом Ольга объехала подвластные ей земли и установила всем славянам точные оброки и дани – сколько кто должен платить и приносить на место сбора – в погост. В 955 году она вместе с торговой флотилией приехала в Константинополь, с удивлением оглядела огромный и шумный город, вошла в святую Софию – и была столь восхищена её красотой и величием, что решила креститься, принять веру Христову. Она уговаривала креститься и Святослава – но молодой князь отвечал, что дружина будет смеяться. Святослав по наружности был истым славянином, носил длинные усы и чуб, какой потом носили казаки, – но характером был в отца-варяга, всю жизнь проводил в походах и битвах. "Легко ходил в походах, как барс, – говорит летопись, – не возил за собой ни возов, ни котлов. Не варил мяса, но тонко нарезу конину, или зверину, или говядину и, зажарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подостлав потник, с седлом в головах..." Собираясь в поход, Святослав посылал послов со словами: "Иду на вы" – и иной раз доходил до Каспийского моря, сражался среди волжских степей и у подножия Кавказских гор. В 967 году Святослав двинулся на болгар, живших на нижнем Дунае,

завоевал их страну и обосновался в городе Переяславце. Зелёные горы и цветущие долины Болгарии так понравились Святославу, что он хотел навсегда поселиться в этой стране – как его дед Рюрик поселился на Руси. Но Римская империя не хотела иметь на своих границах такого могущественного и беспокойного соседа; в 971 году знаменитый полководец, император Цимисхий, с огромной армией осадил Святослава в крепости Доростоле. Два месяца под Доростолом происходили кровавые битвы, и греческий летописец с удивлением описывал неукротимую ярость русов, которые в безвыходном положении вонзали в себя мечи – лишь бы не попасть в плен. Ночами поле битвы на берегу Дуная освещалось кострами: русы жгли своих погибших и под заклинания "волхвов" приносили в жертву детей и женщин. В конце концов, Святославу пришлось отдать Доростол императору и уйти из Болгарии; на пути в Киев, на днепровских порогах, на дружину князя напали кочевники-печенеги; Святослав был убит, и печенежский хан Куря сделал из его черепа чашу для пиров.

Святослав имел много жён и наложниц, но больше всех любил рабыню Малушу, сына которой, юного Владимира, он послал наместником в Новгород. После смерти князя среди его сыновей вспыхнула междоусобица, и старший из них, Ярополк, убив правившего древлянами Олега, заставил Владимира бежать "за море", к варягам. Варяги были родичами руси и каждый год во множестве приплывали из-за моря наниматься на службу к князьям; с давних времён они считали Новгород своим городом и получали с него дань. Норманны помогли Владимиру, и, вернувшись с большой варяжской дружиной, он в 980 году овладел Киевом. Как и его отец, Владимир любил ходить в дальние походы, воевал на Волге и в Карпатах, покорял отдалённые славянские племена – пока не завладел всей Русской равниной. Он был таким же варварским богатырём, как и его отец, любил кровавую сечу, буйные пиры и плотские утехы; он приводил из походов сотни рабынь-наложниц и не мог спокойно пройти мимо красивой женщины. Владимир любил послушать гусяров, сказителей и проповедников. В 986 году, повествует летопись, прибыли послы магометанской веры, говорившие: "Учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти даст Магомет каждому по семидесяти красивых жён". Владимир же слушал, так как сам любил жён, но вот что ему было нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья; и сказал он: "Руси есть веселие – пить, не можем без того быть". Легенда говорит, что выступали перед князем немцы, иудеи и христиане, уговаривая принять их веру – и, в конце концов, князь решил креститься. В действительности, крещение Владимира было результатом договора о дружбе с императором Василием II: князь послал своих воинов на подмогу сражавшемуся с мятежниками Василию, а в ответ удостоился исключительной почести: ему обещали в жёны сестру императора, принцессу Анну – но с условием принять христианство. Принцессы императорского дома ещё никогда не выдавались замуж за варварских королей и князей – поэтому Анна, как могла, сопротивлялась воле своего брата; отъезд в Киев затягивался, и, чтобы заставить греков выполнить обещание, Владимиру пришлось осадить и взять город Херсонес в Крыму. В конце концов, в 988 году Анна в сопровождении целого "собора" греческих священников прибыла к своему жениху в Киев. Незадолго до свадьбы состоялось "крещение Руси": тысячи киевлян во главе с князем под пение молитв вошли в воду Днепра, и священники провели над ними святой обряд. Стоявшие на холме над Днепром идола были сброшены в воду, и самого главного из них, Перуна, княжеские дружинники "проводили" в ладье до днепровских порогов. Они подталкивали огромного идола шестью, выпроваживая его с Русской земли – и вместе с Перуном уходила с Руси целая эпоха – эпоха варяжского господства и яростных дружинных набегов, эпоха язычества и варварства. Русь вступила в число цивилизованных стран, и греческие мастера возводили на берегах Днепра первые белокаменные храмы, а монахи учили отроков грамоте:

– Аз, буки, веди...

ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

*Ярослав же этот, как мы сказали,
любил книги и, много их переписав,
положил в церкви святой Софии,
которую создал сам.*

Повесть временных лет.

Летописи рассказывают, что после крещения Владимир переменился: его уже не прельщали дальние походы и кровавые подвиги, он чинно сидел на троне в Киеве, занимался государственными делами, строил церкви и раздавал милостыню беднякам. Правда, он по-прежнему любил пиры и по воскресеньям созывал на угощение всю дружину и всех «нарочитых мужей» – память об этих пирах надолго сохранилась в былинах:

Как во славном было городе во Киеве,
Как у ласкова князя у Владимира,
Заводился почётен пир,
На всех князей-то его, на бояр его,
На русских-то могучих богатырей...

Пировали на том пиру Илья Муромец и Добрыня Никитич, и Алёша Попович – все знаменитые богатыри, охранявшие южные рубежи от наездов печенегов, стоявшие заставами "во чистом поле". Они сражались с ордами "Калин-царя, идолища проклятого", с "Соловьём-разбойником Одихмантьевичем", с "Змеем да Горынычем и с сыном его Тугарином Змеевичем и иныя Змея Поганья". Владимир ставил на границах степи крепости и города, посылал туда дружины во главе со своими сыновьями – у него было 12 сыновей, которым он дал уделы на окраинах. После смерти Владимира в 1015 году между его сыновьями вспыхнула усобица, и захвативший власть в Киеве Святополк убил Бориса, Глеба и Святослава: он хотел истребить всех соперников и самовластно царствовать на Руси. Однако правивший в Новгороде Ярослав выступил против Святополка с городским ополчением и наёмной варяжской дружиной. Святополк был разбит и обратился за помощью к своему тестю, польскому королю Болеславу Храброму; поляки заняли Киев и вернули княжение Святополку – но после их ухода ему пришлось снова бежать от ярославовой дружины.

Ярослав стал "великим князем", владевшим почти всей Русской землёй – кроме черниговщины, где до 1035 года правил его брат Мстислав. Новый "великий князь" был непохож на своих воинственных предков-варягов – это был христианский государь, предпочитавший войне дела духовные и гражданские. Он был очень набожен, много молился и по ночам читал святую Библию; он был первым образованным государём на Руси и мог поспорить с учёными греками о вере и о правилах христианского правления. Первым начинанием Ярослава было утверждение закона – он повелел собрать русские законы и опубликовать "Русскую правду" – писанный законодательный кодекс, по которому судили бы княжеские наместники.

"Русская правда" оставила для историков картину русского общества, каким оно сложилось к тому времени – независимо от желаний христианского князя Ярослава. Первое место в этом обществе занимали бояре – главы старых дружинных родов, потомки варягов, пришедших вместе с Рорихом и Хельги. Бояре жили в обширных укреплённых усадьбах с высокими деревянными башнями – эти усадьбы занимали целые кварталы в городах, и в них обитали десятки и сотни людей: младшие родственники, рабы-холопы, слуги, ремесленники, наложницы. У бояр были собственные небольшие дружины и свои корабли, которые каждой весной отправлялись в Константинополь, наполненные рабами, мехами, мёдом и воском. Князья давали боярам право на сбор дани с сёл или платили за службу серебром и шкурками куниц, "кунами", использовавшимися на Руси вместо денег. Среди бояр было много знатных викингов, херсиров и бондов, приходивших на Русь со своими "людьми", – они нанимались в

дружину к князьям или отправлялись дальше, в Константинополь, служить "императору ромеев". Те, что оставались на Руси, брали славянских жён, и их потомки со временем становились славянами – так же, как стали славянами потомки Рориха.

Князья были вождями боярской дружины и жили с ней одной жизнью, вместе с дружиной пировали и вместе с ней "думу думали". Вместе с дружиной они ходили в походы и собирали дань с крестьян-смердов. Все государства, рождённые завоеваниями, были похожи друг на друга, везде были бояре-патриции, порабощённые холопы-клиенты и сохранившие свободу, но платившие дань плебеи-смерды. По "Русской правде" жизнь боярина оценивалась в 80 гривен, а жизнь смерда или раба-холопа – в 5 гривен; это была цена двух лошадей. Так же как общество франков или англосаксов, русское общество было основано на силе и угнетении – и если кто-то и возвышал голос в защиту справедливости, то это были священники и монахи. Монахи давали убежище беглым холопам и раздавали милостыню бедным, вдовам, сиротам. Священники старались наставлять князей в христианской вере, в милосердии и любви – и князья склонялись перед ликом Господа, как склонились Людовик Святой и Ярослав Мудрый.

Ярослав был великим христианским государем, свято верившим в бога, почитавшим монахов, милосердным к бедным, просветителем, строителем и заступником Руси. Он разгромил печенегов – так, что они больше не показывались на Руси; он построил каменные стены Киева с Золотыми Воротами; он строил монастыри и церкви, создавал школы и библиотеки. Он собрал множество книгописцев и посадил их переводить греческие книги – "и написали они много книг, по которым верующие люди учатся". Самым великим творением Ярослава была Святая София Киевская – главный храм и символ древней Руси. В те времена Европа ещё была страной варваров, и приезжавшие в Киев западные монахи и рыцари дивились великолепию огромного храма. В Европе и на Руси тогда не умели строить больших каменных зданий – храм был построен приглашёнными князем греческими мастерами, бравшими образец с величественных храмов Константинополя. Греки создали украшавшие стены фрески и мозаики – огромные залитые струящимся сверху светом фигуры Богоматери, ангелов и великого князя – строителя Святой Софии.

Весь смысл деятельности Ярослава состоял в перенимании греческой культуры – в МОДЕРНИЗАЦИИ варварской Руси по образцу самой цивилизованной страны тогдашнего мира. При Ярославе на Руси появилась греческая мода и греческие обычаи, в "Русской правде" появились греческие законы, а новорождённым стали давать христианские имена: Иоанн (Иван) или Иаков (Яков). Ярослав старался прильнуть к мудрости греков – ведь Святая София означает Святая мудрость – и остался в памяти потомков с прозвищем Мудрого. "Ярослав же тот, как мы сказали, любил книги и, много их, переписав, положил в церкви Святой Софии, которую создал сам. Украсил он её золотом, серебром и сосудами церковными, в ней возносят к богу положенные молитвы в назначенное время. И другие церкви ставил он по городам и иным местам, поставляя попов и давая им из своей казны плату, веля им учить людей, потому что это поручено им богом. И увеличилось число священников и людей верующих, и радовался Ярослав, видя множество церквей и верующих, а враг сетовал на это, побеждаемый новыми людьми верующими..."

ВРЕМЯ УСОБИЦ

*И стали князья про малое "это
великое" молвить и стали сами себе
беды ковать, а поганые со всех
сторон приходили с победами на
землю Русскую...*

Слово о полку Игореве .

Христианский князь Ярослав правил тридцать четыре года и скончался в 1054 году, наказав своим пяти сыновьям жить в мире. Незадолго до смерти он выделил им уделы: Киев

и титул великого князя достался Изяславу, Чернигов – Святославу, Переяславль – Всеволоду, Смоленск – Вячеславу, Владимир-Волынский – Игорю. До Ярослава великие князья точно так же делили Русь между своими сыновьями, но после смерти отца сыновья вступали в борьбу, и победитель убивал или изгонял братьев. Ярославичи жили мирно, порешив наследовать великокняжеский титул по старшинству: когда умирал старший брат, его место занимал второй, уступая свой удел третьему; на место третьего садился четвёртый – и так далее. Однако в 1060-х годах к границам Руси приблизилась гроза: из глубины степей в Приднепровье пришли тюрки-половцы, могущественная кочевая орда, прогнавшая печенегов на запад и занявшая все причерноморские степи – до берегов Дуная. В 1068 году половцы разгромили объединённые дружины русских князей на реке Альте и облавой двинулись по приграничным областям; население в панике спасалось за стенами городов. В Киеве простой народ поднялся на великого князя, требуя оружие и коней – но князь не дал, тогда киевляне изгнали его из города. Через год Изяслав вернулся, но в 1073 году был снова изгнан. Среди князей начались распри, и побеждённые уходили к половцам, чтобы наводить на Русь кочевую орду. Опустошительные набеги следовали один за другим, «тогда по Русской земле редко пахари покрикивали, но часто вороны граяли, деля себе трупы». Князья строили укрепления вдоль границы степи: длинные линии рвов и валов – но ничего не помогало, половцы прорывались снова и снова. Крестьяне снимались с насиженных мест и уходили на северо-восток, в приокские леса – подальше от хищных кочевников.

В это тяжёлое время последнюю линию обороны на левобережье Днепра держал переяславльский князь Владимир Мономах, бесстрашный воин, привыкший глядеть в лицо смерти. Мономах был истинным воином Христа, уповавшим на бога даже в самые отчаянные минуты: "Надежда моя – бог, прибежище моё – Христос, защита моя – святой дух!" – говорил князь. В 1097 году Владимир призвал всех князей на съезд в Любече. "Зачем губим русскую землю, сами на себя ссоры навлекая? – говорил Мономах. – Половцы землю нашу расхищают и радуются... Объединимся чистосердечно и пусть каждый владеет отчиной своей..." С этого времени князья уже не переходили из одного удела в другой, а передавали своё княжение сыновьям. В 1103 году объединившиеся дружины князей пошли в глубь степей и разгромили половцев на реке Сумень – набеги кочевников на время поутихли. В 1113 году после смерти великого князя Святополка в Киеве вспыхнуло восстание, простонародье громило дома бояр и ростовщиков-евреев. Восставшие призвали на княжение Мономаха: они верили в его христианскую справедливость.

Мономах стал великим князем, он снизил долговой процент и запретил порабощать за долги. "Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал я в обиду сильным, – писал князь в поучение своим детям. – Лучше у праведника малое, чем богатства грешных великие. Ибо сила грешных сломится, укрепляет же праведников господь..." На какое-то время Мономаху удалось подчинить князей и сдержать набеги кочевников; снова, как при Ярославе Мудром, лился над Киевом торжественный перезвон колоколов Святой Софии, крестьянин спокойно пахал своё поле, и монах учил детей в школе: "Аз, буки, веди..."

Но правление Мономаха продолжалось только 12 лет – а потом снова начались усобицы, теперь уже между потомками великого князя. Бесконечная смута продолжалась десятилетиями, по словам летописца, "сильно взмаялась Земля Русская". Половцы прорвали укрепленные линии и хозяйничали под Киевом, как в своей степи. Города и сёла запустили, крестьяне толпами уходили в леса за Оку. Торговля, которой жили бояре, стала трудным и опасным делом: флотилии судов спускались по Днепру, не смея пристать к враждебным берегам, а на порогах купцов поджидали половецкие засады. Многие бояре оставляли торговлю, уходили на село, строили укрепленные бревенчатые усадьбы и заставляли своих холопов пахать барские поля. Русь становилась всё более похожей на страны Запада: бревенчатые замки, рыцари-дружинники, подневольные крестьяне, междоусобные войны. Правда, оскудевшие города ещё оставались оплотом старых боярских родов, но княжеская власть настолько ослабела, что города стали почти самостоятельными, они приглашали одних князей и закрывали ворота перед другими. Все дела в городах решало боярское вече –

в Новгороде его называли "300 золотых поясов"; если раньше князь "думал думу" с боярами, то теперь бояре научились при случае обходиться без князя.

В то время, как на берегах Днепра царило "безнарядье", распри и "которы", на севере, между Окой и Волгой, князьям ещё удавалось поддерживать мир и порядок. Леса за Окой лишь недавно стали осваиваться переселенцами с юга, раньше здесь жила только "чудь" – финно-угорские племена, предки мордвинов и эстов. За Окой было только два старых боярских вечевых города, Ростов и Суздаль, – так что бояре здесь не имели той силы, что на юге. Дружины северных князей состояли в основном из "отроков", военных слуг из числа княжеских холопов; "отроки" жили при дворе князя, получали от него оружие и хранили ему верность – у них не было ни усадеб, ни рабов, и они ничем не напоминали "старших" дружинников-бояр.

После смерти Владимира Мономаха суздальские земли стали уделом его младшего сына, Юрия, прозванного Долгоруким. Юрий обустроивал своё княжество и возводил на главных дорогах деревянные крепости – одной из таких крепостей была основанная в 1147 году Москва. Суздальский князь принимал участие в войнах южных князей и дважды овладевал Киевом – эти войны и битвы прославили его сына Андрея, доблестного рыцаря и христианского воина, всегда готового протянуть руку поверженному врагу. Андрей был очень набожен, сам раздавал милостыню нищим и перед заутреней зажигал свечи в храме; он не любил южной Руси и вечных распрей южных князей; когда отец поставил его княжить в Вышгороде близ Киева, он не послушался и уехал на север, захватив с собой чудотворную икону Божьей Матери.

После смерти отца Андрей стал править северными областями, сделав своей столицей Владимир – мало кому известный тогда городок на берегу реки Клязьмы. Во Владимире не было бояр и новый князь правил самовластно, без боярской думы; он окружил себя дружиной из "отроков" и поставил на горе большой замок Боголюбово – по имени этого замка Андрея прозвали Боголюбским. Первым делом Андрей Боголюбский изгнал с севера своих братьев: он хотел в корне пресечь распри, происходившие из-за того, что князья выделяли братьям уделы. Князь изгнал и "больших" бояр, которые, бывало, диктовали правителям свою волю; он поставил везде посадников из своих "дворовых людей" – "дворян", как их стали называть позже. На юге в это время тянулись бесконечные войны, и многочисленные князья сражались за обладание Киевом. В 1169 году Андрей послал на Киев большое войско, которое взяло "на щит" древнюю столицу Руси и предало её жестокому разгрому: "Были тогда в Киеве на всех людях стон и туга, скорбь неутешная и слёзы беспрестанные".

Андрей Боголюбский стал великим князем, но не поехал в разорённый Киев, а остался в своём Владимире. Он хотел сделать из Владимира новую столицу и украшал его великолепными храмами, на высоком берегу Клязьмы он построил новый символ Руси – огромный Успенский собор, "чудную богородицу златоверхую". Однако бояре не могли примириться с самовластием великого князя и организовали заговор, они внезапно ворвались в княжескую спальню и набросились с саблями на безоружного Андрея. Старый воин мужественно сопротивлялся, и убийцы в темноте рубили своих – но в конце концов сделали своё чёрное дело.

После смерти Андрея Боголюбского междоусобицы охватили уже не только юг, но и север Руси. Князья ходили войнами друг на друга, жгли города и деревни, точно половцы, гнали полон по дорогам и наводили степняков друг на друга. Немногие из них ещё выходили в степь, чтобы постоять не за себя, а за Землю Русскую – как Игорь, князь северский, в 1185 году бившийся с половцами на реке Каяле. "Бились день, бились другой, а на третий день к полудню пали стяги Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не хватило, тут пир окончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево от печали к земле приклонилось.

Вот уж, братья, невесёлое время настало, уже пустыня войско прикрыла. Поднялась

Обида среди даждьбожьих внуков..., всплеснула лебедиными крыльями на синем море у Дона, плеском вспугнула времена обилия. Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: "Это моё, и то тоже моё". И стали князья про малое "это великое" молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую..."

ГИБЕЛЬ ДРЕВНЕЙ РУСИ

*Татары произвели великое избиение
в земле Руссии, разрушили города и
крепости и убили людей... Когда мы
ехали через их землю, мы находили
бесчисленные головы и кости мёртвых
людей, лежащие в поле...*

Плано Карпини. История монголов .

Половцы были старыми и привычными врагами – Русь воевала и мирилась с ними уже полтора века. Половцы опустошали Русь набегами, грабили и убивали – но им редко удавалось завладеть городами, за стенами которых спасались от набегов крестьяне. Князья знали, что можно и чего нельзя ждать от воинственных соседей, – но того, что случилось в 1223 году, никто не мог ожидать: такого ещё не было на Руси. Половецкие ханы прискакали к воротам Киева, их одежды были в пыли, доспехи забрызганы кровью, а лица искажены ужасом – они показывали плетью на восток. Они говорили, что с востока надвигается страшное войско неведомого и непобедимого народа – татар. «Нашу землю нынче отняли татары, – говорили половцы, – а вашу завтра возьмут, защитите нас; если же не поможете нам, то мы будем перебиты нынче, а вы – завтра».

Восемнадцать южных князей созвали свои дружины и пошли в степь с половцами; войско спустилось до излучины Днепра и потом восемь дней двигалось на восток по "дикому полю". Татарские передовые разъезды то отходили, то приближались, выпуская рои стрел – и снова уносились в степь. Маленькие лошади татар были удивительно быстрыми, а стрелы разили без промаха. 16 июня русские и половцы подошли к реке Калке и переправились через неё. Молодой и горячий волынский князь Даниил с ходу бросил свой полк в атаку, следом за ним устремились галицкие и курские дружины. Татары отступали, непрерывно стреляя из луков и заманивая атакующих в полукольцо главных сил – русские и не заметили, как оказались окружёнными с трёх сторон. Первыми не выдержали и устремились в бегство половцы, за ними побежали и остатки попавших в ловушку русских дружин. Киевские полки не успели даже выйти из лагеря, они укрепились на холме и три дня отбивали атаки татар – но потом сдались, договорившись с татарами о выкупе. Татары обманули, и киевляне были перебиты; их князей во главе с Мстиславом положили под доски, на которых сидели, пируя и наслаждаясь их предсмертными криками, татарские вожди. Потом татары пошли облавой по пограничным землям, убивая всех встречавшихся на пути; они немного не дошли до Киева – но вдруг повернули и скрылись в восточных степях. "Не знаем, -говорит летописец, – откуда приходили на нас эти злые татары Таурмени и куда опять делись? Некоторые толковали, что это, должно быть, те нечистые народы, которых некогда бог загнал в пустыню и которые перед концом мира должны вернуться и поплентить все страны..." Летописец был прав, предвидя грядущий конец мира: через четырнадцать лет татары вернулись.

"Зимой года 6745 от сотворения мира¹пришли из восточных стран на рязанскую землю лесом безбожные татары и взяли всё Рязанское княжество, и сожгли город, и князя убили. А пленников одних распинали, других расстреливали стрелами, а иным связывали сзади руки. Много святых церковей предали они огню, и монастыри сожгли, и сёла, и взяли отовсюду немалую добычу; потом татары пошли к Коломне. В ту же зиму выступил Всеволод, сын князя Юрия, против татар. И встретились они у Коломны, и была битва великая. И убили

воеводу Всеволодова Еремея Глебовича, и многих других мужей Всеволода убили, а Всеволод прибежал во Владимир с малой дружиной. А татары пошли к Москве. В ту же зиму взяли татары Москву. А людей избили от старца до грудного младенца, а город и церкви святые огню предали, и все монастыри и сёла сожгли, и, захватив много добра, ушли. В ту же зиму выехал князь Юрий из Владимира с небольшой дружиной, оставив своих сыновей, Всеволода и Мстислава, вместо себя. И поехал он на Волгу, и расположился на реке Сити лагерем, поджидая братьев своих Ярослава с полками и Святослава с дружиной.

В ту же зиму пришли татары к Владимиру, месяца февраля в третий день. Владимирцы затворились в городе. Татары станы свои разбили у города Владимира, а сами пошли и взяли Суздаль, и разграбили церковь Святой Богородицы, и двор княжеский огнём сожгли, и монастырь Святого Дмитрия сожгли, а другие разграбили. Старых монахов и монахинь, и попов, и всех людей убили, а юных монахов и монахинь, и попов, и попадей, и дьяконов, и жён их, и дочерей, и сыновей – всех увели в станы свои, и сами пошли к Владимиру. В субботу начали татары готовить леса, и пороки устанавливали до вечера, а на ночь поставили ограду вокруг всего города Владимира. В воскресенье после заутрени пошли они на приступ к городу, месяца февраля в седьмой день... Взяли татары город до обеда от Золотых Ворот... Многие множество бояр и простых людей заперлись в церкви Святой Богородицы. И были они здесь без милости сожжены.

Церковь Святой Богородицы татары разграбили, сорвали оклад с чудотворной иконы, украшенный золотом и серебром, и камнями драгоценными, разграбили все монастыри и иконы ободрали, и книги ободрали, и разграбили одежды блаженных первых князей. Расправились татары со всеми, убивая одних, а других уводя босых и раздетых, умирающих от холода, в станы свои.

Пленив Владимир, пошли татары, эти окаянные кровопийцы, на великого князя Юрия. Часть татар пошла к Ростову, а другая часть к Ярославлю, а иные пошли на Волгу на Городец, и пленили они все земли по Волге до самого Галича Мерьского; а другие татары пошли на Переяславль, и взяли его, а оттуда пленили все окрестные земли и многие города вплоть до Торжка. Взяли они, в один месяц февраль, четырнадцать городов, не считая слобод и погостов.

И пришли безбожные татары на Сить против великого князя Юрия. И встретились оба войска, и была битва жестокая, и побежали наши перед иноплемениками. И тут убит был князь Юрий. А случилось это несчастье месяца марта в четвёртый день. Так был убит великий князь Юрий на реке Сити, и многие из его дружины погибли здесь...

В год 6748* пришёл Батый к Киеву с большой силой, с многим множеством воинов своих, и окружили они город, и обступила сила татарская, и был город в великой осаде. Был Батый у города, а воины его окружали город. И нельзя было голоса слышать от скрипения телег его, от рёва множества верблюдов его, ржания стад коней его, и была вся земля Русская наполнена воинами.

Поставил Батый пороки около города, у Ляшских ворот. Пороки непрестанно били день и ночь и разрушили стены. Вышли горожане на остатки стены, и было видно, как тут ломались копыя, разбивались на куски щиты, стрелы помрачили свет. Горожане были побеждены и воевода Дмитр ранен, а татары взошли на стены и там засели. Но в тот же день и ночь горожане построили другие стены около церкви Святой Богородицы. На другой день татары начали приступ, был большой бой между ними и защитниками. Люди укрылись в церкви, влезли на церковные своды со своим добром, и от тяжести рухнули вместе с ними стены церковные. Так город был захвачен воинами. Дмитра вывели раненым и не убили мужества его ради.

Батый же, взяв Киев, узнал, что Даниил ² в Угорской земле, пошёл сам на Владимир-Волынский и подошёл к городу Колодежну. Он наставил двенадцать пороков, но не мог он разбить стены и стал подговаривать людей. Они же, послушав его злого совета,

сдались и были перебиты. Затем Батый подошёл к Изяславлю и Каменцу и взял их. Видел он, что не сможет взять города Кременец и Данилов, и отошёл от них. И пришёл к Владимиру, и взял его приступом, и избил всех, не щадя. И также Галич и многие другие города, которым и числа нет..."

В начале 1241 года орда хана Батыя, оставив после себя тлеющие развалины, ушла на запад – в Польшу и Венгрию. 9 апреля татаро-монголы встретились с польскими и немецкими рыцарями у силезского городка Легница. Монгольские сабли пожали страшную жатву, около 40 тысяч поляков и немцев остались на поле сражения; после боя монголы для подсчёта отрезали уши убитым и наполнили ими десятки мешков. Через два дня на Венгерской равнине у реки Шайо основные силы орды встретились с 60-тысячным войском венгерского короля Белы IV. Монгольские отряды со всех сторон окружили колонну венгерских рыцарей, на расстоянии обстреливая её из луков и уклоняясь от контратак. Стрелы пробивали кольчуги и панцири; они падали так густо, как будто шёл снег. Агония венгерской армии продолжалась шесть дней, и лишь немногие израненные воины вернулись к венгерской столице Пешту. Бела IV бежал в Германию и рассказал об истреблении венгров, о гибели городов и сёл; Германию охватила паника, тысячи людей молились в церквях: "Господи, избави нас от ярости татар". Западную Европу спасло чудо: орда Батыя внезапно остановилась, собралась в огромную конную лаву и стремительно повернула назад – на восток. Где-то там, в далёких монгольских степях, умер великий хан всех монголо-татарских племён, сын Чингисхана Угэдэй, – и Бату-хан возвращался назад, чтобы бороться за власть.

Европейские короли и князья с тревогой ожидали нового нашествия страшной орды. Они каждый год ждали, что татары вернуться – и, чтобы договориться с ними, римский папа послал в далёкую Монголию своего посла Плано Карпини. Путь Плано Карпини пролегал через русские земли, и он неделями ехал по опустошённой равнине, среди пожарищ, где были только тела мёртвых – и не сыскать живых. Папский посол аккуратно записывал всё, что видел и оставил наполненное ужасом описание КОНЦА ДРЕВНЕЙ РУСИ. "Татары... произвели великое избиение в земле Руссии, – писал посол. – Они разрушили города и крепости и убили людей... Когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мёртвых людей, лежащие в поле..."

Глава VI История Других Миров

*Таких зверств и жестокостей,
которые совершали варвары, не было
с древности...*

Шэнь Пу.

ДАЛЕКАЯ СТРАНА СИНОВ

Теперь нам предстоит познакомиться с историей Других Миров – далёких стран, расположенных на краю света, там, где из волн океана поднимается солнце. До путешествия Марко Поло европейцы знали лишь названия этих стран – полузабытые странные слова, пришедшие из другой эпохи, когда корабли александрийских купцов плавали к Великому Заливу, на берегах которого располагалась загадочная «Страна Синов». Син, или Цинь – это было название древней династии, когда-то правившей Китаем; каждая новая династия давала стране свое имя, и во времена Марко Поло это государство называлось уже не Цинь, а Юань. Однако в обыденной жизни китайцы называли свою страну просто Поднебесной, а море, омывающее её на востоке – просто Морем: мало кто из них знал о существовании других морей и других стран, когда-то открытых путешественником Чжан Цянем. Их мир – это была Великая Равнина на берегах двух рек, Жёлтой и Голубой, Хуанхэ и Янцзы. На западе

равнина оканчивалась у подножия покрытых снегами гор, а на севере простиралось Песчаное Море – пустыня Гоби, где жили жестокие и кровожадные племена варваров. Это был народ кентавров – людей, неразлучных со своими конями и страшными, бьющими без промаха луками; там, в Степи, постоянно кипели войны между родами и племенами и умение убивать почиталось высшим достоинством мужчины. Время от времени племена Степи объединялись и страшной волной накатывались на Великую Равнину – такое нашествие, затопившее не только Китай, но и весь мир, произошло в IV веке – оно положило грань между эпохой древнего мира и эпохой средневековья.

В начале V века Северный Китай представлял собой опустевшую равнину, быстро зараставшую лесами. Города лежали в развалинах; возле руин столицы, Чанъани, возвышался огромный курган, сложенный из голов её жителей. Кое-где на равнине кочевали со своими стадами племена сяньби – новые владыки Китая; они собирали дань с уцелевших крестьян и называли их "подлым людом". Вожди племён и родов именовали себя "ванами" и "гунами" и владели обширными поместьями с рабами; по закону, каждый воин мог иметь до 60 рабов. "Ваны" и "гуны" воевали между собой и с сохранившимися на Юге китайскими царствами, всадники-сяньби перед боем раздавали "подлому люду" оружие и плетью гнали его на врага, они захватывали и уводили с Юга десятки тысяч пленных. По свидетельству летописца, "таких зверств и жестокостей, которые совершали варвары, не было с древности... счастливы те, кого только угоняют на север и превращают в рабов..."

Вожди кочевников брали себе китайских наложниц и привыкали к китайской роскоши и китайской одежде, со временем они стали перенимать и китайские методы управления, завели китайских чиновников и китайский церемониал – начался процесс СОЦИАЛЬНОГО СИНТЕЗА. В конце V века правитель Тоба Хун II попытался перестроить своё варварское государство по образцу великих древних империй, он подчинил родовых вождей, запретил носить при дворе варварскую одежду и разговаривать на варварском языке. Тоба Хун поощрял буддийских монахов, которые приходили по Шёлковому Пути из стран Запада и распространяли в Китае учение Будды, создавали пещерные храмы и строили пагоды. В конечном счёте, реформы закончились неудачей, после смерти Тоба Хуна кочевники восстали и страна снова погрузилась в усобицы. Лишь в 580-х годах полководцу Ян Цзяню удалось объединить Китай и подчинить "гунов" и "ванов"; к этому времени разница между китайцами и сяньби почти стёрлась, и вожди сяньби превратились в китайскую знать; эта знать сохранила своё высокомерие и воинственность – но в отличие от своих предков новые аристократы умели не только скакать на лошади, но и исполнять придворные церемонии.

Ян Цзянь остался в памяти поколений как великий полководец, восстановивший Империю и основавший новую династию Суй. Взяв за образец установления династии Хань, Ян Цзянь издал кодекс законов, назначил чиновников в округа и уезды, организовал сбор налогов и восстановил старинную систему "цзинь-тянь", в соответствии с которой каждому крестьянину полагался земельный надел в 100 му (около 5 га). "Правление императора отмечалось снисходительностью, – говорит летопись, – законы были чёткими и ясными, он всё делал сам, был бережливым и экономным". Однако, несмотря на свои добродетели, Ян Цзянь не отменил рабства, и эпоха Суй была временем господства знатных кланов, владевших поместьями с тысячами рабов – императоры лишь дисциплинировали эту знать, присвоили ей титулы и ранги и переписали её в родовых списках.

Правда, прекращение междоусобных войн на время облегчило жизнь народа; деревни снова стали многочисленными, а города – многолюдными. Однако сын и преемник Ян Цзяня, Ян Гуан (604-613), не берёт сил народа и растратил мощь возрождённой Империи на великие стройки: была восстановлена Великая Стена и прорыт пересекающий половину страны Великий Канал. Это было грандиозное сооружение – широкое каменное ложе канала шло на одном уровне, прорезая холмы и поднимаясь над низинами на огромных дамбах – и работавшим в полях крестьянам казалось, что паруса джонок плывут по небу. На строительстве канала было занято три миллиона крестьян, которые, отбывая трудовую повинность, сменялись каждые два месяца. Еще два миллиона рабочих строили новую

столицу, Лоян – огромный город из великолепных дворцов и парков. Один из парков в окрестностях столицы имел в окружности сто километров – это был зачарованный мир, куда были собраны редкие птицы, звери и деревья со всей Поднебесной. Сотни тысяч рабочих вырыли большое озеро, и, насыпав посреди него высокую гору, воздвигли на ней дворец изумительной красоты, посадили деревья, устроили беседки, гроты и водопады. Когда императору доложили о завершении строительства Великого Канала, он приказал построить огромные "джонки с головами дракона" – плавучие дворцы, в которых императорский двор отправился в путешествие по стране. Флотилия растянулась на десятки километров, 80 тысяч рабов под щёлканье плетей тянули по каналу огромные корабли, небо днём и ночью освещалось фейерверками, на палубах пели и танцевали наложницы – а на утро после прохождения флотилии стража собирала вдоль канала трупы умерших от изнеможения бурлаков.

Бесконечные мобилизации на великие стройки и в дальние походы довели народ до изнеможения, в деревнях некому было пахать и сеять, начался голод – но император и знатные не открывали своих амбаров. В ответ на первые волнения Ян Гуан приказал отобрать у крестьян железные вилы, серпы, ножи – но эта мера не помогла; в 612 году голод поднял народ на восстания, охватившие всю долину Жёлтой Реки. Бежавшие от своих хозяев рабы собирались в отряды и армии, к ним присоединялись тысячи свободных крестьян; началась крестьянская война, которая продолжалась 12 лет. Каратели проявляли страшную жестокость, после разгрома одной из крестьянских армий было заживо похоронено 300 тысяч человек. Но жестокость не помогла, повстанцы контролировали многие округа, государство разваливалось, наместники провинций становились независимыми князьями. В 618 году Ян Гуан был убит своими гвардейцами, и наместник Тайюани Ли Юань провозгласил себя первым императором династии Тан. К этому времени страна лежала в развалинах, в огне войны погибло 2/3 населения. Повсюду простирались запустевшие поля, и чиновники докладывали новому императору о том, что на обширных пространствах лишь изредка встречаются следы людей, что положение хуже, чем во времена господства кочевников. Склонившись перед сидящим на троне императором, сановники ждали его приказаний, и Ли Юань, как положено по ритуалу, в задумчивости и молчании сидел, обратившись лицом к югу. Наконец, он встал и объявил свою волю:

– Прежняя эпоха окончилась, – в напряжённой тишине сказал император, – династия Суй забыла о своём долге и утратила мандат Неба.

Он сделал паузу, чтобы выделить главное.

– Теперь начинается новая эпоха Тан. Главное сейчас – успокоить и накормить народ.

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ

*Полог жемчужный, резные столбы,
жёлтых цапель парад,
Вожжи парчовые, бивни мачт,
белые чайки парят.
Сил нет смотреть: жаль эту даль...
пляски минувших дней...
Ду Фу. Восемь стансов об осени .*

Ли Юань сделал всё, чего требовал восставший народ – открыл все амбары и роздал хлеб голодающим, отменил на время налоги, запретил солдатам входить в деревни и грабить крестьян. Рабы получили свободу, жестокие законы Ян Гуаня были отменены, императорские сады были открыты для простых людей – и даже дворцовых наложниц отпустили к их семьям. Народ постепенно успокоился и восстания прекратились; отряды, отказавшиеся сложить оружие, были разбиты, и в стране установился мир. В 626 году императором стал сын Ли Юаня Тайцзун, вошедший в историю как идеальный государь, неусыпно пекущийся о простом народе. Советником Тайцзуна был легендарный

«человек-зеркало» Вэй Чжэн, мудрый монах, помогавший императору восстановить справедливое управление. Была восстановлена система «цзинь-тянь», и все крестьяне получили одинаковые наделы в 100 му, налог не превосходил 1/20 урожая, повинности были лёгкими и необременительными. В случае неурожая крестьянам помогали зерном и деньгами, чиновники были обязаны следить за благосостоянием крестьянских хозяйств.

Раны войны были постепенно залечены, и в период Кайюань (713-40) Срединное Государство достигло невиданного расцвета. "Период Кайюань был полным и цветущим днём, – писал великий поэт Ду Фу, – даже мелкие города таили в себе бесчисленное множество семейств. Сверкали потоки струящегося риса и белело просо, и казённые, и частные амбары скрывали несметные богатства. На дорогах страны не встречалось ни шакалов, ни тигров... мужчины трудились на полях, женщины разводили тутовый шелкопряд". Повозки с товарами переполняли дороги, торговые города процветали, из гаваней каждый день выходили тысячи судов. Император Тайцзун разгромил владык Степи, тюрков, и открыл торговую дорогу на запад; караваны гружёных шёлком и фарфором верблюдов шли по Великому Шёлковому Пути в Бухару и Самарканд. По этой дороге в 627 году отправился в Индию буддийский монах Сюань Цзян, он оставил подробное описание этой страны и вновь открыл для обитателей Поднебесной далёкий мир Запада. Возвратившись на родину, Сюань Цзян построил в Чанъани знаменитую Пагоду Диких Гусей – это была сложенная из кирпича башня высотой в 65 метров, она приводила в изумление жителей столицы: ведь китайцы не умели строить кирпичных и каменных зданий, и это непростое искусство пришло из Индии вместе с буддийскими монахами. Чанъань, великолепная столица Империи, была городом изящных деревянных дворцов и парков с прудами, павлинами и золотыми рыбками; здесь жили сановники и министры, окружённые десятками слуг и выезжавшие в роскошных экипажах.

В начале эпохи Тан великий император Тайцзун восстановил старинную экзаменационную систему, существовавшую ещё во времена Хань: отныне чиновником или министром мог стать лишь кандидат, сдавший экзамен на учёную степень. Это вызвало протест немногих переживших крестьянскую войну сяньбинских знатных родов – но им пришлось смириться перед всемогущим императором. Новая знать эпохи Тан состояла из учёных-чиновников, получавших должности, выдержав тяжёлый экзамен: кандидаты должны были продемонстрировать знание теории управления, основанной на древних трудах Конфуция, Мэн-цзы, Хань Фэя – и в придачу должны были показать умение излагать свои мысли в стихах. Суть тогдашней теории управления сводилась к словам Конфуция: "Если достаточно пищи, то народ доверяет правителю", – поэтому нужно было заботиться о поддержании системы равных наделов, о поощрении земледелия и экономии в расходах; нужно было регулировать цены на рынке и поддерживать государственные монополии на жизненно важные ремёсла – производство железа и добычу соли.

Использовать силу государства, чтобы обеспечить народ пищей и гарантировать ему безопасность – это была основная идея Конфуция, идея, лежавшая в основании всех восточных монархий. Из этой идеи следовало, что во времена голода надо отнимать у богатых, чтобы отдать бедным, что люди должны быть братьями и любить друг друга – следовало то, что говорили Христос, Мухаммед, Будда и другие пророки. Всё это составляло содержание учения, которое теперь называют социализмом – и Империя Тан была социалистическим государством – так же, как Империя Хань и древние империи Ближнего Востока. Крестьянская война и революция отдали власть в руки учёных чиновников, "шеньши", и учёные-чиновники писали сочинения о том, как вспомоществовать народу и обеспечить спокойствие государства. Традиция требовала, чтобы каждый культурный человек умел высказать свои мысли в стихах – и они писали прекрасные стихи, звучавшие, как проповеди Христа:

О, если бы такой построить дом
Под крышею громадною одной,

Чтоб миллионы комнат были в нём
Для бедняков, обиженных судьбой.
Чтоб не боялся ветра и дождя
И как гора, был прочен и высок,
И если бы, по жизни проходя,
Его я наяву увидеть мог,
Тогда – пусть мой развалится очаг
Пусть я замёрзну – лишь бы было так...

Эти строки написал великий поэт Ду Фу в несчастный для себя день – когда ураган разрушил его дом из тростника и соломы. Он был начальником районного отдела образования в одной из провинций на юге Китая, одним из многих учёных чиновников, носивших красный форменный халат. Он часто ночевал на работе, стараясь разобрать скопившиеся дела – и помочь всем, кому он мог помочь:

Прозрачная осень. Ночная прохлада
Платаны у реки
Ночую один в одинокой управе
Смотрю на огарок свечи.

Он много ездил по провинции, инспектировал школы в деревнях и городах – ведь почти в каждой деревне была школа, где сельский учитель учил детей грамоте и счёту. Он останавливался в живописных местах, любовался природой и сочинял стихи:

Я слышу шум ветвей стареющего леса,
К сияющей луне свой поднимаю взгляд,
Но красота небес и эта даль речная,
От одиноких дум меня не исцелят...

Эпоха Тан была временем великих поэтов – может быть, это была единственная эпоха, когда миром управляли поэты – стихи сочиняли императоры и министры, и каждый приём во дворце превращался в поэтическое соревнование. Стихи читали во дворцах и на улицах, они превращались в народные песни – в это трудно поверить, но дошедшая до нашего времени антология танской поэзии содержит 50 тысяч стихотворений, принадлежащих двум тысячам авторов. Нигде – ни в Азии, ни в Европе – никогда не было такого чудесного расцвета поэзии. Самым знаменитым поэтом тех времён был Ли Бо, долго живший отшельником в горах и изысканным языком воспевавший красоту гор, долин, облаков:

Плывут облака отдыхать после знойного дня,
Стремительных птиц улетела последняя стая,
Гляжу я на горы – и горы глядят на меня,
И долго глядим мы, друг другу не надоедая.

Созерцание красот природы было любимым занятием учёных-чиновников; в дни отдыха они выезжали из столицы в горы, взбирались на вершины, любовались водопадами, пили вино и читали друг другу стихи. Они окружали свои городские дома маленькими садами с прудами, беседками, цветниками; их лёгкие, стоявшие посреди зелени дома были воплощением изящества – раскрашенные цветным лаком балки, ажурные галереи, причудливые коньки на крышах. Стены этих игрушечных дворцов были из толстой белой бумаги – и лишь по низу стены шли лакированные деревянные панели; всё убранство составляли лежавшие на полу циновки, вышитые подушки, расписные ширмы и большие фарфоровые вазы. Одежда мужчин и женщин была из струящегося шёлка с вышитыми на

нѣм диковинными животными и прекрасными цветами; эпоха Тан – это был мир красоты и изящества, золотой век, легенда о котором жила столетия. Это был мир, хрупкий, как фарфоровая ваза, падающая на мраморный пол: золотой век продолжался лишь сто лет – а затем снова наступила осень истории, и поэтам оставалось лишь вздохнуть об утраченном времени:

Полог жемчужный, резные столбы,
Жѣлтых цапель парад.
Вожжи парчовые, бивни мачт,
Белые чайки парят.
Сил нет смотреть: жаль эту даль...
Пляски минувших дней.
Самое сердце китайской земли...
Вотчина древних царей.

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

*Я подобен белой обезьяне,
Плачущей во время снегопада...
Ду Фу.*

Главными героями легенды о золотом веке были поэт Ли Бо, император Сюаньцзун (713-56) и его возлюбленная, красавица Ян Гуй-фэй. О любви императора и «драгоценной наложницы» Ян были написаны сотни стихов, они были неразлучны, и, когда император устраивал дела девяти областей, Гуй-фэй всегда ездила с ним в одной колеснице. Вместе с ним она коротала снежные ночи на горе Ли и встречала весеннее утро в Шанъянском дворце. Они вместе бродили по берегу Южного моря и любовались огромными магнолиями у подножия Эмэя.

...Листва скрывает птиц поющих стаю,
И ароматный лёгкий ветерок
Красавицу внезапно остановит
Хотя б на миг – на самый краткий срок.

Ли Бо показывал на покрытую пенными лесами вершину и рассказывал о своей отшельнической жизни в хижине у водопада – вон там, на краю облаков. "Разве можно жить на краю облаков?" – спрашивала Гуй-фэй.

Меня спрашивают, как вы там живѣте -
– в голубых горах?
Смеюсь и не отвечаю... Сердце моѣ спокойно.
Цветок персика уносится струѣй и исчезает
Есть другой мир – не наш человеческий...

На личико Гуй-фэй на мгновение набегала задумчивость, но она тут же прыскала смехом и толкала поэта в бок:

Дайте Ли Бо один жбан вина,
И он напишет сотню стихов.
Вот он дремлет
В кабачке на базаре в Чанъани,

Император присылает за ним,
Но он не идёт в императорскую лодку.
Он говорит: "Я слуга вашего величества,
Но когда я пьян, я сам – небожитель".

Сын неба Сюаньцзун слушал стихи, улыбался и тоже смотрел на горы. Но потом они перестали ездить по стране. Мир Сюаньцзуна сузился до размеров Шанъянского дворца, а Вселенная – до улыбки Гуй-фэй. Пирьы и фейерверки сменяли друг друга, император сочинял для Гуй-фэй мелодии и сам играл их на флейте, а Ли Бо читал стихи:

Ветерок шелестит,
Над ночными цветами струясь,
На террасе Гусу
Веселится подвыпивший князь.
А красотка Си Ши
Танцевать попыталась, хмельная,
Но уже засмеялась,
На ложе из яшмы склоняясь.

– Почему ты сравниваешь мою Гуй-фэй с "сокрушающей царство" Си Ши? – удивлённо спрашивал император.

– Когда Си Ши подарили ускому князю, он тоже оставил все дела, государство пришло в упадок и погребло, – отвечал Ли Бо – или, может быть, не отвечал, а только думал: ведь мало кто осмелился бы сказать такое императору, потерявшему голову от любви. Как бы то ни было, слишком дерзкий Ли Бо вскоре впал в немилость и был отставлен от двора; он снова стал бродячим поэтом, пил вино и писал стихи. Легенда говорит, что, в конце концов, он утонул в реке, пытаясь пройти по лунной дорожке. Ян Гуй-фэй привела во дворец своих братьев и уговорила императора сделать их министрами; новые министры ничего не понимали в управлении государством, и в делах воцарился хаос; учёные степени покупали за взятки; нувориши и проходимцы оттеснили от власти честных чиновников. Но главная причина обрушившихся на страну несчастий заключалась не в произволе корыстных сановников и не в бездеятельности влюблённого императора: Золотой Век подошёл к концу, потому что истекло время, отпущенное ему всемогущими законами истории.

Страшная катастрофа, погубившая Империю Суй, унесла 2/3 населения, и прошло сто лет, прежде чем были распаханы все пустоши и снова стала ощущаться нехватка земли. В 730-х годах численность населения вновь достигла 45 миллионов, и вновь началось Сжатие; земли не хватало и уездные чиновники урезали размеры крестьянских наделов: им давали не 100, а 50 или 20 му. Крестьяне не могли жить на таких наделах; им разрешалось продавать свою землю и уходить поднимать целину на юг, за Голубую реку. Земля снова стала продаваться – по закону или в обход закона – и местные чиновники сразу же использовали своё положение для скупки земли; они превратились в помещиков, и в деревнях снова появились "сильные дома". "Сильные и богатые дома повсюду устраивали свои поместья и насильно присоединяли чужие земли", – говорилось в императорском эдикте. – "Крестьянам негде было обосноваться, они переселялись в другие места и жили арендой". Нормы частной аренды были разительно непохожи на те мягкие условия, на которых давало землю государство; крестьянин отдавал помещику не двадцатую и не десятую часть, а половину урожая.

К 751 году численность населения достигла 53 миллионов и приблизилась к той роковой грани, за которой в прежние времена следовала катастрофа. В стране царил голод, и, пользуясь случаем, помещики покупали крестьянские наделы за мешок зерна. Сжатие привело к распаду надельной системы и разложению чиновничества, которое получило возможность для наживы и теперь думало лишь о собственной выгоде. Высшие сановники

боролись за власть, за спиной императора создавались клики и партии. В конце концов дело дошло до вооружённой борьбы; в 755 году наместник северо-восточных провинций Ань Лу-шань поднял мятеж и двинулся со своей армией на столицу. Конница Ань Лу-шаня ворвалась в Чанъань и разграбила императорские дворцы; Сюаньцзун бежал и остановился неподалёку от столицы, чтобы собрать войска – но солдаты не хотели сражаться: они требовали на расправу тех, кто довёл страну до катастрофы. Император выдал им первого министра, брата Гуй-фэй – но они не успокоились, они требовали "красавицу, которая сокрушила царство". Бунтовщики надели на пики головы убитых сановников и окружили здание почтовой станции, где укрылся Сюаньцзун – они готовились штурмовать здание, и император позволил своим приближённым делать то, что они сочтут нужным. Ян Гуй-фэй подвели к буддийскому алтарю, и начальник евнухов удавил её тонким шёлковым шнурком; потом её тело вынесли во двор станции и показали солдатам. Армия снова подчинилась императору, и он начал войну с мятежниками, которая продолжалась восемь лет. Цветущая страна была разорена, сказочные дворцы Чанъани превратились в пепел и дым, "на территории в несколько сот ли люди поедали друг друга, округа и уезды были опустошены". Это была катастрофа, подобная той, которая завершает каждый ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ЦИКЛ. Ду Фу, которому посчастливилось пережить эту катастрофу, был в те времена уже седым стариком; он жил в лодке на Голубой реке и плакал, глядя на плывущие мимо сожжённые селенья:

Я подобен белой обезьяне,
Плачущей во время снегопада,
К временам У-дэ и Кай-юаня³
Нам давно бы возвратиться надо...

Но вернуться к временам Золотого Века было, разумеется, невозможно.

ИСТОРИЯ ОКРАИННЫХ ЦАРСТВ

*В дальней, как небесный свод,
В стороне глухой велел
Управлять страной мне
Наш великий государь.
Отото Якамоти.*

В представлении древних китайцев Поднебесная была окружена с четырех сторон горами, пустыней и морем. Посреди нее располагалось Серединное Государство – Китай, а на окраинах жили варвары, платившие императору дань и время от времени присылавшие посольства с дарами – шкурами невиданных зверей, тропическими плодами и смуглыми рабынями. Смуглый цвет кожи живших на побережье варваров был унаследован от древних предков, аустронезийцев, – народа рыболовов и моряков, когда-то заселившего все земли по берегам восточных морей. Аустронезийцы строили дома на сваях и выращивали рис, они поклонялись крокодилу-дракону и украшали свои большие каноэ вырезанными из дерева головами драконов. Рисовые поля давали хорошие урожаи, а моря и реки были богаты рыбой – поэтому в маленьких свайных поселках царил изобилие, «весна была приветливой и солнечным было лето».

Однако потом началось время невзгод: из глубины Великой Степи пришли воинственные и жестокие племена кочевников. Воины, сражавшиеся на конях и колесницах, обратили туземцев в рабов, а остальных заставили платить дань. В разные районы Восточной Азии завоеватели пришли в разное время и с разными волнами нашествий, граничившая со Степью долина Желтой реки была завоевана ими еще во II тысячелетии до нашей эры. Земли

на берегах Хуанхэ были необычайно плодородны, поэтому население обширной долины быстро умножилось, и в середине I тысячелетия здесь началось Сжатие, появились города, ремесла, искусство и родилась великая китайская цивилизация. На берегах Вьетнама и Кореи в то время текла еще первобытная, не потревоженная цивилизацией жизнь, роды завоевателей-степняков воевали друг с другом; совершали на могилах своих вождей человеческие жертвоприношения и насыпали в их честь большие курганы. Во II веке до н. э., во времена китайской Империи Хань, северный Вьетнам и западная Корея были оккупированы китайскими войсками, в новые провинции были назначены чиновники и варварские народы познакомились с достижениями китайской цивилизации – с иероглифической письменностью, ремёслами и искусствами. В эпоху Великого Переселения Народов на северный Китай и Корею обрушилось новое нашествие кочевников, кочевые орды достигли оконечности Корейского полуострова и переправились в Японию – здесь тоже началась эпоха больших курганов и человеческих жертвоприношений.

В VII веке Китай вновь достиг вершины могущества, и расцвет Империи Тан вызвал попытки подражания в Корее и Японии. Здесь тоже утвердились просвещенные монархии, крестьяне получили одинаковые наделы земли, а чиновников стали выдвигать на должности через систему экзаменов. Аристократы соседних царств посылали своих детей учиться в Чанъань, и в знаменитых столичных университетах слушали лекции около десяти тысяч иностранных студентов. По образцу Чанъани были воздвигнуты великолепные столицы, Ванген в Корее и Хэйян (Киото) в Японии; придворное общество усвоило китайскую культуру, сановники строили дворцы в китайском стиле и рассуждали об учении Конфуция, а поэты писали стихи – сначала на китайском, а потом и на родном языке. Наиболее распространенной религией в Корее, Японии и Вьетнаме был буддизм и так же, как в Китае, там возводилось множество пагод и буддийских монастырей. Северный Вьетнам вплоть до начала X века оставался китайской провинцией – и лишь после распада Империи Тан на "десять царств" здесь образовалось независимое государство Дайковьет - "Великий древний Вьет".

История Вьета и Корё была похожа на историю Китая и протекала в ритме демографических циклов. Первый из этих циклов пришелся на VII-IX века, второй – на XI-XII века и завершился Сжатием в середине XII века. Как всегда, Сжатие привело к разорению крестьян и скоплению земель в руках "сильных домов", многие из которых принадлежали к старинной знати и вели происхождение от древних завоевателей. В конце концов, голод вызвал крестьянские восстания и внутренние войны, которые привели к власти военных диктаторов, сумевших на какое-то время восстановить в разоренной стране порядок.

В отличие от Вьета и Корё, "Страна Восходящего Солнца", "Ниппон", Япония, в середине I тысячелетия ещё только вступала на арену истории; здесь было много свободных земель и "эпоха Хэйян" – "эпоха мира и покоя" – продолжалась здесь до конца XII века. Это было удивительное время, воспетое поэтами, как эпоха счастья и любви; при дворе проводились праздники цветов, и ночами полнолуния аристократы собирались в ажурных беседках и любовались на ночное светило, под звуки музыки сочиняя стихи:

Ночью весенней
Луна в призрачной дымке -
Что может сравниться с нею?

Япония была страной на краю света, сохранившей многие традиции древних аустронезийцев, уже забытые на континенте. Как тысячи лет назад, в эпоху, когда миром правили женщины, мужья приходили к жёнам лишь на ночь, но не жили вместе с ними; дети оставались в роду у матери и лишь изредка видели своих отцов. У аристократов существовал настоящий культ женщины и любви, доходивший до того, что жених не мог взглянуть на невесту; между ними ставили расписанную цветами ширму, и он мог слышать лишь звуки её

голоса и шуршание шёлковых одежд – остальное дорисовывало воображение. Впрочем, говорить много не полагалось, влюблённые писали друг другу записки с изящными стихами знаменитых поэтов, а иногда сами сочиняли стихи – и огромные сборники, оставшиеся от того времени, наполнены чарующими любовными посланиями. Искусство прекрасного, которому обучали девушек, заключалось не только в поэзии, но и в игре на цитре, в умении составлять ароматы и подбирать цвета одежды – женщины царили в том мире удовольствий, каким был Хэйян – сказочный город дворцов и парков, усыпанных лепестками цветущей вишни. Это был единственный город в Японии – особый мир, где жили аристократы, учёные-чиновники, закончившие китайские университеты и говорившие по-китайски: они хранили в себе дух золотого века Танской Империи – а вокруг была чуждая им страна, деревни из тростниковых домов на сваях и крестьяне в соломенных плащах и юбках из древесной коры.

Крестьяне жили родовыми общинами, регулярно переделывали между собой рисовые поля, и отдавали небольшую часть урожая приезжавшим из Хэйяна чиновникам. Владения императоров Ниппона простирались до района современного Токио – севернее жили варварские племена айнов и эдзо – потомки туземцев, которым когда-то принадлежала вся Япония. На границе продолжались непрерывные войны, и здешние наместники содержали дружины из воинов-"самураев", обладавших привилегией носить два меча. Как в давние времена, пограничные князья-наместники были вождями воинственных кланов, на их могилах насыпали большие курганы и, если вождь погиб в бою, то самые верные ему самураи совершали харакири – вспарывали кинжалом себе живот. Глава пограничных князей одновременно был командующим войсками на северо-востоке страны и носил почетный титул сёгуна – "великого полководца, побеждающего варваров".

Самураи с двумя мечами, крестьяне в соломенных накидках и изысканные столичные аристократы мирно сосуществовали, пока на японских островах не началось Сжатие. Когда обнаружилась нехватка земли, система переделов перестала функционировать; спасаясь от голода, крестьяне стали продавать свои поля, и в деревне вновь выросли поместья знатных кланов, содержащих дружины из самураев. Знатные кланы оттеснили от власти императоров и столкнулись между собой в борьбе за власть. В 1180-85 годах разразилась ожесточённая война между могущественными кланами Тайра и Минамото. Одержавший победу сёгун Минамото-но Еритомо стал новым властелином страны; он отстранил от власти императорских чиновников и управлял с помощью самураев из своей "полевой ставки" – "бакуфу". Императоры по-прежнему жили в своём дворце, но им запрещалось выходить из него, а единственным занятием учёных-чиновников стали проведение придворных церемоний и поэтических конкурсов. Страна была поделена между вассальными сёгуну знатными кланами, которые принялись закабалить крестьян, а потом построили замки и развязали частные войны – после шестивекового господства заимствованного из Китая абсолютизма Япония вернулась к далёкому прошлому, в эпоху "больших курганов", и господином жизни и смерти снова стал самурайский меч.

Конец XII века был временем Сжатия, революций и внутренних войн во всех соседних с Китаем государствах. Во Вьетнаме и в Корее к власти также пришли военные диктаторы из числа глав "сильных домов", но они не раздавали деревни своим воинам, а наоборот, отбирали земли у знати и восстанавливали имперский порядок: китайское влияние в этих странах было сильнее, чем в Японии. Позже, в XIII веке, на Дальний Восток обрушилась волна монгольского нашествия, жестокие завоеватели опустошили Корею, прошли через Китайскую равнину и вторглись во Вьетнам – но непобедимая конница кочевников не смогла проявить себя в стране непроходимых джунглей и многоводных рек; в конце концов, завоевателям пришлось отступить на север.

Завершив покорение Китая, монголы согнали сотни тысяч китайских крестьян и, построив огромный флот, дважды пытались высадиться в Японии. Во второй экспедиции, предпринятой в 1281 году, участвовало больше 3 тысяч кораблей и 100 тысяч солдат, однако знаменитые монгольские полководцы оказались плохими адмиралами: флотилия попала в

страшный ураган, который японцы называли "божественным ветром" – "камикадзе". Тысячи судов разбились в щепки о скалы, и десятки тысяч солдат нашли могилу в морской пучине – с этих пор монголы долгое время не решались выходить в море. Япония оказалась одной из немногих стран Востока, уцелевших в монгольском смерче, и жившие в Киото императоры со страхом в сердце выслушивали известия о гибели городов и народов, об опустошившей Азию "всеобщей резне". И должно быть, они не раз читали стихи Сюйцзюня Баоци, доставленные одним из последних кораблей, пришедших с выжженного материка:

Всё погибло, пропало,
Как метлой сметено!

Правда, на крайнем юго-востоке Азии, за горами и джунглями ещё оставались земли, которых не достигли полчища завоевателей. Эта далёкая и таинственная страна называлась Анкор – и ей посвящена следующая глава нашей истории.

ИСТОРИЯ АНКОРА

*Господин мира, каковым является
царское могущество.*

Надпись на линге Индравармана I.

На окраине Обетованного Мира, вдали от центров мировой цивилизации лежала Страна Теплых Морей, Юго-Восточная Азия. Ещё в начале нашего тысячелетия огромный выдающийся в море Индокитайский полуостров был покрыт непроходимыми джунглями. В сезон дождей стекавшие с гор потоки переполняли одну из крупнейших рек мира, Меконг, и, разливаясь, она затопляла страну, расположенную вокруг Большого Озера Тонле-Сап – теперешнюю Камбоджу. Южнее начинался мир зеленых островов, увенчанных конусами огнедышащих вулканов; во влажных тропических лесах здесь росли гвоздичное дерево и мускатный орех, а на склонах гор выходили на поверхность золотые жилы. Это была благодатная страна – древние греки называли ее «Золотым Херсонесом».

Пять тысяч лет назад острова и побережья теплых морей заселяли аустронезийцы, темнокожие люди с курчавыми черными волосами. Это был народ рыбаков и моряков, создавших великолепные каноэ с боковым балансиrom. Эти большие лодки с десятком гребцов могли уходить далеко в море; благодаря им аустронезийцы расселились вдоль побережья Азии до крайнего севера, а впоследствии освоили острова Тихого Океана. Везде, куда ни приходили аустронезийцы, они оставили следы своей культуры – дома на сваях, бронзовые барабаны, огромные дольмены и могильники в виде насыпных курганов или ступенчатых пирамид. Ни аустронезийцы, ни их континентальные родственники и соседи – аустразиаты не имели своей письменности, поэтому первые сведения о странах южных морей мы находим у их торговых партнеров – там, откуда выходили корабли, идущие в "Золотой Херсонес", в Александрии. В середине II века греческий географ Клавдий Птолемей описал путь в "Золотую и Серебряные страны". По его словам, остров Ябадиу (Ява) был плодороден и богат золотом и пряностями, но на окрестных островах обитали опасные мореплаватели-каннибалы. На Яве были не только пряности, к которым во все времена стремились купцы Европы и Азии, Ява была центром мировой торговли; через Зондский пролив проходил Южный Шелковый Путь, морская дорога из Индии в Китай, и здесь находился торговый город Аргир. Далее этот путь шел в Фунань, страну в низовьях Меконга, и в Тямпу, теперешний Центральный Вьетнам, а затем – в Южный Китай. Во II веке по этой морской дороге плавали большие индийские парусные корабли с сотнями моряков и купцов. Вдоль неё возникали торговые фактории и города с индийской культурой, индийской письменностью, индийскими храмами и знатью, носившей индийские имена.

Центром новой, порожденной индийским влиянием цивилизации была Ява; этот остров

славился своими почвами, обязанными своим плодородием пеплу извергавшихся вулканов. Это была обетованная земля, дававшая приют бежавшим от войн индийским эмигрантам, уже в V веке здесь сложились могущественные индианизированные государства, цари которых собирали многие тысячи крестьян на строительство каналов и храмов. В соответствии с древними традициями Востока, эти цари называли себя царями-богами, "девараджами"; они отождествляли себя с великим Шивой и воздвигали огромные ступенчатые пирамиды. В VIII веке на вершине холма был высечен из камня Баробудур – гигантский ступенчатый храм, террасы которого были унизаны статуями будд. Ява стала центром распространения буддизма и прославилась своими монастырями, центрами образования и культур. Это было время, когда все берега Индокитая признавали власть могущественного царства Шривиджайя. В начале XI века вслед за торговыми кораблями в Индонезию прибыл военный флот южноиндийской Империи Чолов, и Шривиджайя была вынуждена признать власть завоевателей, однако и в дальнейшем она продолжала оставаться центром распространения индийской культуры в странах теплых морей.

Вторым центром этой культуры – если следовать по пути движения торговых кораблей – была Фунань. Древняя легенда об основании царства Фунань гласит, что некогда корабль, на котором плыл брахман Каутинья, был атакован лодками туземцев под предводительством "королевы" Лю-е. Индийцы отбили атаку с помощью своих мощных луков и вынудили Лю-е подчиниться. Каутинья взял ее в жены, одел её – потому что королева была нагая – и стал первым королем Фунань. Брахманы и купцы научили туземцев, кхмеров и монов, строить плотины, создавать небольшие оросительные системы и возделывать заливной рис.

Как и в Южной Индии, центром кхмерских деревень был храм, обладавший своим хозяйством и своими землями. Деревня часто принадлежала одному роду, и деревенский храм был вместе с тем родовым храмом. Род совместно владел землей и рабами; участки время от времени перedelались между семьями, а многие работы производились коллективно. В кхмерских родах еще сохранялись пережитки матриархата; выходя замуж, женщины уходили в деревню мужа, но их детей возвращали в род матери. С течением времени деревня разрасталась и проводила выселки; так появлялись большие общины из десятков деревень, "пуры". Вожди общин были одновременно жрецами главных общинных храмов; они выбирались народным собранием из членов знатных родов, прославившихся своим богатством и военными подвигами. Некоторые из таких родов владели десятками рабов, "кхнум", работавших на полях родового храма и обслуживавших свободных, жрецов и воинов. Вожди-жрецы предводительствовали ополчением пуры, сотнями общинников, вооруженных лишь луками и копьями и не имевших подчас никакой одежды. Победа над соседней общиной знаменовалась установкой линги – огромного каменного фаллоса с именем вождя-победителя. В результате долгих войн вожди Фунани подчинили множество пур и создали обширную федерацию из десятков полунезависимых общин. Столицей Фунани была Вьядхапура ("пура охотников") на Меконге. Это был город с каменными храмами и окруженным деревянным частоколом дворцом правителя – едва ли не единственный город в стране кхмеров.

В VI веке Фунань распалась, и наступило долгое время междоусобных войн; в VIII веке на враждующие между собой кхмерские пуры обрушилось нашествие с моря, флот индонезийской империи Шривиджайи заставил кхмеров признать её власть. Шривиджайя была могущественной Империей с огромными храмами и с царями, которые почитались за богов. Когда в начале IX века король Джаяварман II вновь объединил независимую Камбоджу, он тоже провозгласил себя богом-царем, "девараджей". Полвека спустя, в правление Индравармана I (877-89), произошло событие, изменившее ход истории Юго-Восточной Азии – в районе севернее Большого Озера был построен первый барай, барай Лолей.

Джунгли Южной Азии были особым миром, где природа предъявляла человеку и обществу жесткие требования – и одним из этих требований был коллективизм. Одиночка не мог расчистить участок тропического леса: для этого требовались объединенные усилия

сплоченной общины. Община могла соорудить плотину на маленькой речке и отвести от пруда оросительные каналы. Этим маленьким ирригационным системам соответствовала определенная человеческая общность, деревня или пура, сотни людей, созываемых на оросительные работы вождями-жрецами. Девараджа Индраварман был первым, кто объединил во имя одной цели не сотни, а десятки тысяч кхмеров; он мобилизовал почти всю страну и создал огромное, невиданное доселе водохранилище, барай Лолей.

Это было удивительное техническое сооружение: прямоугольник площадью в 300 гектаров был окружен возвышавшимися на несколько метров над равниной дамбами. В период дождей этот бассейн наполнялся водой, которую затем постепенно спускали через шлюзы в каналы, орошавшие 5 тысяч гектаров рисовых полей, на которых собирали по 3 урожая в год. На этих полях выращивали рис по новой, недавно появившейся в этих местах технологии: в специальных питомниках с регулируемым микроклиматом выхаживали рассаду, затем высаживали ее на затопленные поля и в течение периода вызревания особым образом регулировали водный режим. Новая технология позволяла увеличить урожайность во много раз и собирать три урожая в год. Это была грандиозная, невиданная агротехническая революция: продуктивность гектара увеличилась в десятки раз! На сравнительно небольшой площади оросительная система Лолей могла прокормить до ста тысяч человек – и это была лишь первая система такого рода, первая победа человека над природой тропиков.

Создание барая Лолей свидетельствовало о рождении нового общества, способного для достижения цели объединить усилия огромных людских масс – новой великой Империи, впоследствии названной Империей Ангкора. Так же, как в Индии, в Камбодже не было традиций летописания, и всё, что мы знаем о ее истории – это отрывочные надписи из развалин древних городов. Надписи умалчивают об обстоятельствах рождения Империи и о том, каким образом деварадже Индраварману удалось мобилизовать едва ли не всё население страны. Известно, что, в конечном счёте, пуры были подчинены государством и превратились в административные округа, их вожди-жрецы стали правительственными чиновниками; чиновники-писцы были распределены по рангам и отличались числом ярусов на своих зонтах, одеждой и величиной домов. В качестве оплаты чиновники получали участки вновь орошённых земель и рабов из числа пленных; они устраивались на этих землях со своими родами – строили храм и создавали родовое хозяйство. Высшие сановники обычно принадлежали к царскому роду: у кхмерских царей были тысячи жен и сыновей, поэтому в большинстве случаев на высшие должности назначались принцы. От более поздних времен сохранились сведения об экзаменах, которым иногда подвергались кандидаты в чиновники, о системе школ, о буддийских монастырях-училищах, "ашрамах", где получали образование дети знати. Наука управления базировалась на традициях Древней Индии; царь выступал как символ общественного порядка, "кармы", обеспечивавшего жизнь всем членам общества. Девараджа Индраварман придал этому символу зримое воплощение: на вершине воздвигнутой посреди столицы пирамиды он построил первый храм царской линги; огромный золотой фаллос вознёсся над городом, олицетворяя мощь царской власти. На фаллосе была вырезана надпись: "Господин мира, каковым является царское могущество", – и в этом не было ни грама преувеличения; цари, совершившие грандиозную ирригационную революцию, были действительно господами мира.

Со времён Индравармана цари стали настоящими богами кхмеров; пирамида посреди столицы отождествлялась с горой Меру, обителью богов "Ригведы". По преданию, раз в год царь восходил на гору, чтобы вступить в священный брак с богиней Камбоджи, 9-головой змеей-нагой, представавшей перед царём в образе женщины. Это был древний шумерский обычай, пришедший в страну кхмеров через посредство Южной Индии; эта страна на краю Обетованного Мира выступала в роли хранителя традиций Великого Прошлого; как из глубин прошлого здесь встают перед нашими глазами древние храмовые общины, вожди-жрецы, "энси", огромные зиккураты, божественная царственность, "нам-лугала" и, в конце концов, – боги-цари, "девараджи".

Чтобы стать богом, каждый царь должен был построить свою "гору Меру" и водрузить на неё свой золотой фаллос. Яшоварман I (889-900) построил огромный Восточный Барай, начал строительство новой столицы, великого Ангкора, и возвел среди неё огромную пирамиду с храмом на вершине. Джаяварман IV (928-941) перенёс столицу на север и, согнав массы людей на новую грандиозную стройку, соорудил ещё одну "гору Меру" – семиэтажный зиккурат Прасат Тхом. Бессмысленные "фараоновы стройки" довели страну до изнеможения; после смерти Джаявармана начались смуты и строительство прекратилось; Ранджендраварман II (944-68) вернул столицу в Ангкор. Однако прекращение мобилизаций вместе с тем означало прекращение строительства новых бараев; с середины X века стала ощущаться нехватка земель. Началась борьба за землю между общинами; крестьяне продавали свои наделы храмам и становились арендаторами – всё более чётко проявлялись признаки нарастающего Сжатия. В начале XI века Сжатие привело к восстаниям, смутам и захвату власти узурпатором Сурьяварманом.

Сурьяварман I (1006-50) был первым буддистом на троне Ангкора, и, в соответствии с буддийской традицией, он выступал, как царь, милостивый к беднякам. "Щедрый к бедным, он лишал имущества и превращал в бедняков, как преступников, тех, кто нажил большие богатства, будь то через наследство или верную службу ему самому", – говорит древняя надпись. Чтобы дать землю народу, Сурьяварман создал новую ирригационную систему, основной частью которой был колоссальный Западный Барай – бассейн площадью в 16 квадратных километров. Обширная долина Ангкора превратилась в "шахматную доску" из бассейнов, пересекавшихся под прямыми углами каналами и дамбами. В сезон дождей она покрывалась водой, над которой возвышались лишь деревни с храмами и дамбы, по которым проходили дороги. В сухой сезон она превращалась в цветущий сад; здесь собирали по 3-4 урожая в год, а урожайность достигала 30 центнеров с гектара. Посреди равнины возвышался огромный город Ангкор, или Яшодрapura, с "горой Меру", великолепными храмами и многолюдными ремесленными кварталами. Здесь проживало до полумиллиона горожан, и это был один из крупнейших и красивейших городов мира.

Мощь Империи Ангкора базировалась на всеобщей трудовой повинности граждан, "раджакарье". В порядке отбывания повинности крестьяне обрабатывали царские земли, строили дороги, дворцы, храмы. С помощью раджакарьи осваивались обширные массивы новых земель, где создавались государственные храмовые хозяйства и куда переселялись крестьяне из перенаселенных районов. Хозяйство государственных храмов было организовано примерно так же, как хозяйство храмов Двуречья. Земли храма обрабатывали рабочие отряды, получавшие продовольственные пайки (правда, в отличие от шумерских храмов, эти отряды состояли из рабов-кхнью). Имелись также отряды свободных ремесленников, слуг, танцовщиц. Многочисленный жреческий и чиновничий персонал получал на земле храма служебные наделы, также обрабатываемые рабами. В храме Та Прохм имелось 6 тысяч рабов, около трех тысяч священников, полтысячи ученых-аскетов и около тысячи учеников. Вокруг храма располагались сотни подчиненных ему деревень, где жили свободные крестьяне-анаки, обязанные храму повинностями; в этих деревнях имелись свои маленькие родовые храмы. Со временем крестьяне стали страдать от малоземелья и продавать свои земли храму, таким образом, они превращались в наследственных арендаторов. С другой стороны, храмовых рабов садили на землю и переводили на оброк; экономическое положение рабов и свободных постепенно сближалось, хотя юридически свободные оставались свободными, а рабы – рабами.

В XI-XII веках Империя Ангкора достигла своего наивысшего могущества. Ее владения простирались от низовий Меконга до Иравади, а на севере – до района нынешнего Вьентьяна. Могущественные девараджи совершали походы на восток, север и запад, приводя из них многие тысячи рабов-пленных. У Империи не было достойных противников, она граничила на суше с варварскими племенами, и лишь индийские и арабские мореплаватели приносили в Ангкор вести из цивилизованного мира – и в свою очередь, рассказывали этому миру об удивительной стране на востоке. Особенно удивляли путешественников порядки

при дворе "царей-богов": это было царство женщин, куда запрещалось входить мужчинам. В огромном дворце жили пять тысяч жен "бога", охраняемые "женской гвардией", вооруженной копьями и щитами. В XII веке Империя еще раз удивила мир созданием невиданного по размерам и красоте храма, Ангкор Вата. Это был настоящий водопад покрытых золотом сверкающих башен, увлекающих взгляд пришельца высоко вверх – к возносящемуся на 65 метров центральному святилищу. Стены храма были сплошь покрыты барельефами, тысячами фигур, пересказывавших сюжеты индийского эпоса "Махабхарата" и эпизоды из жизни строителя Ангкора – девараджи Сурьявармана II. Сурьявармана изображали в виде бога, и он был настоящим богом своей страны, девараджей, "богом-царем", и Чакравартином, "монархом вселенной". Однако строительство Ангкор Вата, так же, как строительство пирамид, довело народ до истощения; социальный кризис был усугублен начавшимся в это время сокращением урожайности в результате заиливания оросительных систем. После смерти Сурьявармана (1150) начались восстания и смуты; в 1177 году Ангкор был захвачен и разграблен флотом Тямпы. Восстановителем Империи стал девараджа Джаяварман VII (1181-1218), изгнавший тямов и покоривший их государство в теперешнем центральном Вьетнаме. Однако новый властитель шел тем же путем, что и его предшественник, огромные массы людей были мобилизованы на строительство храма Байон – еще одного чуда света, призванного затмить Ангкор Ват. Пятьдесят четыре "устремившихся на штурм неба" башни Байона были украшены колоссальными ликами Джаявармана, изобразившего себя в виде бодхисаттвы Локешвары, бога милосердия. Девараджа действительно был милосердным буддистом; он создал сеть бесплатных больниц и странноприимных домов для простого народа. "Он страдает от болезней своих подданных больше, чем от своих собственных, ибо страдание народа есть страдание королей", – говорила надпись той эпохи. Трудно сказать, каким образом это милосердие сочеталось с изнурявшими народ "фараоновыми стройками", во всяком случае после смерти Джаявармана снова начались смуты, лики "милосердного бодхисаттвы" были разбиты, и, в конечном счете, народ пришел к "дешевой" религии – обходившемуся без храмов буддизму "малой колесницы", хинаяны. Надписи не сохранили подробностей этих событий – известно лишь, что это было время социальных потрясений во всем буддийском мире. На Яве измученные трудовой повинностью крестьяне поднялись на восстание; в 1222 году они свергли раджу Картаджайю и провозгласили пастуха Кен Ангрока царем и воплощением Шивы. Кен Анрок – "тот, кто ниспровергает всё" – захватил земли и богатства храмов и, по-видимому, уменьшил повинности; он основал мощное государство Сангасари, просуществовавшее до монгольского нашествия в конце XIII века. Так же как во всей Азии, монгольское нашествие стало рубежом двух эпох в истории Индокитая. В середине XIII века непобедимая монгольская конница достигла юго-восточного Китая и вынудила к бегству жившие здесь тайские племена. Сотни тысяч воинственных варваров неудержимой лавиной двинулись на юг – на Ангкор. В 1280 году они отняли у Империи долину Менама – теперешний Таиланд: начался долгий период войн и варварских нашествий. В 1353 году тайцы овладели Ангкором и, разграбив его, увели с собой 90 тысяч пленных. Через тридцать лет последовал повторный разгром. Наконец, в 1431 году Ангкор был взят в третий раз, тайцы увели жителей и разрушили все, что можно разрушить. Драгоценные статуи и украшения богов, золотые линги деварадж были увезены в "Страну тай". Остатки населения разбежались, ирригационная система была выведена из строя, и джунгли начали наступление на великий город. За какие-нибудь полвека тропический лес поглотил столицу погибшей Империи; проникшие в расщелины лианы разорвали каменную кладку, опрокинули статуи и фронтоны. Лишь в конце XIX века пришедший из другого мира натуралист Анри Муо снова обнаружил этот город, и его руины открылись перед поражёнными исследователями. "В хаосе колючего кустарника и свисающих лиан мы пробрались к храму, – писал один из них. – Лес тесно подступает к нему со всех сторон, душит и разрушает; громадные смоковницы выросли на развалинах и, завершив их разрушение, пустили корни всюду, вплоть до вершин башен, которые служат им основанием. Вот двери: они еле видны за бахромой свисающих сверху

корней, подобных выцветшим прядям волос... Я поднимаю голову к башням, которые возвышаются надо мной, утопая в зелени, и невольно вздрагиваю: некто глядит на меня сверху, губы раздвинуты в улыбке... Вот еще одна такая улыбка на другой стене, вот третья, пятая, десятая... Эти улыбающиеся лики повсюду следят за мной..."

К этому описанию трудно что-либо добавить – да, наверное, и не стоит.

ИСТОРИЯ ИНКОВ

Речь пойдет о Новом Свете, или о его лучшей части, именуемой Перу...

Инка Гарсиа де ла Вега.

Некогда, в незапамятные времена каменного века, когда первые люди расселялись по просторам Азии и Европы, часть охотничьих племен, потерпев поражение в борьбе за уголья, была оттеснена на северо-восток Азии и перешла по льду Берингова пролива в Америку. Двигаясь на юг в поисках теплых и богатых добычей стран, охотники заселили прерии Северной Америки и, в конце концов, перейдя Панамский перешеек, достигли «рыболовного рая» – Перуанского побережья. Побережье было пустынным, и лишь в устьях сбегавших с гор рек располагались небольшие тропические оазисы – но море вдоль берега буквально кишело рыбой, а на песчаных пляжах располагались огромные лежбища тюленей и морских львов. В IV тысячелетии в прибрежных оазисах выросли деревни рыболовов; индейские женщины выращивали хлопок и плели сети, а мужчины с небольших тростниковых лодок ловили сетями рыбу. В III тысячелетии на побережье стали выращивать батат и кукурузу и деревни превратились в большие поселки; во II тысячелетии в оазисах стали строить пирамиды и прокладывать каналы – так родилась еще одна великая цивилизация древности, цивилизация Перу.

Перуанская цивилизация существовала три тысячелетия и пережила немало взлетов и падений. Первые города Перу населяли люди с искусственно деформированными черепами – по-видимому, головы детей стягивали повязками, так что они вздувались наподобие высоких шапок. Эти города погибли в V веке до н.э. в результате нашествия варваров – но через некоторое время цивилизация возродилась. В начале нашей эры на побережье снова выросли города и храмы, потом, в VIII веке, последовало новое нашествие, а затем новое возрождение, ознаменованное строительством огромных пирамид близ озера Титикака. Государство, оставившее после себя эти пирамиды, без сомнения, было могущественной Империей – ибо только Империя могла мобилизовать многие тысячи людей на создание столь грандиозных сооружений. Наследниками этой империи стали инки – небольшое племя, объединившее вокруг себя Перу в период варварских нашествий в начале XV века. Инки переняли существовавшие до них традиции и порядки, но некоторые элементы культуры были безвозвратно утрачены – и в том числе древняя письменность; по легенде, она была запрещена жрецами, заявившими, что "всё зло и вся порча идут от письма". Поэтому всё, что мы знаем об инках – это записки индейцев, обученных грамоте первыми испанскими миссионерами. Они описывают Империю Инков такой, какой она была в XV веке, и ничего не говорят о предшествовавших ей империях и государствах, о тысячелетней истории перуанской цивилизации и о её истоках. Историки до сих пор спорят об этих истоках, и, если одни настаивают на самобытности общества инков, то другие подчеркивают его удивительное сходство с древними обществами Ближнего Востока и средневековыми цивилизациями Юго-Восточной Азии.

Индейцы Перу жили родовыми общинами, айлью, в которых ежегодно проводились переделы земли и каждому мужчине полагался надел в один тупу (30 аров). Главой общины был наследственный курака ("сотник"), а ее центром – маленькое святилище, посвященное основателю рода, – иногда это был просто большой камень или холм, на котором совершались жертвоприношения. На земле общины для святилища было выделено

специальное "поле Солнца"; другой участок, "поле Инки", обрабатывался в пользу царя. Общинники были прикреплены к месту жительства и обязаны трудовой повинностью, "митой"; три месяца в году они строили дороги, крепости, рыли каналы, террасировали горные склоны. Руками тысяч мобилизованных крестьян были возведены огромные украшенные барельефами пирамиды и построены великолепные храмы. Храмы обладали своим хозяйством и обширными землями, которые обрабатывали отряды храмовых работников, "янакона". Некоторые храмы были центрами разросшихся старинных общин, другие – так же, как в Египте, – заупокойными храмами владык, пирамидами, хранившими священные мумии. Пирамида символизировала священную гору, обитель богов; на пирамидах и горных вершинах приносились человеческие жертвы; в день коронации нового царя на горе Чукиканча убивали двести самых красивых детей страны инков.

Цари, "Инки" с большой буквы, были абсолютными монархами своей страны, "Сыновьями Солнца", похожими на египетских фараонов и ангорских девараджей. Так же как в Египте и Ангоре, они женились на своих сестрах и жили в окружении тысяч женщин, составлявших их гарем и свиту. Инки возглавляли иерархию чиновников, отличавшихся от простого народа великолепными одеждами из тонкой шерстяной ткани "кумби" и тяжелыми золотыми серьгами. Только чиновничья знать имела право пользоваться паланкинами, иметь наложниц, жить в домах из полированного камня и жевать листья коки – знаменитого наркотического растения. На высшие посты обычно назначались члены "царского" племени инков; однако путь вверх был открыт и простолюдинам-иноплеменникам; выслужившийся чиновник или доблестный офицер получал звание "инка по привилегии" и право на золотые серьги. Для детей знати существовала специальная школа, "дом знаний", где обучали "солнечной религии", хранению информации с помощью узелков-"кипу" и военному ремеслу.

Центром Империи Инков, "Тауатинсуйю", было Перуанское нагорье, обладавшее плодородными почвами и теплым здоровым климатом. Здесь, в долине Куско, инки построили свою столицу – большой город с великолепными храмами и дворцами из огромных тщательно пригнанных друг к другу шлифованных каменных монолитов. Вес этих каменных глыб достигал 350 тонн, и, по легенде, их тащили "упряжки" из многих тысяч мобилизованных по трудовой повинности крестьян; один их таких камней, сорвавшись во время перевозки, задавил 400 человек. Вокруг города были проложены оросительные каналы, а на склонах гор вырублены поля-террасы – в горных долинах ощущался недостаток земли и, по-видимому, демографическое давление было очень высоким. Инки осуществляли грандиозные переселения подвластных им племен на целинные земли; подобно древним ассирийцам, они стремились перемещать племена и народы и, завоевывая очередную страну, выводили из неё многие тысячи пленных. На новом месте переселенцам оказывалась помощь в обустройстве, и они создавали новые общины-айлью, ничем не отличавшиеся от других общин.

Жизнь в айлью подчинялась строгому порядку, за которым следил чиновник-курака; в 12 лет мальчики должны были пасти скот, а девочки ткать, в 18 лет юношу забирали в армию, и, когда через семь лет он возвращался, курака подбирал ему жену и выделял участок земли. С началом пахоты курака поднимался на дозорную вышку и, протрубив в раковину, объявлял, какой участок сегодня будет возделываться – начинали с наделов, принадлежавших немощным и больным, затем, помогая друг другу, обрабатывали свои участки и участок кураки. Последними возделывались поле Солнца и поле Инки, эта работа обставлялась как религиозный праздник индейцы надевали лучшие одежды и пели песни, а по окончании работ устраивалось угощение из мяса и кукурузного пива. Чиновники-кураки трудились вместе со всеми, и сам Инка, окруженный своими сановниками, работал на священном поле в Куско.

Империя Инков была древним социалистическим государством, удивительно напоминающим государства Египта, Шумера и Ангора. Историкам еще предстоит решить, чем объясняется это сходство, и, возможно, что они придут к тому же выводу, что и

знаменитый этнограф Гейне-Гелдерн: "Мы думали, что Тихий океан – непреодолимое препятствие, – писал Гейне-Гелдерн. – Теперь мы видим, что он скорее проезжая дорога". Обитатели островов Тихого океана, полинезийцы, на своих больших парусных каноэ не раз достигали берегов Америки; возможно, что полинезийцы принесли с собой и некоторые черты общественной организации – черты, характерные для всех южноазиатских обществ.

Как бы то ни было, конец империи Инков был трагичен. В 1532 году в ставку Инки Атауальпы на севере страны прибыл отряд бледнолицых людей, одетых в железо и вооруженных невиданным оружием, пушками и мушкетами. Вождь завоевателей-"конкистадоров" Франсиско Писарро внезапным нападением захватил Атауальпу; охваченная паникой армия инков разбежалась; конкистадоры огнем и мечом прошли по стране, выжигая и грабя города. Однако самым страшным оказались не мушкеты и пушки испанцев, а принесенные ими неизвестные индейцам болезни. Эпидемии опустошили страну, многие города и деревни были навсегда заброшены. Из десяти миллионов жителей Перу уцелело лишь один-два миллиона.

В XVI веке началась другая, Новая История.

ИСТОРИЯ АЦТЕКОВ

*Гордый собой возвышается город -
Мехико-Теночтитлан.
Здесь никто не боится смерти в бою.
Это – наша слава!*
Мексиканская песня.

Цивилизация Перу была древнейшей цивилизацией Америки, именно здесь была одомашнена кукуруза, были сооружены первые оросительные каналы и храмы-пирамиды. Другая древняя цивилизация сложилась в I тысячелетии до н.э. в Мексике; здесь тоже возделывали кукурузу и возводили ступенчатые пирамиды – по преданию эти пирамиды и огромные высеченные из камня головы воинов принадлежали народу ольмеков. Ольмеки имели иероглифическую письменность и календарь, удивительно напоминавший древнеегипетский; их древняя цивилизация погибла в результате нашествия варваров, но часть ольмекских племен отступила на полуостров Юкатан и в начале нашей эры основала здесь города-государства майя.

Государства майя напоминали уменьшенные копии Великой Инкской Империи, "Тауатинсуйю". Так же как у инков, государство возглавлялось неограниченным монархом, "халач-виником" – "великим человеком". "Великих людей" хоронили в гробницах-пирамидах; им подчинялись многочисленные чиновники и жрецы. Крестьяне, "низшие люди", жили общинами с равномерным распределением земли, возделывали поля правителя и поля храмов, исполняли трудовую повинность на строительстве дорог и дворцов. Майя сохранили письменность и другие знания ольмеков, но история их государств была историей тяжелой борьбы за существование. Земли Юкатана были малоплодородными и давали урожай лишь два-три года, потом приходилось расчищать от леса новый участок – это был изнурительный труд, ведь индейцы не знали железа и рубили деревья каменными топорами. Кроме того, с материка городам майя постоянно угрожали воинственные варвары – сначала тольтеки, затем ацтеки. Полупустыни северной Мексики играли роль Великой Степи; они постоянно извергали волны воинственных варварских народов, которые двигались отсюда на юг – на благодатную долину Мехико и на побережье, откуда некогда бежали майя. В долине Мехико происходил социальный синтез, завоеватели усваивали цивилизацию покоренного народа, и через некоторое время здесь снова вырастали города и храмы. После ольмеков здесь жил неизвестный народ, построивший колоссальные пирамиды в Теотиуакане, а затем – тольтеки, освоившие ирригацию и новые сорта кукурузы. В XIII веке на долину Мехико обрушилось новое нашествие. "В пятый год Тростника стали приближаться чичимеки, – говорит предание. – Они жили, как лучники (охотники), у них не

было домов, не было земель, их одеждой не были тканые плащи – только шкуры животных и травы были их платьем". Чичимеки были дикими варварами, "собачьим народом", они разрушили города тольтеков и заставили уцелевших платить дань. В арьергарде этой варварской волны в долину Мехико пришло родственное чичимекам племя ацтеков; после долгих скитаний оно укрепилось на острове посреди озера Тескоко. Постепенно, в ходе длительных войн, ацтеки подчинили другие племена долины и создали обширный племенной союз, земли которого простирались от тихоокеанского до атлантического побережья Мексики.

К началу XVI века островное поселение ацтеков разрослось в большой город Теночтитлан с сотнями тысяч жителей, огромными храмами и дворцами знати. В городе обитало двадцать ацтекских родов, каждый из которых имел свой храм и несколько выборных "вождей", один из которых – наиболее красноречивый "оратор" – представлял род в совете племени. Совет выбирал двух вождей племени – "вождя людей", ведавшего военными вопросами, и "женщину-змею" (в действительности мужчину), ведавшего гражданскими и религиозными делами. Большую часть населения города составляли крестьяне, имевшие наделы земли в окрестностях; эти наделы принадлежали роду, но могли наследоваться – переделов уже не было. Поселившись в долине Мехико, ацтеки освоили земледелие, однако основным их занятием – как в прежние варварские времена – оставалась война. Каждый год ополчение ацтеков и их союзников уходило в поход на окрестные племена, и каждый из воинов мечтал захватить пленника, чтобы затем принести его в жертву у подножия родового храма-пирамиды. Принеся несколько таких жертв, ацтек становился "текули", уважаемым воином; он мог вступить в один из двух "союзов воинов", "Союз Орла" или "Союз Тигра", и носить украшенный перьями шлем или ягуаровую шкуру. Воины-"текули" не возделывали поля, их наделы обрабатывали крестьяне покоренных общин; за соблюдением этого порядка наблюдали гарнизоны ацтекских воинов. В годы, когда не было войн, "текули" состязались в воинском мастерстве с воинами союзных городов; эти маневры-турниры заканчивались принесением проигравшей "команды" в жертву богам. В государстве ацтеков господствовали варварские законы, когда пленные враги сотнями и тысячами приносились в жертву; у подножия пирамид текли реки крови, и только в одном храме хранилось 130 тысяч черепов жертв. Лишь в конце XV века ацтеки стали сохранять жизнь какой-то части пленных; пленники обрабатывали земли, предназначенные для содержания вождей и храмов.

Ацтеки господствовали над четырьмя десятками индейских племен, плативших им тяжелую дань; их племенной союз держался лишь жестокостью и военной силой, поэтому его распад был неизбежен. В 1519 году на мексиканском побережье высадился испанский конкистадор Эрнандо Кортес с отрядом из четырехсот испанцев; к нему тут же примкнули страдавшие от дани индейские племена. Десятки, а потом сотни тысяч индейских воинов сражались вместе с войском Кортеса; в августе 1521 года Теночтитлан пал.

На улицах лежат сломанные дротики,
Валяются клочья волос.
Дома стоят покинутыми,
Сделались красными их стены...
На улицах и площадях кишат черви,
И стены забрызганы мозгами...

– так описывает предание последние дни ацтекской столицы. Войны и страшные эпидемии унесли 9/10 населения Мексики. В 1521 году начался новый период американской истории.

* * *

Подводя итоги истории средневековой Америки, нужно сказать о многообразии культур этого обширного континента. В XV веке большая часть Америки ещё принадлежала племенам охотников и собирателей. В аргентинских пампасах жили племена теуэльчо, охотившиеся на страусов и антилоп с помощью каменных шаров на длинных ремнях – "боло". На бразильском плоскогорье обитали племена жес, собиравшие личинки насекомых, яйца черепах, орехи и коренья. В джунглях Амазонки жили племена рыболовов; на островах и побережьях Карибского моря обитали араваки, перенявшие у майя подсежное земледелие. В долине Миссисипи охотники тоже постепенно переходили к земледелию и здесь кое-где имелись поселения с храмами и пирамидами. Полупустынная долина Рио-Гранде была центром американской Великой Степи; здесь жили воинственные охотничьи племена и отсюда исходили волны нашествий.

Среди великого разнообразия ландшафтов Америки древние индейцы выделили два "рая на земле" – благодатные долины Куско и Мехико. Здесь, среди гор на высоте 2000 метров над уровнем моря, царил вечная весна и на необычайно плодородных землях давала сказочные урожаи царица этих мест – кукуруза. Здесь быстро выросли деревни и города, вскоре появилась нехватка земель, крестьяне строили ирригационные системы и террасы на склонах гор. Повышение демографического давления в сочетании с культурным влиянием далекой Азии привело к появлению могущественных империй, мобилизовавших тысяч крестьян на строительство каналов и пирамид. Это были империи бронзового века, подобные Египту и Шумеру; индейцы ещё не знали железа и колеса, у инков еще не было письменности, а в Мексике не было домашних животных – кроме собак, которых откармливали на мясо. Разделённые на полки и батальоны армии империй сражались каменными палицами и копьями с обсидиановыми наконечниками – их вооружение было не лучше, чем у воинственных охотников, и они часто терпели поражения. Волны варварских нашествий сокрушали империи и цивилизации, но через некоторое время варвары перенимали культуру побежденных народов, и империи возрождались. Так было в Старом Свете, так было и в Новом – до тех пор, пока не наступило НОВОЕ ВРЕМЯ.

ИСТОРИЯ АФРИКИ

Центром, где некогда, в древние времена, родилась первая цивилизация людей-земледельцев, был Ближний Восток. Ещё в V тысячелетии до нашей эры здесь выросли первые города и храмы, родилась письменность, а затем появились ремёсла, торговля и искусства. Вместе с переселенцами и торговцами достижения древней цивилизации распространялись на запад и восток, в Европу, в Индию – и дальше, туда, куда уплывали парусные корабли и доходили караванные тропы. На север от древнего центра цивилизации располагалась Великая Степь, а на юге простирались бескрайние пустыни Аравии и Сахары – впрочем, в те времена Сахара не была столь безжизненной, как теперь; там было много поросших камышом озёр, и в сезон дождей обширные низины зеленели свежей травой. На юге, за Сахарой, располагалась саванна, где росла трава в рост человека, и кое-где встречались островки лесов; эти острова становились всё более частыми и густыми и, наконец, сливались в зеленую стену непроходимых, переплетенных лианами джунглей. Джунгли были особым миром, где могли выжить лишь люди леса – малорослые пигмеи, умевшие пробираться во влажных зарослях и ловить сетями мелких зверей. В саванне севернее лесов жили чернокожие негры, мужественные охотники, с луком и отравленными стрелами подстерегавшие быков, жирафов и слонов; яд не сразу убивал этих гигантов и охотникам приходилось целыми днями преследовать раненого зверя, увертываясь от его рогов или бивней. На востоке и на юге от огромной области джунглей тоже лежала саванна; здесь жили бушмены, отличавшиеся от негров меньшим ростом и более светлой кожей. В средние века, когда эти края стали посещать арабские торговцы, они были немало удивлены щелкающим, похожим на щебетание птиц, языком бушменов и необычно толстыми

ягодицами бушменских женщин – это считалось у туземцев признаком красоты.

Жизнь африканских охотников текла своим чередом, пока на Ближнем Востоке не родилась новая цивилизация земледельцев и скотоводов. Ощущая нехватку пастбищ, скотоводческие племена Аравии в VI тысячелетии прошли через Суэцкий перешеек в Африку и вскоре расселились на просторах Сахары вплоть до Океана. Огромные стада беспощадно вытаптывали растительность; климат становился всё более жарким, и Сахара постепенно превращалась в пустыню. В конце II тысячелетия до Африки докатилась волна нашествия, выплеснувшегося из Великой Степи; "народы моря", овладев Балканами, пересели с колесниц на корабли и высадились на берегу Ливии; здесь они снова взошли на большие, запряжённые четвёрками коней колесницы и устремились в глубь материка. Эти племена колесничных воинов назывались гарамантами; они покорили пастухов Сахары и дали начало новому народу – берберам, которые и сейчас населяют Великую Пустыню. "Народы моря" нападали и на Египет, но были отброшены могущественными фараонами Нового Царства; Египет тогда находился в зените славы, и победоносные армии фараонов совершали походы далеко на юг по долине Нила. Ещё в XV веке египетские отряды прошли через ущелья, пробитые великой рекой в безжизненных, окруженных пустыней горах и завоевали Нубию – страну чернокожих людей на границе саванны. Здесь были построены крепости и храмы, и местные писцы научились передавать слова своего языка с помощью египетских иероглифов – так родилась первая цивилизация Чёрной Африки. В XI веке в Египте начались смуты, и Нубия стала независимой; здесь появились свои божественные фараоны, которые строили пирамиды и совершали походы в Египет. Нубийские отряды проникали по саванне на запад, захватывали рабов и подчиняли племена негров, которые не могли сопротивляться железным мечам нубийцев. Покорённые народы заимствовали у завоевателей секреты плавки железа и выращивания зерновых – но, поскольку пшеница плохо росла в саванне, негры одомашнили местные злаки, сорго и просо. На рубеже нашей эры племена саванны научились выращивать ямс – клубнеплодное растение, похожее на картофель. Ямс мог расти на вырубках среди джунглей, и это открытие положило начало освоению тропического леса: земледельцы с железными топорами вырубали деревья на небольшом участке, потом сжигали высохшие стволы и, вырыв среди пней лунки, садили ямс. Расчищенный участок плодоносил лишь два-три года, потом деревня перебиралась на новое место, а вырубка быстро зарастала влажным лесом. Так же, как в лесах Азии и Европы, переложная система земледелия требовала объединения всех сил деревни, поэтому крестьяне жили сплочёнными родовыми общинами: вместе валили лес, вместе обрабатывали землю мотыгами и убирали урожай. В течение первого тысячелетия нашей эры племена земледельцев-банту широко расселились в тропических лесах, и некоторые из них вышли на южную окраину джунглей, в саванны на берегу Замбези; охотники-бушмены были оттеснены в пустыню Калахари.

В IV веке на могущественное Нубийское царство неожиданно обрушилось нашествие с востока, со стороны Эфиопского нагорья. Нагорье было удивительной горной страной, расположенной на высоте в 2000 метров над уровнем моря и обрывавшейся в сторону прибрежных равнин отвесными каменными стенами. Здесь были мягкий климат и плодородные почвы, издавна привлекавшие переселенцев с другого берега Красного моря – из Аравии. Переселенцы, прибывшие в I веке нашей эры, основали на плоскогорье город Аксум и принесли с собой культуру Востока – письменность, искусство строительства плотин и каменных зданий. Неподалёку от Аксума располагался порт Адулис, где останавливались направлявшиеся в Индию корабли александрийских греков. Эфиопские купцы участвовали в морской торговле, продавали грекам слоновую кость, благовония, рабов и вместе с ними плавали в Индию. В 330 году аксумский царь Эзана услышал от купцов, что римский император Константин принял христианство, и решил последовать примеру своего могущественного соседа. Эзана создал сильное войско, совершил много походов, и "силою бога Христа" покорила Нубию. Если верить легендам, то часть нубийцев отступила по саванне на запад, где они, подчинив местных жителей, основали новые

города-государства.

Аксум оставался могущественным государством до VII века, когда волна арабского нашествия затопила всю Северную Африку и достигла границ Нубии. Эфиопия оказалась отрезанной от остального христианского мира, и ей пришлось в одиночку сражаться с многочисленными мусульманскими народами. Порт Адулис был разрушен, эфиопы были отеснены от моря и отступили на нагорье, связь с внешним миром прервалась; наступило время упадка, когда были забыты многие ремёсла – в том числе и искусство строительства каменных зданий. Иноземцы со всех сторон обступили нагорье и не раз пытались овладеть этой огромной природной крепостью – но Эфиопия выстояла и сохранила свою независимость и свою веру. Символом негибкости и величия христианского духа стали церкви Лалибэлы, вытесанные из цельной скалы тысячами безымянных строителей – удивительный памятник архитектуры, созданный в XIII веке, в самое тяжёлое время борьбы с врагами. Церковь оберегала наследие древней культуры, в церквях и монастырях хранились и переписывались древние святыне книги – и среди них были и такие, которые были утеряны в "большом мире" и уцелели только в Эфиопии. До христианской Европы доходили смутные слухи о православном царстве где-то на юге, и в XII веке римский папа послал приветствие "Иоанну, славному и великому царю индийцев". Неизвестно, достигло ли это послание цели – достоверные сведения о посещении Эфиопии европейцами относятся лишь к XV веку, а до этого времени история Эфиопии известна лишь по скудным отрывкам монастырских хроник.

Эфиопия была отрезана от моря мусульманскими городами-государствами на побережье Восточной Африки. Эти города были рассыпаны по берегу океана вплоть до устья реки Замбези; они были основаны арабскими торговцами, приплывавшими в Африку за золотом и рабами и постепенно обосновавшимися на побережье. Торговцы не заходили в глубь экваториальных областей, где жили негры-"зинджи"; они покупали рабов у местных вождей в обмен на мечи, копья, ткани и стеклянные бусы. Чтобы захватить рабов для обмена на эти "дары цивилизации", негры вели между собой постоянные войны; при этом особой воинственностью отличались племена скотоводов, пришедшие некогда с севера и покорившие местных земледельцев-банту. Когда-то эти жестокие завоеватели были всадниками, гарцевавшими на лошадях – но их лошади не смогли выжить в тропиках из-за разносившей губительную инфекцию мухи цеце; тогда они пересели на низкорослых быстрых быков: они седлали и взнуздывали их, как лошадей, и сражались на них в бою. У потомков завоевателей были суровые обычаи: молодые мужчины не могли жениться до 30 лет и составляли касту воинов, они обычно ходили нагими, украшали себя перьями и раскрашивали лица; их оружием были длинные копья с широким железным наконечником и большие щиты из бычьей кожи. Вожди этих племён почитались, как боги, и на их могилах устраивались массовые жертвоприношения – но в то же время с наступлением старости их принуждали к самоубийству: считалось, что здоровье бога-вождя олицетворяет жизненную силу всего племени и, чтобы эта сила не угасла, на смену одряхлевшему "богу" должен прийти молодой и крепкий. Дворец вождя, по описанию путешественников XIX века, был огромной хижиной из соломы и тростника; при приёме послов вокруг вождя стояли сотни его жён и лежали большие и маленькие священные барабаны – символы царской власти. На пирах ели жареное мясо и пили банановое вино – интересно, что пищу большей части народа составлял не хлеб, а бананы. Бананы, гвоздичное дерево, лодки с балансирами и дома на сваях были позаимствованы жителями материка у жителей таинственного южного острова Мадагаскар. Этот огромный остров населяли не негры, а люди с бронзовой кожей, прибывшие некогда с востока на тысячах больших парусных каноэ, снабжённых двусторонними балансирами. Это были индонезийцы, жители Явы и Суматры, пересёкшие океан благодаря муссону, дующему зимой с северо-востока на юго-запад. Индонезийцы заселили безлюдный остров, где росли тропические леса и обитали диковинные животные – большие лемуры, гиппопотамы и огромные птицы высотой в три метра и весом в полтонны – страусы-эпиорнисы. Эпиорнисы были вскоре истреблены колонистами, охотившимися за их

яйцами, каждое из которых весило полпуда – такой яичницы было достаточно, чтобы накормить 70 человек! Однако легенда о гигантских птицах, обитающих на юге, сохранилась в арабских сказках о Синдбаде-мореходе и в книге Марко Поло – эту птицу называли Рух и говорили, что она может поднять в когтях слона.

Мадагаскар, или "Лунный остров", был южным пределом известного мусульманам мира, и Южная Африка оставалась областью, неведомой для арабов – но зато они были хорошо знакомы с Западной Африкой, со странами южнее Сахары. Эти страны назывались в арабских рукописях "Биляд ас-Судан" – "Земля чёрных", или "Сахель" – "Берег": Сахара представлялась арабам огромным песчаным морем, и народы, жившие южнее пустыни, были для них обитателями противоположного "берега". Ещё в глубокой древности через пески западной Сахары существовала дорога, шедшая от колодца к колодцу – позже её назвали "дорогой колесниц", потому что в этих местах на скалах находили многочисленные изображения колесниц. Переход через пустыню длился месяц, и не каждый караван добирался до того берега – случалось, что знойный ветер "сирокко" погребал под песком десятки верблюдов и погонщиков. Однако караванщики не зря рисковали жизнью: в долине протекавшей по саванне реки Нигер имелись богатейшие россыпи золота, и не знавшие его истинной ценности негры меняли золотой песок на равное количество соли. Правда, торговцам приходилось отдавать часть золота жившим в Сахаре берберам; берберы были воинственным и суровым народом пустыни, напоминавшим своим характером народы азиатской Великой Степи; племена берберов постоянно сражались между собой и совершали набеги на "Землю черных". Иногда они объединялись и волной обрушивались на земледельческие народы саванны, подчиняли их и создавали государства, в которых завоеватели были правителями и воинами, а покорённые негры – данниками и рабами. Одним из таких царств, существовавшим в X-XI веках, была Гана; правитель Ганы мог выставить армию в 200 тысяч человек, всадников и пехотинцев. В этом государстве были города с домами из камня, в которых жили мусульманские купцы, и деревни с крытыми соломой глинобитными хижинами – жилищами негров. В 1076 году столица Ганы была разрушена берберами-альморавидами, сторонниками призывавшего к очищению ислама имама Ибн Ясина. Так же, как во времена Мухаммеда, фанатичные кочевники пустыни объединились под знаменем истинной веры и обрушились на окружающие страны; они завоевали не только Гану, но и Марокко, а также половину Испании. Всюду, куда ни приходили альморавиды, они отменяли "несправедливые" налоги, выливали на землю вино и ломали музыкальные инструменты: по их мнению, "истинно верующие" должны были лишь молиться и сражаться за веру.

После долгих войн и смут на месте Ганы образовалось государство Мали, правители которого имели чёрную кожу, но исповедовали ислам; к этому времени завоеватели-берберы смешались с неграми, приняли их язык и превратились в местную аристократию, владевшую тысячами рабов. Так же, как в Гане, в Мали были мусульманские города и мечети, и огромные караваны уходили каждый месяц на север с золотом, слоновой костью и чернокожими рабынями. В XV веке царство Мали сменило государство Сонгай, правитель которого аския Мухаммед разделил свою страну на провинции и ввёл налоги по мусульманскому образцу. Царство Сонгай был могущественной средневековой державой – но в других странах света уже давно наступило новое время, время пороха, мушкетов и пушек. В 1589 году по караванному пути через Сахару неожиданно прорвалась армия марокканского султана ал-Мансура. При переходе через пустыню погибло больше половины солдат и до берегов Нигера дошло лишь около тысячи марокканцев – но у них были наводившие ужас на противника мушкеты. Сонгайская армия разбежалась после первого залпа марокканцев. "С этого времени всё изменилось, – говорит историк того времени. – Безопасность уступила место опасности, богатство – бедности. Спокойствие открыло дорогу несчастью, бедствию и насилию". Столица Сонгай была разграблена и разрушена так же, как были разграблены и разрушены людьми с мушкетами города на восточном побережье. Эти люди приплыли из Европы на больших парусных кораблях, на палубах которых стояли

пушки – и грохот их выстрелов символизировал начало новой эпохи.

ИТОГИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ

XIII-XIV веках цивилизация Старого Света завершила еще один круг по арене истории, и, чтобы понять суть событий, нам нужно вернуться к их истокам. Началом дней и точкой отсчета истории человечества было освоение земледелия и скотоводства – Неолитическая Революция, которая неузнаваемо изменила мир древних людей и положила начало новому виду *Homo sapiens*, виду людей-земледельцев. Земледельцы расселились по просторам Старого Света и создали то, что теперь называют цивилизацией – города, храмы, науки и искусства. Потом наступило перенаселение, земля была поделена между семьями и стала собственностью, богатые стали скупать надель бедняков, появились помещики и безземельные батраки. Началось Сжатие – время голода и восстаний, в конце концов, приведших к революции, гражданской войне и гибели большей части населения. Революция отдала власть в руки царей, которые пытались восстановить справедливость, ограничить власть богатых и дать землю крестьянам – и цари спокойно правили до тех пор, пока снова не началось перенаселение и Сжатие. Голод заставил бедняков отдавать свои надель ростовщикам за мешок зерна; снова появились помещики и батраки, и снова начались восстания, которые погубили множество людей и привели к власти новых справедливых царей. История земледельческих цивилизаций протекала в ритме демографических циклов длиной в полтора-два столетия: период роста населения, затем Сжатие, голод и революция, приводящая к гибели миллионов людей и обновлению монархии – а потом все повторялось снова и снова.

Однако земледельцы не были единственным видом *Homo sapiens*, населявшим нашу планету. В Великой Степи обитали скотоводы, сохранившие агрессивные традиции древних охотников. Условия высокого давления и постоянные войны делали кочевников необычайно выносливыми и воинственными, а занятие скотоводством побуждало их обращаться с покоренными, как со скотом. В то время, как привыкшие к мирному труду земледельцы постепенно разучились убивать, война была частью жизни кочевых племен. Вплоть до недавнего времени всемирная история была историей борьбы двух видов людей, и успех в этой борьбе обычно принадлежал кочевникам – благодаря их союзу с лошадью. Начало этому союзу положило изобретение степняками боевой колесницы, следующей ступенью было освоение всадничества, затем – изобретение гуннского лука. Каждый новый шаг на этом пути приносил кочевникам новые преимущества и нарушал военное равновесие двух видов; на земледельческие области обрушивалась Волна могущественных и жестоких завоевателей. Волны нашествий разорвали на части историю земледельческих цивилизаций; каждая Волна влекла за собой демографическую катастрофу, большая часть населения истреблялась завоевателями, и в опустошенной стране история начиналась сначала.

История Средневековья началась с одной из таких волн – грандиозного нашествия варварских народов, вызванного появлением стремени, седла и сабли – и с рождения в Великой Степи нового народа кентавров, тюрок. Большая Волна из Степи сомкнулась с Арабской Волной из Аравии и поглотила цивилизацию Древнего Мира; лишь один город, полуразрушенный и опустевший Константинополь, смог выстоять и спасти в своих стенах драгоценные рукописи прошлого.

Как всегда бывает после нашествия, завоеватели обратили часть покоренных туземцев в рабов, а остальных заставили платить дань. Некоторые историки называют этот строй феодализмом, но "феодализм" не был изобретен в VI веке – такое бывало и раньше, и позже. Надменные всадники с длинными мечами царствовали среди развалин и заросших лебедой полей – началась эпоха Средневековья.

Родиной человеческой цивилизации и местом, где впервые началось Сжатие, был Ближний Восток. К началу средних веков история ближневосточных империй насчитывала уже три тысячелетия; монархическая традиция справедливости вела здесь начало от Хеопса

и Саргона Великого. Время от времени волны варварских нашествий сокрушали Империю, но традиции были столь сильны, что победители быстро перенимали имперский порядок и старались использовать его для эксплуатации местного населения. Арабы – как и другие завоеватели – сохранили прежнюю налоговую систему и стали военным сословием нового государства, "Халифата". "Неверным" туземцам, "зиммиям", было отведено место податного сословия – однако о справедливом распределении повинностей уже не было речи; арабы увеличивали подати по праву победителей. Чрезмерные повинности сужали экологическую нишу и, цивилизация только-только успела подняться из развалин, как началось Сжатие. Сжатие вызвало одну за другой три революции и долгие гражданские войны, принесшие гибель большей части населения; IX век стал временем катастроф, завершивших первый демографический цикл Средневековья. Революции разрушили Халифат и породили на свет три империи: Империю Фатимидов в Египте, Империю Газневидов в Иране и Империю Буидов в Ираке. В Империи Фатимидов утвердились у власти сторонники уравнительного ислама, исмаилиты; они рассылали по всему арабскому миру проповедников-даи, поднимавших революции под знаменем справедливости.

Империи нового поколения освоили новую военную технику и создали регулярные конные армии. Эти армии комплектовались из гулямов, купленных в детском возрасте и воспитанных в казарме рабов-тюрок. Лучшие воины степей с детства приучались к суровой военной дисциплине и за счет государства оснащались рыцарским вооружением; они не имели равных на поле боя – но проблема заключалась в том, чтобы держать их в покорности; мятежи гулямов были частым явлением в странах Востока. Однако, смирившись под железной рукой великих султанов, таких, как Махмуд Газневи, армия гулямов превращалась в могучую силу. В XII веке гулямы завоевали Северную Индию и создали здесь по ближневосточному образцу еще одну могущественную Империю – Делийский султанат.

Арабская Волна разделила Ближний Восток на два мира, мир ислама и мир христианства. В разоренной арабскими нашествиями Малой Азии уцелел обломок Великой Римской Империи – Византия. Так же как в Халифате, здесь продолжали сохраняться сильные имперские традиции, и революция IX века, распространившись на Малую Азию, вызвала здесь возрождение Империи. Следующие полтора столетия стали эпохой расцвета империй и вместе с тем временем нового демографического цикла. Разрушительные последствия революций были постепенно преодолены, и в конце X века началось новое Сжатие; это был период расцвета городов и торговли, время процветания Константинополя и Багдада, эпоха плаваний Синбада-морехода. Однако с усилением Сжатия снова пришел голод, начались восстания в городах, и в этот момент на ослабевшие империи обрушилась новая Волна из Великой Степи – нашествие тюрок. Завоевав Переднюю Азию, турки сохранили имперские порядки и бюрократическое управление, но перестроили военную организацию. Турки стали военным сословием Империи, воины получали в икта деревни с крестьянами и собирали с них налоги. Таким же образом была преобразована военная организация в Византии, а в Египте тюркские эмиры были обязаны выставлять со своих икта определенное количество гулямов. В конечном счете тюркским султанам не удалось удержать имперский порядок; получив икта, воины приобрели независимость и стали поднимать мятежи; в XII веке огромный тюркский султанат распался на враждовавшие между собой княжества.

В то время как в Передней Азии завоеватели, используя традиции Империи, быстро создали могущественное централизованное государство, Европа на протяжении веков оставалась полем ожесточенных сражений. Германцы, гунны, турки, арабы, венгры, норманны волна за волной накатывались на равнины Европы, обращая в пепел все, что еще осталось. Правда, в промежутке между нашествиями франки сумели усвоить остатки римских имперских традиций, христианство и графскую администрацию. В VIII веке они переняли у арабов рыцарскую кавалерию и систему феодалов-икта. Усилившись благодаря этой модернизации, франки завоевали всю Западную Европу; однако опиравшиеся на остатки римских традиций короли не смогли удержать в подчинении своих рыцарей; так же

как в тюркском султанате, в государстве франков установились феодальные порядки. Рыцари лишили власти королей, поработили крестьян и превратили свои владения в полунезависимые сеньории. В X и XI веках на территории Франции царила анархия, частные войны сеньоров чередовались с набегами венгров и норманнов. Римские имперские традиции до какой-то степени сохранялись в Англии и Германии, где короли еще удерживали в подчинении своих баронов и церковь. Однако в XI веке началась борьба церкви за независимость от королевской власти; эта борьба привела к гибели остатков европейского абсолютизма. Европа погрузилась в анархию и частные войны сеньоров; повсюду воздвигались замки и жизнь была возможна лишь за крепостными стенами.

Войны и нашествия долгое время сдерживали рост населения; во времена расцвета Константинополя и Багдада в Европе практически не было городов. Лишь в конце XI века началось оживление городской жизни в Италии и Фландрии; со временем эти области стали двумя очагами европейского Сжатия, здесь выросли города-коммуны, снабжавшие всю Европу тканями и предметами роскоши. В XIII веке начались выступления городских низов и крестьянские восстания; рабочие овладели властью в городах Фландрии, а итальянские коммуны освободили рабов в своих владениях. В начале XIV века Сжатие привело к освобождению большинства сервов во Франции: в обстановке голода и удешевления рабочей силы рабы потеряли ценность, и сеньоры разрешили им выкупать свободу. Инициаторами освобождения через выкуп были французские короли, это привлекло к ним симпатии народа и способствовало новому усилению королевской власти. В начале XIV века Франция стояла на пороге рождения новой Империи – однако европейское Сжатие было внезапно прервано Черной Смертью.

Цивилизации Ближнего Востока, Европы и Индии были связаны многими нитями и в известном смысле составляли одно целое. Здесь выделялся мощный центр Сжатия в Передней Азии, который оказывал определяющее воздействие на соседние общества, вынуждая их модернизироваться по своему образцу и подобию. История периферийных областей в значительной степени сводилась к процессам модернизации, перениманию государственного устройства, религии и культуры. Помимо этого единого исламо-христианского мира на Земле существовал ДРУГОЙ МИР – великая китайская цивилизация. Вследствие географической изолированности контакты между двумя мирами были слабы и о процессах модернизации и заимствования социальных институтов не могло быть речи. Китайское общество развивалось независимо от Запада – тем более удивительно, что оно развивалось по тем же законам. Здесь также существовал мощный центр Сжатия в долине Хуанхэ, который выступал в роли оплота тысячелетних имперских традиций. После полуторавекового периода анархии кочевники усвоили эти традиции и приспособили их для эксплуатации покоренного населения. Как только войны стихли, численность населения стала быстро расти, и уже в конце VI века началось Сжатие, вызвавшее грандиозную социальную революцию. Катастрофа погубила две трети жителей Китая и породила могущественную Империю Тан. Принципы "всеобщего поравнения" были проведены в жизнь с максимальной последовательностью; крестьяне были обеспечены одинаковыми наделами, а ученые-чиновники отбирались через открытые для всех экзамены. С рождением Империи Тан начался второй демографический цикл, продолжавшийся более ста лет и приведший в середине VIII века к новому Сжатию. Из-за нехватки земли прекратилось наделение крестьян, начались продажи наделов, и снова появились поместья "сильных домов". Кризис Империи привел к ослаблению контроля за армией, вызвал военные мятежи и погубившую половину населения гражданскую войну. В третьем цикле, продолжавшемся до конца IX века, Империи Тан приходилось бороться с продолжавшимися мятежами военных; государство ослабело и уже не контролировало распределение земель. В конечном счете, Сжатие вызвало новую революцию – и вместе с тем новую демографическую катастрофу, погубившую большую часть населения. Новый, четвертый, цикл начался с рождения Империи Сун и продолжался необычно долго, около трех столетий. Империя Сун проводила энергичную политику колонизации Южного Китая, строительства ирригационных

систем и внедрения культуры заливного риса. Эта политика позволила вдвое расширить экологическую нишу Китая и на долгое время предохранила государство от социальных потрясений – хотя внутри Империи по-прежнему существовало неравенство, и "чистые чиновники" эпохи Тан постепенно превращались в помещиков.

Долина Хуанхэ была очагом Сжатия и центром китайской цивилизации. Южный Китай, Вьетнам, Корея и Япония оставались областями низкого давления и социальные процессы здесь в основном сводились к модернизации по северокитайскому образцу. Так же, как цивилизация Запада, цивилизация Востока имела свой центр и свою периферию и отношения между ними определялись процессами модернизации. Общим земледельческим цивилизациям с севера угрожал мир кочевников, по-прежнему испускавший волны нашествий. В начале X века на Европу обрушилась Венгерская Волна, в XI веке Ближний Восток был затоплен Тюркской Волной, в XII веке Северный Китай был завоеван чжурчженями. Эти локальные нашествия свидетельствовали о новом повышении давления в Великой Степи; в XIII веке на Евразию обрушилась новая Большая Волна, принеся гибель миру средневековья. Кочевники уничтожили оба очага цивилизации, западный и восточный; города были разрушены, население вырезано, ирригационные системы пришли в негодность и цветущие некогда земли обратились в пустыню. Еще и сейчас с высоты птичьего полета угадываются очертания некогда существовавших городов и каналов – Газна, Мерв, Нишапур, огромные города Востока превратились в легенду "Тысячи и одной ночи". Миллионы разлагавшихся трупов покрыли равнины Евразии; тлетворные испарения породили неведомых и страшных бактерий. Вслед за Большой Волной пришла Черная Смерть; она опустошила те страны, куда не дошел железный поток монгольской конницы. "Овцы и козы плутали без запрета по полям, на которых хлеб был заброшен – не только не убран, но и не сжат".

Монгольская Волна была катастрофой планетарного масштаба, но вместе с тем она была ПОСЛЕДНЕЙ катастрофой такого рода. Конец Средневековья был вместе с тем концом долгой эпохи борьбы цивилизации и варварства. Вплоть до XIV века Волны нашествий из Великой Степи регулярно обрушивались на земледельческие цивилизации, сметая с лица земли города и хороня под руинами остатки древних культур. В конце Средних Веков цивилизация одержала решительную победу: изобретение артиллерии остановило варварские нашествия, и *Homo sapiens novus* стал хозяином своей планеты. История вырвалась из бесконечного круговорота возрождений и катастроф и вышла на прямую дорогу.

Началось Новое Время.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЛАВА, ПРЕДНАЗНАЧЕННАЯ ДЛЯ НЕПОСВЯЩЕННЫХ

Эта глава предназначена для тех, кто не читал первый том нашей "Всемирной истории" и не знаком с демографической теорией исторического процесса, родоначальником которой является Томас Мальтус. Основным понятием этой теории является ДАВЛЕНИЕ на этнос внешней среды, которое измеряется коэффициентом смертности взрослого населения. Различаются ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ и ВОЕННОЕ ДАВЛЕНИЕ – соответственно голодная и военная смертность. Демографическое давление может рассматриваться, кроме того, как величина, обратная потреблению пищи на душу населения; состояние высокого демографического давления – это попросту состояние хронического или регулярно повторяющегося голода. Это состояние называется также СЖАТИЕМ, а для ситуации высокого военного давления используется термин ВОЕННОЕ СЖАТИЕ. СЖАТИЕ приводит к социальной революции, порождающей ИМПЕРИЮ, общество, наделенное жесткой организационной структурой, и регламентирующее общественные отношения с целью противостояния голоду и внешним врагам. Это государственное регулирование

осуществляется диктатурой или АБСОЛЮТНОЙ МОНАРХИЕЙ, АБСОЛЮТИЗМОМ. Помимо организации военных сил государства, абсолютизм регулирует распределение продуктов питания и земли, исходя их соображений социальной справедливости и военной целесообразности. Империю, осуществляющую такое регулирование, мы называем СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ, подразумевая под социализмом относительную равномерность в распределении жизненных средств. Общество Империи разделено на СОСЛОВИЯ воинов, чиновников, крестьян и ремесленников. В случае нарушений в системе государственного регулирования воины или чиновники могут овладеть властью и использовать имперскую организацию в своекорыстных целях – этот процесс называется ФЕОДАЛИЗАЦИЕЙ. Феодализация приводит к разложению и распаду Империи, однако это разложение может затянуться на столетия. Другой разновидностью нарушений в системе государственного регулирования является ИМПЕРСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ, чрезмерная мобилизация сил народа на военные или строительные мероприятия.

Феодальный строй может быть установлен также в результате завоевания, когда часть покоренного населения обращается в рабов, а другая часть – в неполноправных плебеев. В эпоху древнего мира такие государства создавались арийскими племенами, поэтому феодализм иногда называют АРИЙСКИМ ПОРЯДКОМ. Завоевание сопровождается СОЦИАЛЬНЫМ СИНТЕЗОМ, в ходе которого победители отчасти перенимают имперские традиции и используют их для эксплуатации покоренного населения. В результате такого синтеза завоеватели обычно становятся привилегированным военным сословием Империи, однако в некоторых случаях нежелание подчиниться абсолютной власти вызывает у них НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКУЮ РЕАКЦИЮ. Такого рода реакция под лозунгом восстановления старых традиций возникает и во время МОДЕРНИЗАЦИИ общества по образцу более сильных в военном отношении государств. Модернизация подразумевает перенимание военной техники и организации, а впоследствии и социальных отношений. Наряду с порождающей Империю социальной революцией модернизация является основным элементом исторического процесса.

В зонах высокого демографического давления, или ОЧАГАХ СЖАТИЯ, – на Ближнем Востоке и в Китае – исторический процесс распадается на ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ. Каждый такой цикл начинается с периода заполнения экологической ниши ("период восстановления"), затем следует Сжатие и революция или демографическая катастрофа другого рода (война, эпидемия), которая резко уменьшает численность населения. После катастрофы начинается новый демографический цикл и новый период восстановления. На периферии развитие сводится в основном к модернизации по образцу Империй, существующих в очагах Сжатия. Ход развития может быть нарушен ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМ ОТКРЫТИЕМ – военным изобретением или открытием в области производства пищи, позволяющим расширить экологическую нишу этноса. Изобретение нового оружия порождает ВОЛНУ завоеваний, сопровождающуюся демографическими катастрофами и установлением на обширных территориях арийского порядка.